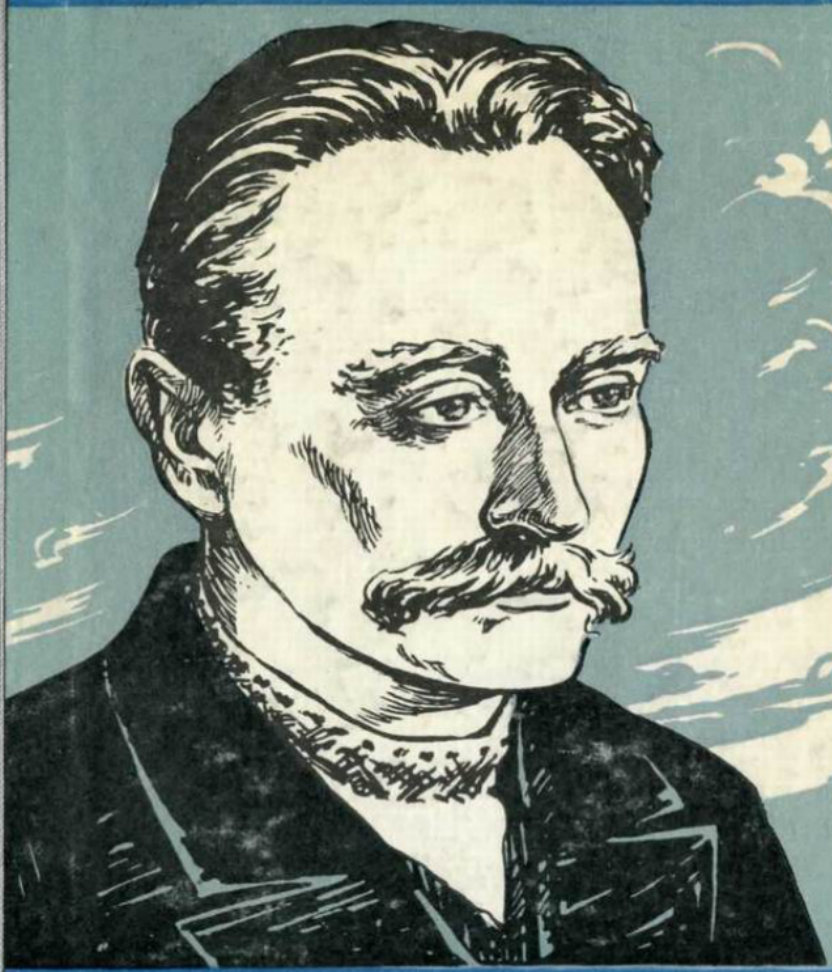
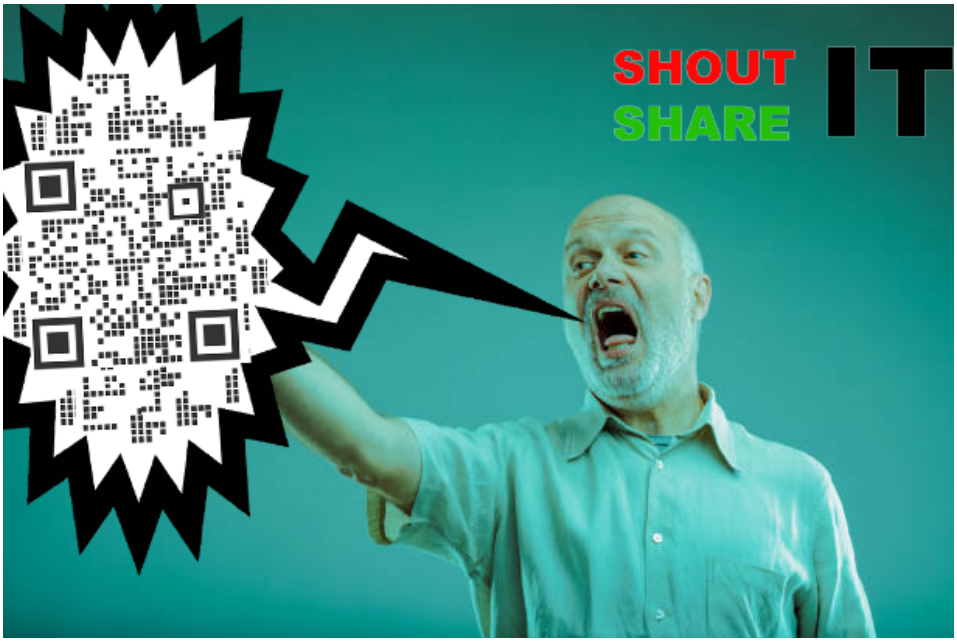
Леонид Хинкулов ФРАНКО

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ



Леонид Хинкулов

ФРАНКО


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Настоящая книга — история жизни Ивана Франко. Это документальное повествование, в основе которого богатый материал: автобиографические произведения самого Франко, его письма, мемуары современников, многие литературные источники.

- Хинкулов Леонид Федорович
  -
  - I. КУЗНИЦА НА ГОРЕ
  - II. В ШКОЛЕ ВАСИЛИАН
  - III. В ДРОГОБЫЧСКОЙ ГИМНАЗИИ
  - IV. ЖИЗНЬ И ЛЮБОВЬ
  - V. НАЧАЛО БОРЬБЫ
  - VI. ДРУГ РАБОЧИХ
  - VII. ВТОРОЙ АРЕСТ
  - VIII. ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ
  - IX. ТРЕТИЙ АРЕСТ
  - X. ПОД ПОЛИЦЕЙСКИМ ГНЕТОМ
  - XI. ЕЖЕДНЕВНЫЙ ПОДВИГ
  - XII. ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА
  - XIII. ВО ИМЯ СВЕТЛОГО ЗАВТРА
  - XIV. ТИТАН МЫСЛИ И ТРУДА
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
  - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23

Хинкулов Леонид Федорович
ИВАН ФРАНКО

Классик украинской литературы Иван Франко известен далеко за пределами своей родины.

Необъятно его литературное наследие. Он писал рассказы, повести и романы, сказки, комедии, драмы и драматические поэмы. Его перу принадлежат книги стихов и фундаментальные этнографические труды. И все, что он ни писал, будь то повесть «Борислав смеется», поэтический сборник «С вершин и низин» или поэма «Моисей», он писал о народе и для народа.

Не только перо — всю свою жизнь он отдал порабощенному рабочему люду. Его травили националисты, преследовали власти. Трижды бросали Франк о за решетку… Леся Украинка говорила, что стихи Франко кажутся ей красными — словно они орошены кровью сердца поэта.

Настоящая книга — история жизни Франко. Это документальное повествование, в основе которого богатый материал: автобиографические произведения самого Франко, его письма, мемуары современников, многие литературные источники.

Автор книги, Хинкулов Леонид Федорович, — украинский литературовед, критик и журналист. Ему принадлежат работы о Пушкине (1937 г.), Горьком (1946 г.), Шевченко, Франко, Тычине, по истории украинской советской литературы, литературоведческие и публицистические статьи.

В 1957 году в серии «Жизнь замечательных людей» вышло написанное им жизнеописание Тараса Шевченко.

Иван Франко

I. КУЗНИЦА НА ГОРЕ

На пригорке, за селом Нагуевичи, прямо посреди слободы, которая так и называлась — Гора, стояла просторная кузница Яця Франко.

Зимой здесь бывало особенно людно. Окончены крестьянские работы. Лишь кое-где по гумнам еще стучат цепы, да в сенях шуршат пилы, да жужжит ворот. А в кузнице веселый говор. Кузнец славился на всю округу добротной работой и — не менее — острым умом, живым нравом, отзывчивым сердцем. К деньгам пристрастия он не имел: за труд свой дорого не брал — «что людям, то и мне». А нет наличных сейчас — подождет, пока будут. Зато любил шумную компанию, неторопливую обстоятельную беседу.

И народ сходился к нему в кузницу, как в деревенский клуб: поделиться мнениями о выборах в ландтаг, о битве австрийцев с пруссаками при Садовой, пожаловаться на выкупные платежи, на жестокость и подлость австрийских полициантов, польских помещиков, украинских попов и торговцев… Сюда стекались вести из Львова и Вены, из Дрогобыча и Борислава,

Пока шли все эти разговоры, Яць ни на минуту не прерывал работы. И маленький Ивась, сидя тут же на большой каменной плите, нарочно для него положенной, слушал рассказы мужиков и одновременно следил за тем, как разгорается огонь горна, как робко проскальзывают между углей синеватые быстрые язычки.

Чаще всего и больше всего разговоры кружились вокруг Борислава. Там только что начали добычу нефти и горного воска. Туда шли тысячи. Одни с думкой разбогатеть — «за черной рубашкой и белым хлебом», как о них говорили. Эти скупали у селян клочки земли и принимались рыть «ямы». Другие брели сюда в поисках работы — любой работы, лишь бы не пропасть с голоду.

Каждый день приносил новые мрачные слухи: столько-то человек задохнулось в колодцах, столько-то свалилось в ямы…

Яць не любил разговоров о Бориславе. Во всем этом новом, только входящем в жизнь он видел нечто враждебное. И был рад переменить тему.

— Заслоните-ка там ребенка, — оборачивался он к кому-нибудь из тех, кто сидел поближе. И искры, словно «рой огненных шмелей», взвивались под самый обросший сажей свод.

Ловкие руки Яця кидали в огонь две пригоршни старых кованых гвоздей, обкладывали их углями. Потом еще долго

«колдовали» над горном. И когда пламя становилось совсем белым, в глубине его что-то светилось, как золото. Это «варился» топор.

Случалось, что разговор уже давно переметнулся на новые темы, уже потекли воспоминания о прежних днях, о скитаниях селян по Подолью в поисках работы, сыпались анекдоты из быта подолян, галичан… А Ивась все еще был во власти бориславских ужасов. Может быть, и не все, что рассказывают, правда? Но слобода лежит в стороне от торной дороги, и через нее никто не идет и не едет из Борислава. Ивась решает: «Не пожалею ног и непременно весною туда отправлюсь сам».

…Рассказы вдруг стихают: топор готов. Его передают из рук в руки: крестьяне придирчиво оглядывают его, ощупывают.

— Ну, этот послужит, — говорит один.

— Мне бы те дубочки, которые он срубит, — вторит ему другой.

Кто-то вытащил из-под полы бутылку. И отец, уставший, но веселый, довольный похвалой, присаживается вместе со всеми. Теперь его очередь рассказывать. А он неистощим на шутки, анекдоты, побасенки.

Но больше всего любит он порассуждать на моральные темы.

Маленькому Ивасю на всю жизнь запомнилась мудрая старая легенда, рассказанная как-то отцом, — о святом Валентин.

Самоотверженный врач Валентий долго служил людям, и они его ценили и любили. Но вот по наущению отшельника Валентий ушел в лес, чтобы служить только богу. Двенадцать лет провел он вдали от людей, но душа его не нашла успокоения.

И однажды Валентий услышал голос бога: «Ну, скажи, сладко ли жить человеку без человеческой любви?» И Валентий ответил: «Господи, лучше пошли мне смерть, чтобы я больше не мучился так!» И тогда бог сказал: «Вот видишь! Кто служит людям, тот и мне служит. Я сотворил человека для людей, и только с людьми и через людей он может быть счастлив. Если бы я хотел, чтобы он был счастлив сам по себе и через себя, я бы сделал его камнем… А я дал человеку величайший дар — любовь к людям».

Много лет спустя Иван Франко напишет поэму «Святой Валентий» и посвятит ее памяти «незабвенного отца Якова Франко», о котором однажды сказал:

— Всегда и везде он был человеком товарищества, общества. «С людьми и для людей» — это был девиз его жизни.

Это станет девизом и для самого Ивана Франко.

А отцовскую кузницу писатель аллегорически воскресит в своей книге «Из дней печали»:

Внизу, у гор, село лежит,
По-над селом туман дрожит,
А на взгорье, вся черна,
Кузня старая видна.

И кузнец в той кузне клеплет
И в душе надежду теплит,
Он все клеплет и поет
И народ к себе зовет:

«Эй, сюда, из хат и с поля!
Здесь куется ваша доля.
Выбирайтесь на простор,
Из тумана к высям гор!»

А мгла-туман качается,
По-над селом сгущается,
На полях встает стеной,
Чтобы путь затмить людской.

Чтобы людям стежки торной
Не найти к вершине горной,
К этой кузне, где куют
Им оружье вместо пут[1].

Здесь, в отцовской кузнице на пригорке, маленький Ивась и прошел свою первую жизненную школу.

•

Иван Яковлевич Франко родился 27 августа 1856 года в селе Нагуевичи Дрогобычского уезда, в Галиции, которая входила тогда в состав Австро-Венгерской монархии.

Ивася рано начали учить грамоте. И еще до школы мальчик прочитал на украинском языке «Венок русинам на обжинки» известный сборник Якова и Ивана Головацких. Там были помещены произведения украинских писателей, народные песни, сказания, легенды.

А когда Ивасю исполнилось шесть лет, его отдали в начальную сельскую школу.

В одно ясное утро мать умыла его, причесала тщательнее,

чем обычно, принарядила, как могла, и отец повел его в соседнее село Ясеница Сольная. Возле большого дома с соломенной крышей и трубой они остановились.

— Видишь эту хату? — сказал отец. — Это школа, сюда будешь ходить учиться.

Прямо к школе выходил двор дяди Ивася — Павла Кульчицкого. Этому симпатичному, по словам Франко, человеку и препоручили мальчика на ближайшие годы.

В школе Ивась научился читать и писать по-немецки и по-польски, счету и церковному пению.

Ученье давалось мальчику легко, да и дядя охотно ему помогал. Но в школе ребенок всего натерпелся. В своей небольшой новелле «Карандаш» писатель потом расскажет, как пьяный учитель чуть ли не до смерти избил мальчугана. А тот всего-навсего потерял по оплошности свой собственный огрызок карандаша…

В доме дяди и в родной семье Ивася все жили в мире и дружбе. Тем острее почувствовал он жестокость, насилие, чинимое одним человеком над другим. «И теперь еще, спустя шестнадцать лет, когда я вспоминаю эту минуту, — писал Франко, — мне кажется, что она надолго ошеломила меня, как удар камнем по темени, и что будь таких минут в моем детстве много, из меня вышел бы такой же болван, каких мы сотнями видим в каждой низшей школе нашего края, — несчастные, забитые физически и духовно дети, чьи нервы сызмалу притупили страшные, отвратительные сцены, а мозги с шести лет засорила учительская муштра».

А тут еще все новые рассказы взрослых… Жутким видением этих далеких лет осталась в памяти Франко детоубийца. Забитая, задерганная с малолетства девушка, которую за угрюмость и мрачность все звали Пугало. Она была на селе чужой, пришлой. При встрече ее обходили молча сторонкою, хотя она ни разу никому не сказала недоброго слова.

Она и вообще была неразговорчива. Никому и ни на что не жаловалась. Только в ту страшную грозовую ночь, когда с нею стряслась беда, односельчане слышали, как под старым Микитичевым дубом кто-то тяжко стонал и плакал: «Ой, доленька моя! Ой, дитятко мое! Ой, жизнь моя беспросветная!»

Тягостные впечатления ранили душу ребенка, но и закаляли ее. Уже тогда вырастала в нем стойкость. Пока еще неосознанно, ощупью мальчик шел к мысли: человек слаб оттого, что слишком покорно сгибается под тяжестью обстоятельств. Все может быть иначе, стоит только очень этого захотеть…

У Франко есть рассказ «Под навесом». Писатель считал его

программным для себя.

Крестьянский мальчишка Мирон уснул на высоком стоге сена, под открытым навесом. И вдруг его разбудил гул приближающейся грозы с градом. Кругом — золото колосистой пшеницы; она клонится под порывами ветра, ей гибелью угрожает быстро надвигающаяся буря…

Детское сердце трепещет. Но не от страха перед грозой, а оттого, что град неминуемо погубит хлеб. И маленький Мирон, сам себя не помня, встает на ноги, поднимает вверх руки. И кричит изо всех сил:

— Не смей! Не смей! Здесь тебе не место!

Мальчик гневно грозит небу кулаками:

— Нет, не пущу! Не смей сюда идти! Не пущу!

Сверкают молнии, гремит гром, и стонут тучи.

Но Мирон бесстрашен. Лицо его горит, глаза пылают.

— Возвращайся назад! — кричит он градоносной буре. — Напрасно угрожаешь! Я не боюсь тебя! Ты должна мне повиноваться! Я не пущу тебя!

Маленький Мирон чувствует, что если ослабеет он теперь, опустит руки, сломится, — тотчас же надвинется на поля опустошение, гибель… И он выставляет оба кулака против тучи и как можно громче кричит:

— В сторону! В сторону! Здесь не смей! Ни одного зернышка на ниве! Слышишь?

И грозная туча остановилась, потом повернула к лесу и там — впустую — обрушила свой запас града. Ведь человеку все подвластно, если он движим любовью к народу, если верит в свои силы в борьбе со злом…

В основе этого поэтического рассказа лежит, как указывал автор, действительный эпизод из его детства.

А псевдонимом «Мирон» (или «М») Франко позже подписывался.

II. В ШКОЛЕ ВАСИЛИАН

Восьми лет Ивася отвезли в уездный город Дрогобыч и отдали в так называемую «нормальную» четырехклассную школу, принадлежавшую монашескому ордену василиан. Мальчика приняли прямо во второй класс.

Преподавание велось здесь на немецком языке, и маленькому Ивасю нелегко было, особенно в первый год, овладеть премудростями школьной науки. По-крестьянски одетый, а часто и немытый, огненно-рыжий хлопец постоянно вызывал насмешки одноклассников.

В серых холодных стенах василианской школы Ивась с тоскою вспоминал родное село. Зеленые цветущие луга. Запах клевера и душистой ромашки. Спокойную прозрачную речку с журчащими бродами. Запрятавшись в высоком камыше, он любил подолгу смотреть в воду. Наблюдать, как вылезают из своих пещер пескари, как они мечутся по дну, отыскивая червяков, как выставляют свои тупые мордочки из воды, словно ожидая лакомства.

А кругом тишина. Синее небо, солнце.

И лишь когда в коридоре отчетливо раздавались шаги учителя, Ивась с неохотой пробуждался от своего «золотого сна».

— Идет, идет! — проносилось по классу, словно при приближении грозного царя.

И хотя среднего роста человек с коротко остриженными волосами на круглой бараньей голове — учитель чистописания — вовсе не походил на царя, предостережение было не напрасно.

На одном из первых же уроков учитель так ударил Ивася кулаком в лицо, что тот без сознания свалился на пол, обливаясь кровью.

— Кто отец мальчика? — спросил струсивший учитель.

— Один крестьянин из Нагуевичей, — ответили школьники, отливая водой лежавшего в обмороке товарища.

— Крестьянский сын! Тьфу, какого же черта этим мужикам лезть сюда!

«Зверский поступок учителя сошел ему как ни в чем не бывало, — вспоминает Иван Франко, — как и многие другие зверские его поступки».

…На диво всему классу, в конце года Ивась вышел на первое место — он получил первую награду.

На переводном экзамене, который был, по существу, парадом, присутствовал и отец мальчугана. Ивась его сначала не заметил,

но когда Ивася вызвали первым для вручения наградной книги, он услышал, как отец в зале громко заплакал от радости — простой деревенский кузнец из Нагуевичей.

А спустя несколько недель, как раз на пасху 1865 года, Яць Франко скоропостижно скончался на шестьдесят четвертом году жизни.

Нужно ли говорить, каким горем это было для Ивася? На протяжении всей своей жизни поэт возвращался к образу своего отца — он так многим был ему обязан,

О мой отец! Если сегодня
Хоть искра тех огней горит
В моей груди, чтобы народу
Его страданья облегчить,
Если несчастьем, горем битый,
Не отошел от жизни я,
Служить стал людям, как служил ты, —
То все преемственность моя.

•

После смерти Яця Франко хозяйство осталось в расстроенном состоянии. Человек редкостного трудолюбия, Яць был малопрактичен и совершенно бескорыстен. Легко откликался на человеческие нужды и беды, и при семье кузнеца постоянно кормились многочисленные родственники и знакомые. На руках у вдовы Яця осталось четверо детей. Нужно было их кормить. А она еще и сама была молода — на тридцать лет моложе Яця. И она вышла замуж вторично — за батрака Григория Гаврилика, уже поработавшего в бориславских шахтах и прошедшего суровую трудовую школу.

Это был человек во многом противоположный Яцю Франко. «Натура насквозь практическая м реальная, без искры поэзии, но зато со значительной дозой скептицизма и свободомыслия, человек сильной воли и энергии» — писал о нем Иван Франко.

С отчимом Ивась быстро подружился. В нем он нашел заботливого и любящего опекуна. Благодаря попечению Григория Гаврилика Ивась смог продолжать учиться.

•

Мальчик жил в Дрогобыче у «тети Кошицкой», приходившейся какой-то дальней свойственницей его родителям. У нее был накренившийся на один бок, но все-таки собственный домик с огородом и столярная мастерская.

Домик стоял на рабочей окраине Дрогобыча, между кабаком и кожевенным заводом, от которого шел постоянный смрад, у самого Бориславского тракта. И Ивась теперь постоянно собственными глазами видел толпы голодных и оборванных промысловых рабочих.

Франко подружился с учеником из мастерской Яcько Романовским. Отец Романовского работал на фабрике по очистке нефти и горного воска. Здесь стал бывать вместе с товарищем и Ивась.

Однажды отец Яcько попал в какую-то аварию: ему обожгло руки и ноги, и его отправили в больницу.

«Я помню до сих пор его страшные раны, которые я видел в больнице, когда их перевязывали… — рассказывал Франко спустя много лет, — и его осунувшееся, мученическое лицо, отражавшее даже не боль, а какую-то безграничную тоску…»

Отец Яcько остался калекой, и сын вынужден был теперь содержать семью. Он вскоре переехал во Львов.

В той же мастерской Кошицкой Ивась подружился с молодым подмастерьем Станиславом, добродушным шутником и певуном.

Вечерами, когда хозяин мастерской уходил в цеховое управление, а хозяйка возилась на кухне, Ивась и Станислав устраивались поудобнее на верстаках. И подмастерье принимался развлекать мальчугана смешными анекдотами из жизни отцов василиан. Он, как и Ивась, прежде учился в василианской нормальной школе.

Иногда к ним присоединялся пожилой столяр-мебельщик Чемеринский. Из-под насупленных бровей на ребят с напускной строгостью глядели черные глаза. Чемеринский любил пересказывать старинные цеховые истории об искусных мастерах, народных умельцах.

— Один часовщик, — повествовал Чемеринский, — изготовил для своего города замечательные часы, из которых при бое каждый раз выходила новая группа фигурок и играла различные мелодии. Магистрат, имея в своем владении такие часы и опасаясь, чтобы мастер не сделал такие же или даже еще более мудреные для кого-нибудь другого, решил ослепить часовщика и потом милостиво кормить его до самой смерти. Когда мастеру выкололи глаза, он заявил, что у его часов есть еще один секрет, которого он до сих пор не показывал никому. Если бы ему

разрешили дотронуться до часового механизма, он бы пустил в ход и этот последний, самый мудрый фокус. Магистрат согласился, и мастера привели к часам, открыли дверцы механизма, он приложил к нему два пальца, повернул что-то — и часы остановились. Как ни бились потом часовщики над этим механизмом, никто уже не смог отыскать, в чем была неисправность, и пустить часы снова в ход…

•

Позже Франко в специальной заметке решительно возражал против попытки некоторых биографов вывести из его автобиографических новелл исчерпывающую оценку его школьных лет.

«Эти годы, — писал Франко, — опуская некоторые неприятные эпизоды, все же были радостными годами моей юности».

Среди своих учителей в василианской школе он с добрым чувством вспоминал молодого монаха Крушельницкого, отца катехита Красицкого, отца игумена Барусевича и талантливого проповедника отца Немиловича. А особенно — старичка учителя так называемой «штубы», первого класса, украинца Чернигевича. Он прослужил в этой школе до самой смерти и не знал для непослушных и шумливых детей более тяжелого наказания, чем поколоть их в лоб своей небритой бородою.

За трехлетнее пребывание в школе василиан Ивась Франко в совершенстве овладел немецким языком и легко читал и переводил немецкие книги.

III. В ДРОГОБЫЧСКОЙ ГИМНАЗИИ

Там же, в Дрогобыче, в 1867 году Ивась поступил в гимназию.

Здесь повторилось то же, что и в василианской школе: весь первый класс деревенского мальчика продержали на последней — «ослиной лавке». Но при переходе во второй класс он получил вторую награду, а затем все шесть лет шел в классе первым или вторым.

Школьная наука никогда не была Франко страшна. А по мере того как расширялся круг его знаний, она все чаще доставляла ему радости.

В годы поступления Ивася в реальную гимназию преподавание было переведено с немецкого языка на польский. Запрещены были телесные наказания. Появились новые учителя, стремившиеся привить учащимся нравственные принципы и навыки практической деятельности.

— Что из того, что ты умеешь исчислить поверхность геометрических тел, если ты не можешь изготовить простой коробочки! — говорил своим питомцам молодой математик Михонский. — Некоторые из вас живут у ремесленников, так должны обучиться ремеслам, потому что в жизни они могут очень понадобиться.

Как-то ученики Михонского сами соорудили каменную дорожку от входа в гимназию к улице. Когда работа была уже закончена, увидели, что лучше бы проложить ее в другом направлении. Каменную кладку разобрали, место засыпали землей, сровняли и засеяли травой. Новую дорожку сооружали около недели, но и она не понравилась ребятам. И они опять принялись ее разбирать и переделывать. Было затрачено много непроизводительного труда, но зато подростки на опыте учились целесообразности и экономичности в работе.

Михонский говорил ребятам:

— Вы физически крепнете и развиваетесь. Нужно, чтобы одновременно крепла и развивалась ваша сообразительность, ваше мастерство. Надо серьезно мыслить и практически смотреть на жизнь, надо понять, что значит жизненная целесообразность…

Он воспитывал у своих учеников любовь к книге, понимание искусства.

У него была собственная большая библиотека. И однажды Михонский дал Ивану Франко «Одиссею» в польском переводе.

Мальчик прочитал поэму очень быстро и принес учителю книгу.

— Ну, что, прочитал? — спросил Михонский.

— Прочитал.

— Так расскажи мне, что ты прочитал.

Ученик усердно принялся пересказывать чудесные и героические приключения Улисса: память у мальчика была редкая, и он прекрасно запомнил все, что показалось ему самым главным в поэме. Но учитель остался недоволен.

— Знаешь ли, — сказал он Ивасю, — ты прочитал только одну половину «Одиссеи»!

— Одну половину? — обрадовался подросток.

— Да, да, все, что ты мне рассказал, — это только половина поэмы.

— Значит, есть еще и вторая?

— Есть и вторая!

— Где же? Может быть, вы сможете дать мне и ее?

— Она здесь же, в этой книге. Ты только возьми и почитай еще, тогда расскажешь мне и вторую половину…

Мальчик был обескуражен и разочарован. Перечитывать книгу не хотелось. Он не понимал, какая же в поэме есть еще «вторая половина».

Спустя некоторое время Михонский сам ему напомнил:

— Ну, находишь вторую половину «Одиссеи»?

— Нет, не нахожу.

— А ты читаешь книгу во второй раз?

— Читаю.

— Не говори неправды! — не то с укором, не то с сожалением воскликнул учитель. — Ты не начинал читать во второй раз, иначе ты непременно нашел бы и вторую половину. Не начинал?

— Не начинал, — ответил пристыженный ученик.

— Вот оно что!

Ивась решил внимательно еще раз прочитать книгу.

И теперь он читал поэму медленнее, останавливаясь на описаниях, на бытовых сценах.

Перед ним вставали картины крестьянской жизни. Деревенский совет. Поездка на лошадях посреди плодоносных полей и садов. Народный праздник. Девушки, стирающие свое платье на реке. Пастух, поющий среди лугов. Все это так живо напоминало Ивасю его собственное детство, жизнь в деревне…

И мальчику показалось, что и в самом деле он открыл в поэме вторую половину — ту, которая содержательнее, богаче, увлекательнее, даже как будто и понятнее первой…

Франко теперь рассказал Михонскому содержание «Одиссеи» совсем иначе.

— Мне кажется, — сказал он, — что вся «Одиссея» — это как

здание. Картины жизни народа составляют как бы фундамент, стены… А чудесные приключения — это только украшения, резьба, крылечки и балкончики на доме…

— Здорово! — воскликнул Михонский. — И тот, кто в первый раз осматривает дом, обратит прежде всего внимание на колонки да на орнаменты, на все эти второстепенные элементы отделки. Только человек, понимающий и внимательный, обратится к плану здания. Оценит прочность всего сооружения и целесообразность постройки… А вот для тех, кто обитает в доме, удобство планировки, долговечные стены, крепкие двери, теплые печи — все это гораздо важнее, чем всевозможные прикрасы, узоры и колоннады, которые не приносят решительно никакой пользы, а подчас еще и требуют забот…

Потом, помолчав немного, учитель добавил:

— Однако скажу тебе, что обе эти половины в содержании «Одиссеи», которые ты заметил, — это еще только одна сторона предмета, а за ней скрывается нечто еще более любопытное.

Ивась изумленно посмотрел на Михонского.

— Видишь ли, — продолжал тот, — читая книгу в первый раз, ты словно бы пробежал через поле по узенькой тропинке, при этом ты любовался только самим бегом да извилинами и неожиданными поворотами тропинки. Правда?

— Правда.

— Читая поэму вторично, ты уже увидел, что эта тропинка — не самое главное, ты обратил внимание на все поле, на почву и на посевы. Так?

— Кажется, так.

— Ну вот. Однако же до сих пор ты знакомился с «Одиссеей» в одной плоскости, так сказать планиметрически. Ты пока еще не смог подняться выше и взглянуть на произведение как на вещь, имеющую определенный объем, глубину, как на самостоятельный, округленный в самом себе мир, наделенный собственной жизнью, собственным движением. Вот такой взгляд на книгу был бы уже не планиметрическим, а стереометрическим.

Михонский заметил недоумение в глазах Ивася и прибавил:

— Ну, да это все тебе еще рано знать, время у тебя есть — вырастешь, поймешь, что при чтении книги нужно всегда стремиться идти от планиметрического к стереометрическому, объемному, взгляду на произведение и изображенную в нем человеческую жизнь. А потом ты пойдешь дальше: тебе захочется постичь уже не только планиметрию и стереометрию изображения, но и его структуру, так сказать, механику, технические средства, даже химию… Химия искусства — великое дело!

Михонский помог мальчику познакомиться с Гёте и Шиллером, Лессингом и Виландом — в оригинале, с Шекспиром — в немецких переводах. В старших классах гимназии Иван Франко уже настолько овладел французским языком, что прочитал Мольера, Расина и Корнеля. А зная латынь, французский, нетрудно было изучить итальянский. И уже прочитаны в оригиналах «Обрученные» Александра Мандзони, грандиозные создания Данте и Ариосто. Прочитаны тома исторических и философских сочинений, мемуаров и биографий любимых писателей и героев, «разговоры Гёте», записанные Эккерманом, переписка Шиллера с Гёте, записки Яна Пасека и Бенвенуто Челлини.

Конечно, мальчика уже тянуло к тому, чтобы собирать и собственную библиотеку. В последних классах гимназии у него уже был порядочный книжный шкаф. В нем хранилось не меньше пятисот томов.

•

Имя другого талантливого учителя юного Франко — Иван Верхратский.

Поэзия Верхратского и его идейные позиции в будущем не раз окажутся под обстрелом беспощадной критики Ивана Франко. Но пока именно Верхратский знакомит подростка с творчеством украинских писателей: Ивана Котляревского, Гулака-Артемовского, Маркиана Шашкевича и, наконец, с гениальным «Кобзарем».

Получив однажды от Верхратского томик Шевченко, Франко был захвачен могучим поэтическим словом народного певца-революционера.

— Шевченко я выучил почти всего на память, — рассказывал Франко и добавлял: — А память у меня была такая, что урок истории, который учитель читал на протяжении целого часа, я мог затем продиктовать товарищам почти слово в слово…

Великий Кобзарь пленил воображение будущего поэта. Франко считал себя его учеником и продолжателем. Жизни и творчеству Кобзаря Франко посвятил около пятидесяти научных и научно-популярных работ.

«Могучий дух, которым он вдохновил нашу литературу, — писал Франко, — не перестал веять и поныне, и нет украинского поэта и писателя позднейшего времени, который был бы свободен от влияния этого духа. Идеи, провозглашенные Шевченко или

положенные им в основание его поэтических произведений, остаются живыми и в настоящее время и долго еще не перестанут служить ведущими идеями украинской литературы».

За то, что Верхратский познакомил его с гениальной книгой, Франко проникся к учителю горячей признательностью. Потому-то и заявлял он впоследствии, что в гимназии воспитанием литературного вкуса был обязан Верхратскому. Хотя стихи самого Верхратского, писанные уродливым, искусственным «язычием», никак не могли бы способствовать развитию юношеских вкусов…

Верхратский любил естественные науки. Он устраивал прогулки в окрестные леса и горы. А при встрече с крестьянами расспрашивал их о названии трав и насекомых, о различных диалектах. Гимназисты собирали коллекции, записывали народные песни. У Ивана Франко уже в гимназии были две толстые тетради — восемь сотен народных песен, записанных им самим. Записывал он и поговорки, пословицы, сказки, образные выражения и сравнения, заклинания, поверья, даже отдельные необычные народные слова.

Он уже сам сочинял стихи. И как-то учитель польского языка, которому Франко выполнил грамматическую задачу в стихах, заметил ему:

— Я не обязан в качестве преподавателя языка исправлять ученические задания, написанные стихами.

•

В пятом классе гимназист Антон Шиллер сделал попытку организовать внешкольный кружок. Человек двадцать гимназистов сошлись на квартире одного из товарищей.

Антон Шиллер, первый ученик класса, открыл собрание прекрасной речью на польском языке. Он изложил задачи кружка. Заниматься в свободное от уроков время чтением и сочинением произведений литературных и научных. Обсуждать на заседаниях работы членов кружка. От учителей и администрации всю деятельность кружка сохранять в величайшей тайне.

Гимназисты горячо взялись за дело.

Но кружок просуществовал недолго — состоялось всего два или три заседания. На одном из них Франко прочитал начало своего рассказа, так и оставшегося неоконченным. Рассказ не сохранился.

Франко вспоминал, что на эти дружеские беседы сходились поляки, украинцы, евреи, а между тем совершенно не возникало

национальных споров и разногласий. Особенно сблизился Франко с Ярославом Рошкевичем, Ипполитом Погорецким и Карлом Бандровским.

Он был немного старше своих друзей. Когда Ярослав и Ипполит переходили в пятый класс, Франко уже окончил шестой.

Мальчики-четвероклассники не очень ладили с математикой и греческим, а тут еще их напугали, что в пятом строгие учителя. Стали искать репетитора. И кто-то подсказал — Франко…

Так началась дружба.

— Франко был очень способный, — рассказывает Ипполит Погорецкий. — В гимназии он держался чрезвычайно скромно и даже робко. Ходил в полотняной блузе, носил с собой много книг и очень много читал.

•

Весной 1872 года, когда Иван Франко учился в пятом классе, его постигло новое горе: умерла мать.

Узнав, что мать при смерти, Иван Франко пешком в проливной дождь побежал из Дрогобича в Нагуевичи.

— Я прибежал в полдень, мокрый до нитки… Отчим сидел под окном и чесал шерсть. Я стал возле постели, не говоря ни слова, — помню, весь дрожал, — и ни слезинки не капнуло из моих глаз. Мать не могла уже говорить, но пристально глядела на меня… На следующее утро мать умерла.

По словам Франко, после этого тяжелого потрясения в его «раненом, больном сердце» родилось стихотворение, посвященное памяти отца и матери. К сожалению, и этого юношеского произведения поэта мы не знаем: он сжег его среди многих своих первых опытов…

Но мы знаем другое стихотворение-воспоминание Франко.

Помню: над малым парнишкой порою
Мать запоет, и заслушаюсь я,
Только и были те песни красою
Бедного детства, глухого житья.

•

Свои гимназические произведения Иван Франко писал на трех языках. Так, по-польски им была написана в 1873 году драматическая поэма «Югурта»; в следующем году, уже по-немецки, стихотворный драматический отрывок «Ромул и Рем». На родном украинском языке вылились «Пасха 1871 года», «Описание зимы», подражания — «Слову о полку Игореве», «Песне о Нибелунгах», «Краледворской рукописи».

По дошедшим до нас ранним сочинениям Франко можно судить о широком круге его литературных интересов, о его незаурядной начитанности.

Есть в его первых опытах и еще одна отличительная черта: юношу привлекает социальная тематика, жизнь народа во всех ее проявлениях. В «Описании зимы» даже сквозь вой метели мы отчетливо слышим, как в занесенном снегом домике стонут люди, плачет, надрывается голодное дитя…

•

Уже в старших классах гимназии Франко был знаком с произведениями русских поэтов и писателей: Пушкина, Лермонтова, Алексея Толстого, Хомякова, Тургенева, Льва Толстого, Помяловского. По русским журналам он знакомился с переводами западноевропейских писателей Эмиля Золя, Диккенса. А в начале семидесятых годов даже сделал попытку напечатать свои собственные сочинения во львовских журналах.

Первое его стихотворение — сонет «Народная песня»— поместил на своих страницах выходивший во Львове молодежный журнал «Друг».

Взгляни на ручеек, сбегающий с кургана,
Он тихою слезой среди степей журчит:
В нем месяца лицо, как в зеркале, блестит,
И в серебре волны луч солнца блещет рьяно.

В нем тайный ключ на дне трепещет неустанно,
Он, вечной жизни полн, без устали бежит,
И чистой влагою детей весны живит,
Что густо вкруг него раскинула поляна.

Живящий тот родник с прозрачною водой —
Народа творчество, где много так печали,
В нем обращает речь душа к душе живой,

И как исток его сокрыт в безвестной дали,
Так песнь из тайных недр доходит к нам слезой,
Чтоб чистым пламенем мы сердце зажигали.

Стихотворение это появилось 1(13) мая 1874 года в третьем номере журнала. И с того времени Франко становится постоянным сотрудником «Друга».

Связь с журналом он поддерживал через члена редакции, в то время студента Львовской духовной семинарии, Василия Давидяка. Ему юный поэт посылал из Дрогобыча свои произведения, сопровождая посылки взволнованными письмами:

«Друг мой, первый, встреченный на жизненном пути. Чем смогу Вас отблагодарить за Ваши теплые слова, за Ваше дружеское письмо? О, Вы только один можете понять, сколько радости и счастья доставило это письмо мне, — Вы один, кому я всем этим обязан! Вы немногими словами расположили меня полностью довериться Вам, Вы стали близки моей душе, как еще ни один человек до настоящего времени! Чем же смогу я отплатить Вам, если не откровенностью и не дружеским с Вами союзом? До сих пор я не находил себе друга — искреннего, откровенного, разделяющего мои мысли и убеждения; я замыкался в самом себе, — отныне начинается для меня новая, значительная эпоха в моей жизни!»

Так горячо и искренне отозвался юноша на первое ласковое слово. Знакомство с редакцией львовского журнала явилось для Франко первым просветом в настоящую литературную жизнь.

В письмах к Василию Давидяку юноша жалуется:

«У нас в Дрогобыче русскую [2] книгу труднее раздобыть, чем цветок на папоротнике!.. Еще с малорусской литературой у меня так-сяк, а великорусской — нет ни чуточки!.. Поэтому, если только это возможно и если Вам не будет трудно, прошу Вас — пришлите мне некоторые русские книги. Не можете ли Вы одолжить мне на время Сахарова старинные сказания и песни или сборники народных песен Максимовича и Метлинского?..»

Стихи, которые Иван Франко посылал из Дрогобыча в журнал «Друг», редакция печатала в «исправленном» виде. Молодой поэт писал на чистом народном украинском языке, а львовский «Академический кружок», издававший этот журнал, стоял на позициях «москвофильства» и отрицал вообще право украинской литературы на самостоятельный литературный язык. «Писать у нас по-украински было бы прямой бессмыслицей», — заявлялось

на страницах «Друга».

«Москвофилы» писали на искусственном «язычии». Это была дикая смесь языков русского, украинского и церковнославянского. И первые поэтические произведения Франко в редакции «Друга» стремились переделать в духе «язычия».

Товарищ Франко по гимназии Карл Бандровский рассказывает:

— В шестом классе Франко уже писал стихи; он звал меня или кого-нибудь еще, чтобы нам их почитать и услышать, что мы скажем. По большей части эти стихи он признавал неудавшимися и сжигал. Однако бывали и такие, которые отсылал в «Академический кружок», издававший журнал «Друг», и там стихи Франко печатали. Когда он получил в Дрогобыче раза два «Друг» со своими произведениями, то с трудом их узнал, — так ужасно искалечили ему язык, то есть как бы исправили на «язычие»…

Эту «языковую войну» Ивану Франко предстояло еще вести в будущем. Но и сейчас юноша уже прекрасно понимал: жизненная сила на стороне живого народного языка, на котором писали Шевченко и Котляревский, а не на стороне «язычия», о котором Чернышевский еще в 1861 году с возмущением говорил:

— Разве это малорусский язык? Зачем же говорить ломаным языком? Наши малоросы уже выработали себе литературный язык, зачем же отделяться от них?

В одном из старших классов Франко было задано сочинение на тему двустишия Адама Мицкевича: «В словах мы видим только желание, в делах — силу; труднее хорошо прожить день, чем написать книгу».

Разбирая вторую часть этой цитаты, Франко заявил в своем гимназическом сочинении, что она содержит утверждение одностороннее и ошибочное по своему существу. Важнее и труднее написать хорошую книгу, чем хорошо прожить один день…

Юноша уже тогда понимал литературу как общенародное дело. И борьба за народность литературы была для него борьбой за литературу о народе и для народа.

За «профанацию поэзии Мицкевича» гимназист получил строгий выговор от преподавателя. Тот даже пожаловался на ученика директору гимназии. Об этом Иван Франко вспомнил спустя десять лет в статье «Необходимость реформы изучения украинской литературы в наших средних школах». Эту необходимость он осознал еще в гимназии.

IV. ЖИЗНЬ И ЛЮБОВЬ

Во время каникул между седьмым и восьмым — предпоследним и последним — классами Франко не поехал, как это делал обычно, в родное село — пасти скотину, ворошить сено. Он давно мечтал побродить по селам Прикарпатья, присмотреться, как живут, о чем думают и что говорят крестьяне.

Он поехал из Дрогобыча в Стрый по недавно сооруженной железной дороге. А оттуда отправился пешком по тракту. Обошел десятки сел — Синеводное, Тысов, Мизунь и добрался до Лолина на Станиславщине.

Здесь, в Лолине, он провел около трех недель в гостях у родителей Ярослава Рошкевича.

Младшая сестра Ярослава, Михалина, рассказывает о первом появлении юноши в их доме: «У нас дома ожидали Франко… Как-то перед обедом пошла я в погреб и слышу: говорят, что идет Франко. Смотрю через окошко, выходившее к парадному крыльцу, а он поднимается по высоким ступенькам…

Поразила меня его одежда. Будто сейчас, вижу его в черном длинном сюртуке, в клетчатых брюках, в сапогах с высокими голенищами, а ко всей одежде совсем не подходила черная мягкая шляпа с широкими полями. Еще очень поразила меня палка на плече, с узелком в клетчатом платке. Я представила себе, что он очень беден.

Во время обеда он смело разговаривал с моими родными, но за вторым блюдом вдруг неожиданно встал из-за стола и начал прохаживаться быстрыми шагами по комнате. Меня это так поразило и так это было неприятно, что он не умеет себя держать как следует и сидеть за столом до конца обеда…

К нам мог приехать и кто-нибудь посторонний, поэтому брат сделал ему очень осторожно замечание, что не надо вскакивать из-за стола. Он это замечание охотно принял…

Вспоминаю, что он читал часто сестре (Ольге), между прочим, книгу «Фауста», которую принес, маленького формата, иллюстрированную…»

Михалина Рошкевич (по мужу — Иванец) впоследствии выступила с талантливыми рассказами, очерками. Ее литературной работе много помогал Франко. Сестру Ярослава и Михалины, задумчивую темноглазую Ольгу, Иван Франко полюбил первой, искренней и горячей любовью.

— Я любил ее так, как только способен любить, — говорил позже Франко.

Он посвятил Ольге Рошкевич цикл задушевных стихотворений — «Страница любви»:

Настанет день, давно-давно желанный,
Я вырвусь, чтобы встретиться с тобой,
Порву оковы фальши и обмана,
Наложенные низостью людской…
Настанет день, когда, смеясь и плача,
В твои объятья снова кинусь я,
И подтвердит мне поцелуй горячий,
Что ты — моя! что ты навек моя!

…В каком-то особенно приподнятом и жизнедеятельном настроении возвратился Франко из Лолина в Дрогобыч.

И тотчас же отправился, перебросив через плечо свою палку с клетчатым узелком, в новое путешествие. В горные села Подбуж, Турье, Волосянку (здесь дядя покойной матери был священником).

О странствиях летом 1874 года Франко написал в своей автобиографии спустя полтора десятка лет: «Это маленькое путешествие дало мне возможность узнать побольше света и людей, чем я знал до тех пор».

К Рошкевичам он приезжал несколько раз, а после окончания гимназии провел в Лолине целое лето.

По словам Михалины Рошкевич, Франко всегда был в центре внимания всех — и молодежи и старших. Он производил впечатление горячего, легко воспламеняющегося юноши.

— Этот Франко какой-то неистовый! — говорили о нем.

Он всех увлекал декламацией Шевченко. Часто читал «Гамалию». Обычно собирались вчетвером — Франко, Ольга, Михалина, Ярослав, а иногда приезжали на каникулы школьные товарищи Ярослава — Василий Полянский, сын учителя гимназии из Львова, и Осип Олесков, сын священника из-под Жолквы.

Франко говорил об угнетенном народе, о его темноте, о его терпении и понимании им своего горестного положения. Он привозил для чтения книги — Лермонтова, Тургенева, Марко Вовчка, Нечуя… Любил вслух читать Гейне. Очень нравился ему Золя, и он даже попросил Ольгу взяться за перевод романа Золя «Западня». С огромным увлечением читали Чернышевского…

В это время под свежим впечатлением вновь увиденных и по-новому понятых народных бедствий Франко усиленно ищет ответа на вопрос «Что делать?» — ответа, которого не могли дать юноше окружающие. Поэты и мыслители всех народов и эпох становятся ближайшими друзьями Франко.

«В память мою запали с первых же лет споры о социализме», — рассказывает Михалина Рошкевич.

Через несколько лет, сидя в тюрьме, Иван Франко вспоминал, как в «одном почтенном украинском доме» зачитывались романом Чернышевского «Что делать?», возбуждавшим горячие, взволнованные толки:

Давным-давно, в одном почтенном доме,
В дни юности, в дни светлого расцвета,
Читали мы «Что делать?» — и беседы
Шли о грядущих днях, о переломе…

К началу 1875 года у Франко уже был подготовлен к печати сборник оригинальных и переводных стихотворений. «Это будет моим первым более или менее значительным выступлением на поэтической ниве, — сообщал он Ольге Рошкевич. — Какая судьба ожидает мои бедные стихи, я еще не знаю… В настоящее время тружусь над вторым томиком».

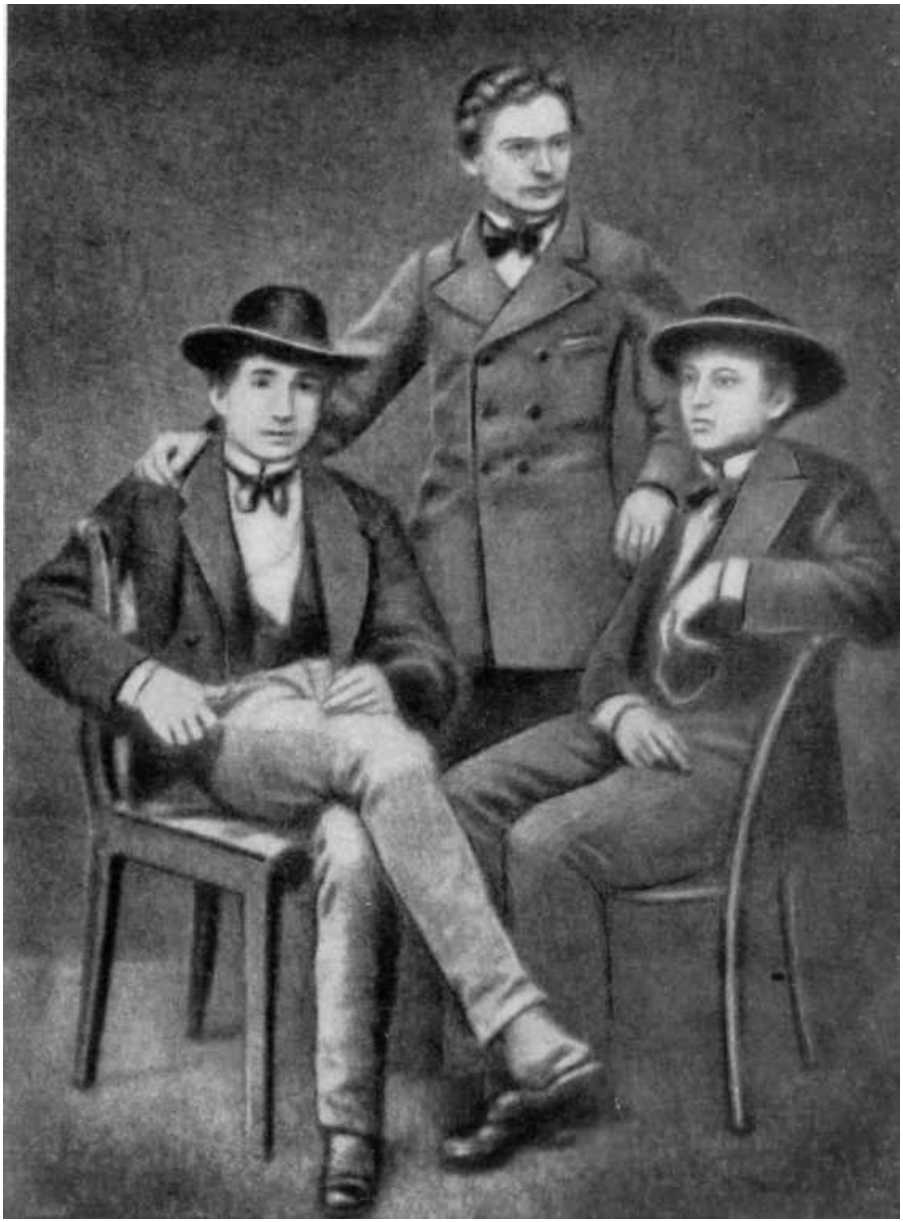
И осенью, когда девятнадцатилетний Франко приехал во Львов, чтобы поступить на философский факультет университета, он уже вез с собой немало законченных и начатых произведений — и стихи, и прозу, и драмы. А кроме того, у него были выполнены переводы «Электры» и «Антигоны» Софокла, несколько песен из «Нибелунгов» и «Одиссеи», вся «Краледворская рукопись», отрывки из «Фауста» и «Уриэля Акосты», из стихов Пушкина и Лермонтова, Гейне и «Слова о полку Игореве», стихотворное переложение некоторых глав «Библии» и истории Рима.

•

Древний украинский город Львов встретил юношу совершенно новой для молодого романтика атмосферой. С полок старинных львовских книгохранилищ смотрели на юного поэта гении человеческой мысли. А среди львовских студентов шли горячие дискуссии о задачах литературы, о народности языка, о будущем устройстве общества и о существовании бога…

Село Нагуевичи, в котором родился Иван Франко. Картина художника В. Патыка.

Иван Франко в детстве. 1870 г. Фото.



Иван Франко с товарищами Ипполитом Погорецким (слева) и Ярославом Рошкевичем (справа). Фото 1875 г.

Письма Франко к Ольге Рошкевич из Львова насыщены этими новыми впечатлениями. Сам Франко полон планами — творческими и издательскими. Он печатается почти в каждом номере журнала «Друг». Он деятельный член студенческого «Академического кружка», где острее всего идут споры о целях и методах общественно-литературной работы.

Секретарь правления «Академического кружка», он же —

редактор журнала «Друг», Антон Дольницкий вспоминает: «Помещение «Академического кружка»… находилось на первом этаже каменного дома на углу улиц Краковской и Корняктов и состояло из трех комнат — одной большой и двух поменьше, из которых одна была предназначена для читальни, а другая для библиотеки и для заседаний правления и редакционного комитета…

В этих комнатах «Академического кружка» я и встретился впервые с Иваном Франко. Впечатление, которое произвела на меня эта встреча, до сих пор не выветрилось из моей памяти. Я знал его прежде только по стихам, присылаемым к нам, и по слухам, доходившим из Дрогобыча, о его замечательных, достойных изумления способностях.

Он представлялся мне высоким, внушительным молодцом. А здесь при первой встрече я увидал худощавую, невзрачную фигурку с рыжими волосами, красноватыми веками, неуклюжими жестами, но при этом с ясным и решительным взглядом и с чрезвычайно симпатичной, захватывающей слушателя речью. При всей его сдержанности чувствовалась уверенность в себе, сознание собственного достоинства, а может быть, и своего превосходства над другими.

При этом сохранял он обыкновенно серьезность, говорил строго логично, последовательно, часто с оттенком юмора или сарказма. Смеяться он не любил, хотя и сам шутил и чужими шутками бывал доволен…

Замечу, что Франко писал очень быстро, стоячими буквами, которые я неоднократно шутя называл «клинописью», — он на это только усмехался и продолжал писать тем же самым почерком, да так густо, что невозможно было не только поправить, но даже букву вписать.

Вообще характернейшей его чертой была быстрота. Быстро читал, быстро писал, быстро ориентировался и решал. А читал все, что попадалось. Я уверен в том, что, будучи библиотекарем «Академического кружка», он на протяжении года перечитал всю библиотеку в несколько тысяч томов. Без книги под мышкой редко можно было его встретить на улице…»

•

Во Львове Франко жил возле костела бернардинцев, на первом этаже старого каменного дома. Этот дом называли «бойковским», потому что здесь купцы бойки[3] хранили на

складах свои товары.

Франко поселился со своим старым приятелем Ярославом Рошкевичем и с новым знакомым — студентом Михаилом Павликом.

Павлик был таким же мужицким сыном, как и Франко. Сильный и решительный человек, он привлек молодого Франко своей самоотверженной преданностью народу. Уже очень скоро Франко и Павлика связала дружба на всю жизнь.

В 1875 году в журнале «Друг» были опубликованы письма в редакцию украинского либерального историка, этнографа и публициста Михаила Драгоманова. Драгоманов призывал галицкую молодежь изучать русскую и западноевропейскую литературу и писать не на искусственном «язычии», а на народном украинском языке.

На страницах «Друга» разгорелась полемика. И хотя консервативная часть «Академического кружка» возражала Драгоманову («У нас в Галичине не приймется ни язык великорусский, ни украинский, для того пишем, о сколько можно, по-галицийский…»), большинство молодежи было на его стороне.

Михайло Павлик и Иван Франко (за подписью «Хмара») опубликовали в журнале «Друг» статью.

Они предлагали реорганизовать «Академический кружок». По их мнению, его деятельность «должна заключаться в том, чтобы тесно связать интеллигенцию с народом».

Победило прогрессивное направление. В начале 1876 года Франко, Павлик и их единомышленник Иван Белей вошли в состав редакции «Друга».

Теперь журнал совершенно изменил свое направление. В нем стали появляться художественные произведения и статьи, отражавшие борьбу за реализм в литературе, за народность языка, культуры, просвещения.

Правда, для самого Ивана Франко многие вопросы, возбуждавшие столько споров в «Академическом кружке», были вопросами давно и окончательно решенными. Он уже тогда стоял на несколько голов выше окружавшей его львовской молодежи. И недаром позже в своем автобиографическом письме к Драгоманову Франко так вспоминал это время: «Явившись во Львов, в «Академический кружок», я внезапно очутился посреди споров о языке и национальности… Я не буду здесь рассказывать историю тех перемен, которые произошли в редакции «Друга» главным образом под влиянием Ваших писем… Из Ваших писем в редакцию «Друга» я вычитал только лишь то, что необходимо знакомиться с современными писателями, и бросился читать Золя, Флобера, Шпильгагена — так же, как перед этим уже с

восхищением читал Л. Толстого, Тургенева и Помяловского, а затем Чернышевского, Герцена… За эти три года университетской жизни я читал очень много…»

•

Победа Франко и Павлика в «Академическом кружке» и редакции «Друга» была ознаменована в том же году выпуском литературного альманаха «Днестрянка». Здесь преобладали произведения реалистические, написанные на народном украинском языке. Среди них повесть Марко Вовчка «Институтка» и два первых значительных прозаических произведения Франко: повесть «Лесихина семья» и рассказ «Два приятеля».

Франко написал их в Лолине, в обществе своих друзей Рошкевичей, в светлые дни любви к Ольге…

«Лесихина семья» — правдивая история жизни крестьянской семьи — вызвала оживленные споры в тогдашней литературной среде.

— Ну, что же это такое! — возмущался почтенный редактор влиятельного львовского клерикально-националистического журнала «Правда» — а позднее газеты «Дело» — Владимир Барвинский. — У вас могла бы получиться прекрасная идиллия, если бы не этот несчастный натурализм, который совершенно портит идиллическое впечатление. В какую категорию произведений можно зачислить вашу повесть?

Франко отвечал, что вопрос о «категориях» литературы его не трогает. Он считает настоятельной необходимостью изображать все классы общества и в своей повести хотел показать контраст между красотой природы и убогой жизнью народа.

Но Барвинский не унимался:

— Это совсем не в духе нашей поэзии, особенно народной, — здесь природа и грустит и радуется в согласии с печалями и радостями человека.

— Но такая видимая гармония, — замечал Франко, — ‘только один из способов возбудить определенное настроение. Однако народной поэзии не чужд и другой прием — прием контраста.

Барвинский этого не понимал.

— Нужно, — настаивал он, — писать округленные, законченные рассказики, новеллы или романы, а не эскизы, не наброски.

— Я не чувствую в себе силы, да и не владею таким количеством наблюдений, чтобы построить округленный,

законченный рассказ и дать в нем полную картину всего общества или хотя бы одного какого-нибудь класса, — скромно заявил Франко.

И еще один вопрос вызвал спор между Франко и Барвинским. Редактор считал необходимым, чтобы повесть непременно будила национальные чувства. А Франко настаивал на том, что прежде всего следует изображать социальные отношения людей.

— В условиях различного воспитания, традиций, окружения, — говорил Франко, — и последовательность, и причинность, и закономерность поведения различных людей различных классов бывают различны. Изображать эти особенности человеческой логики и психологии для меня самое привлекательное дело.

— Ну, так это не хватит всей жизни, чтобы настолько войти и вдуматься в дух разных людей из разных классов, чтобы изобразить их в повестях, — возражал Барвинский.

— Да, — отвечал Франко, — и все же это необходимо. И только располагая такой картиной жизни общества во всех его классах и явлениях, мы можем рассчитывать на синтез, на создание более широких и «округленных» образов.

Барвинский, конечно, так и не согласился с. молодым писателем-реалистом. «Но меня этот разговор с ним, — вспоминал Франко, — привел к окончательному решению: собирать материалы, писать эскизы и рассказы, изображая наше общество, различные его классы, разные стремления, муки, порывы, иллюзии и настроения. Жизнь дала мне, пожалуй, даже слишком много возможностей для сбора такого материала. Случайные рассказы знакомых, лица, встреченные в вагоне железной дороги, собственные воспоминания и наблюдения — все это постепенно превращалось на протяжении многих лет в более или менее обширные повести и эскизы. Я стремился каждую такую картинку выносить в душе до тех пор, пока не вживусь в особенную, присущую ей атмосферу, не отыщу соответствующий ей тон и средства изображения».

Так окончательно созрел у писателя план всестороннего художественного показа жизни народа.

В середине семидесятых годов Франко пишет рассказы и повести, и с их страниц встают забитые нуждой, непосильной работой и бесправием крестьяне. В первый раз в литературе появляется образ наемного рабочего — нефтяника бориславских промыслов. И ему противопоставлен образ эксплуататора-капиталиста, грязного представителя раннего промышленного «грюндерства»… Капиталистический удав — «боа-констриктор» (так и назвал Иван Франко свою повесть) — душит бедняков,

убивает все подлинно человеческое, толкает на преступление.

«Лесихина семья», «Два приятеля», затем цикл рассказов, печатавшихся в журнале «Друг» и вышедших в 1877 году под заглавием «Борислав. Картины из жизни прикарпатского населения», — все это было совершенно новым словом в украинской прозе.

В то же время появляется первый сборник стихотворений Франко — «Баллады и наставления». Он состоит главным образом из переводов — Пушкина, Алексея Толстого, Гейне. В журнале «Друг», в альманахе «Днестрянка» Франко помещает свои прозаические переводы: начало романа «Что делать?» Чернышевского, отрывок из «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина, рассказы Глеба Успенского, Эмиля Золя.

На всю жизнь осталась у него эта изумительная работоспособность: ведь библиографический указатель его сочинений включает свыше четырех тысяч номеров!

Франко выступает в журнале «Друг» с литературно-критическими статьями. Он стремится теоретически обосновать принципы реализма в литературе и народности в языке. Он популяризует отдельные мысли и высказывания Белинского, которого называет «отцом реалистической школы».

Франко уже ясно понимает, что «действительность должна быть основой поэзии, и тогда поэзия будет иметь цену для действительности». Его все больше волнует мысль о необходимости коренных перемен, хотя пока он еще и не осознал всю глубину революционно-демократических взглядов на развитие общества.

Он склонен был думать, что одним только прогрессом культуры и науки можно решить важнейшие социальные проблемы.

V. НАЧАЛО БОРЬБЫ

А вокруг в безысходных муках, под бременем тяжкого труда изнывал «робучий люд» — Бориславa и Дрогобыча, Львовщины и Прикарпатья…

«Ясное погожее небо горело над раскаленным Бориславом… Ветер ни разу не шевельнул воздух, не повеял прохладой, не рассеял тяжелых густых испарений, которые, поднимаясь из ям, из глины, ручьев, грязных складов, нависли тучей над Бориславом, спирали дыхание в груди…

Какая-то сонная одурь царила вокруг. Только рабочие в своих пропитанных нефтью рубахах, сами покрытые по уши нефтью, лениво копошились около шахт, вертя рукоятки воротов, да плотники равномерно стучали топорами по дереву, словно огромные дятлы. Каждое движение, заметное вокруг, каждый звук, который можно было услышать, — все напоминало медленное сонливое движение и грохот огромной машины, но только колесами, зубцами, винтами и гайками этой машины были живые люди, из плоти и крови…

Сколько тяжелых вздохов, тревожных мыслей, горячих молитв, пьяных выкриков разносится в недрах земли, но наверх не проникает ничего, кроме удушливых испарений, — все пожирает земля, бездна, тьма, как древнее божество пожирало собственных детей.

А солнце горит в небе, как раскаленное чугунное ядро, и кажется, что оно нарочно старается как можно скорее высушить всю силу, все живые соки в этих изнуренных рабочих и в этих голых обнаженных ощерившихся беззубыми черными пеньками горах».

Таким предстал Борислав глазам молодого Франко, когда он приехал туда впервые. Таким он виделся ему всякий раз, когда он приезжал туда из Львова.

Франко хотелось — необходимо было — уяснить себе, понять до конца: что это означало?

Что за невидимая сила загоняла человека в яму, где ему невыносимо было сидеть на такой глубине и в такой духоте целых шесть, а то и двенадцать часов, как это нередко случалось в шахтах?

Почему такими изможденными были худые, черные лица рабочих в пропитанной нефтью, прогнившей и рваной одежде?

Какова же должна быть жизнь этих людей, если они соглашаются идти сюда за такую ничтожную плату и так страшно

бедствовать?

Сама действительность каждый день тысячами фактов убеждала: надежды на прогресс сильно преувеличены. Мирного разрешения народным страданиям нет и не может быть.

И снова вставал тот же мучительный вопрос: что делать? И снова Франко страстно искал на него ответа — у философов и ученых.

Писатель читает труды Маркса и Энгельса, впоследствии он переводит на украинский язык «Развитие социализма от утопии к науке» Энгельса, 24-ю главу первого тома «Капитала» Маркса.

В эти дни в письме к Ольге Рошкевич он называет «Капитал» Маркса «самой лучшей из появившихся до сих пор экономических работ»…

•

В декабре 1876 года во Львов с группой товарищей приехали члены народнической подпольной организации Сергей Ястремский и Андрей Ляхоцкий, только что побывавшие в Швейцарии. Получив от русских эмигрантов за границей адрес Франко, они связались с ним и его кружком и стали готовить транспорт книг для отправки в Россию.

Неожиданно, по какому-то доносу, 9 января 1877 года, среди бела дня, прямо в ресторане, Ястремский и Ляхоцкий были схвачены австрийской полицией. А в седьмом часу вечера на квартире у Павлика был произведен обыск. Все перевернули вверх дном. Забрали много писем и книг. Но самого Павлика не взяли: рассчитывали с помощью слежки разузнать его связи.

Через несколько дней Франко писал Драгоманову в Женеву: «Павлик был очень неосторожен после ареста Ястремского и Ляхоцкого и хотя имел достаточно времени, однако же не укрыл ни писем, ни всего остального. Там находились какие-то заметки Ястремского и письмо от редакции «Вперед» [4], это все полиция нашла прямо на столе и забрала».

13 января, в субботу, Ивану Франко передали, что в гостинице проживает приезжий из России по фамилии Дорошенко или Дорошинский и что он хотел бы встретиться с Павликом. Франко тотчас же зашел к Павлику, но дома не застал и решил, что Павлик уехал куда-то. А на самом деле он накануне был арестован и уже сидел в тюрьме, в печально известных львовских «Бригидках».

В тот же вечер Франко отправился в гостиницу, в номер 11,

где под именем Дорошевича нелегально проживал киевский студент Александр Васильевич Черепахин.

Дорошевич-Черепахин сообщил, что приехал из Женевы и направляется дальше в Россию. С ним был целый транспорт нелегальной литературы: заграничные издания «Что делать?» Чернышевского, книги Герцена, брошюры Лассаля, Подолинского, Драгоманова.

Часть этих книг Черепахин хотел передать Франко и Павлику — для распространения среди учащейся и рабочей молодежи.

Разумеется, Франко согласился спрятать книги у себя. И в тот же вечер начал, взяв в помощь двух товарищей, переносить тяжелые пачки домой.

За оставшимися Франко должен был явиться к Черепахину в воскресенье. Однако когда он рано утром постучался к Черепахину, дверь его номера оказалась запертой. Служащий пояснил:

— Пан из номера одиннадцатого арестован, д-да, арестован…

Этой же ночью полиция схватила в гостинице и другого киевского студента-народника, перевозившего из Женевы нелегальные издания, Георгия Тессена. По счастью, он успел перед арестом сжечь компрометирующую переписку и документы.

Теперь угроза ареста нависла над Франко: полиции были известны его связи и с Павликом и с киевскими народниками.

И все-таки Франко тайком перевозит из опустевшей квартиры Павлика не замеченные полицией пропагандистские брошюры, продолжает руководить изданием «Друга», посещает заключенных в тюрьму товарищей.

•

Ольга Рошкевич и Иван Франко твердо решили связать свою судьбу навсегда. Ольга уже подписывала свои письма: «Твоя суженая».

А Франко посылал Ольге книги, пропагандистские брошюры для распространения. Они оживленно обсуждали новые идеи, следили за развитием их в современном мире, радовались их новым приверженцам. Они переживали блаженные минуты, находя созвучия в самых своих заветных мыслях, в самых святых убеждениях. Они вместе отдадут свою жизнь борьбе за свободу — за свободу народа, личности, за свободу труда и мысли, сердца и разума…

Так по крайней мере им в то время казалось.

Своим чередом шли университетские занятия Франко. Впоследствии он признавался:

— Университетское преподавание совершенно меня не занимало и абсолютно ничего мне не дало: ни методики, ни знаний.

Классическую филологию преподавал Венцловский, литературу — униатский священник Огоновский, автор обширной, но бестолковой «Истории украинской литературы», проникнутой насквозь клерикально-националистическим духом.

Так велось и все преподавание в университете.

Франко потом говорил, что «Львовский университет не был в то время никаким светочем в царстве духа: скорее всего его можно было сравнить с учреждением для развития бесплодия в духовной области.

Еще теперь меня пронимает холодная дрожь, — замечал он, — при воспоминании о педантических, бессмысленных лекциях Венцловского, Черкавского, Огоновского, о тяжком пережевывании мертвой книжной учености, об этом рабском следовании печатным образцам и словесным формам…»

Профессор психологии, философии и педагогики, депутат Евсей Черкавский считал себя крупным политиком. «Для университетских занятий, — рассказывал Франко, — ему оставалось очень мало времени, а являясь сюда, он имел обыкновение читать ужасным загробным голосом из старых тетрадей какую-нибудь пустейшую галиматью, не имевшую ни начала, ни конца, — должно быть, это был курс, который он растягивал не на семестр, а на целое пятилетие…»

Один из более способных преподавателей, Франц Зрудловский, после того как вышел на пенсию, имел привычку, появляясь в новой компании, рекомендоваться следующим образом:

— Я тот самый Зрудловский, который на протяжении тридцати лет морочил головы молодежи римским правом, а когда, наконец, у меня в голове стало пусто, то меня не считали преступником, а только сумасшедшим!

Остальные, более тупые господа, не потеряли рассудка, а спокойно и со священной важностью пережевывали свою жвачку до самого блаженного конца…

Дело Павлика и других арестованных продолжало тянуться. Известия о нем проникали в иностранные газеты. «Упырь социализма запугивает уже понемногу всех, — писал Франко Драгоманову, — история с Павликом широко разгласила дело…»

Львовская полиция, подстегиваемая, ложными сообщениями некоторых львовских буржуазных газет о «социалистической

пропаганде в Восточной Галиции» и о «московских агентах», разъезжающих по Галичине, готова была наброситься буквально на каждого нового человека, появлявшегося в городе.

31 мая 1877 года в отеле Ланга поселился молодой человек, поляк по национальности, назвавшийся Станиславом Барабашем. Приезжий вез с собой большой сундук книг и еще отдельно четыре связки и три тяжелых чемодана…

В первую же неделю своего пребывания во Львове Станислав Барабаш познакомился с известным польским писателем Болеславом Лимановским и побывал на собраниях рабочего общества «Звезда», руководимого Августом Скерлем.

Этого оказалось достаточно, чтобы 9 июня в гостинице у Барабаша был произведен полицейский обыск. Обнаружили большое количество нелегальной литературы и письма от заграничных революционеров — в Галичину, Польшу и Россию. Среди них — письма на имя Франко и Павлика. Приезжий не успел передать их по назначению.

Письма привели в ужас львовские власти. Слова «революция» и «социализм» просто горели здесь на каждой странице! «Что же касается положения революционного дела в Галиции… — писал из Цюриха Петр Лавров Михаилу Павлику. — Желание улучшить свое положение революционным путем… Мы готовы быть полезными нашим товарищам в Галиции… Будем постоянно присылать все наши новые издания…» и т. д. и т. д. Особенно угрожающе звучали некоторые письма Драгоманова из Женевы. В них, как вспоминал позднее Иван Франко, «не только были расписаны многочисленные имена знакомых, но и шла речь о различных планах и надеждах Драгоманова, находившихся в смехотворном несоответствии с реальными силами и возможностями адресатов и с той деятельностью, на которую они были способны».

Так Драгоманов упоминал, будто бы Франко почему-то должен ехать в Сигет, связаться там с молодежью, оттуда — в Мукачев и Ужгород, соблюдая чрезвычайную конспирацию и повсюду организуя молодежь. «Ни раньше, ни впоследствии, — замечает в своих позднейших воспоминаниях Франко, — мы с Драгомановым не обмолвились ни одним словом о подобной миссии, к которой я попросту в то время совершенно не был подготовлен».

Эти письма имели очень тяжелые последствия для многих, а особенно для Франко и Павлика.

Станислав Барабаш был, конечно, тотчас же посажен в «Бригидки». Он заявил, что настоящее его имя — Михаил Котурницкий. Но не пожелал давать никаких показаний, откуда,

куда и зачем едет, кому везет столько запрещенных книг, с кем во Львове и за границей знаком, где, наконец, имеет свое постоянное местожительство.

На основании изъятых у Барабаша-Котурницкого писем Драгоманова в ночь с 11 на 12 июня 1877 года был арестован Франко. В его квартире на Бенедиктинской площади полицейский комиссар Соболяк произвел тщательнейший обыск.

Полицейское дознание установило, что Франко — «студент университета, 21 года, вероисповедования греко-католического, строение тела среднее, рост средний; волосы светлые, брови тоже, глаза серые, лоб, нос, рот обыкновенные, зубы здоровые, борода и усы рыжеватые, подбородок заросший, особых примет нет, язык польский, украинский, немецкий, платье городское…»

Таков был заключенный камеры номер 44 — самой плохой камеры в «Бригидках», наполненной ворами и убийцами. В камере было человек двадцать или тридцать. Окна всю зиму не затворялись, и Франко, задыхавшийся в дурном воздухе, еле-еле добился права спать поближе к окну — зато просыпался с полными снега волосами. Когда же молодой человек захворал, то на протяжении десяти дней напрасно просил, чтобы его пустили к врачу…

На нарах не хватало места для всех заключенных, и часть обитателей камеры вынуждена была располагаться прямо на каменном полу, под нарами.

На случайно добытых лоскутках бумаги Франко записал свои размышления. Они вылились в стихи. Так возникла его «Дума в тюрьме»:

Пусть небо с улыбкой бессменной
Глядит на тюремные стены,
Но стены набухли от слез,
Что их пропитали насквозь.

…За что меня цепью сковали?
За что мою волю отняли?
И кто и за что осудил?
За то, что народ свой любил?

Желал я для скованных воли,
Желал обездоленным доли
И равного права для всех, —
И это единый мой грех!

А в стихотворении, озаглавленном «Невольники», Франко

написал, что и те люди, которые не сидят в тюрьме, — не знают настоящей свободы. Бедняки вынуждены тяжким трудом зарабатывать жалкие крохи, а плоды их труда, как кровь, льются золотом в карманы богатых бездельников…

Весь мир — это рабства обитель,
Я в замкнутом бился кругу.
И кровь, распаленная гневом,
Стучалась в усталом мозгу.

Франко было запрещено читать что-либо, писать письма на волю, видеться с находившимися на свободе товарищами.

У многих знакомых его, в свою очередь, производились обыски. Тщательный обыск был у Рошкевичей в Лолине. Однако приятель отца Ольги — Михаила Рошкевича успел предупредить о готовящемся. И дочери спрятали на пасеке все письма Франко и опасные книги.

Да и в квартире самого Франко спустя неделю после ареста произвели новый обыск. И в полицию доставили еще один чемодан рукописей и книг.

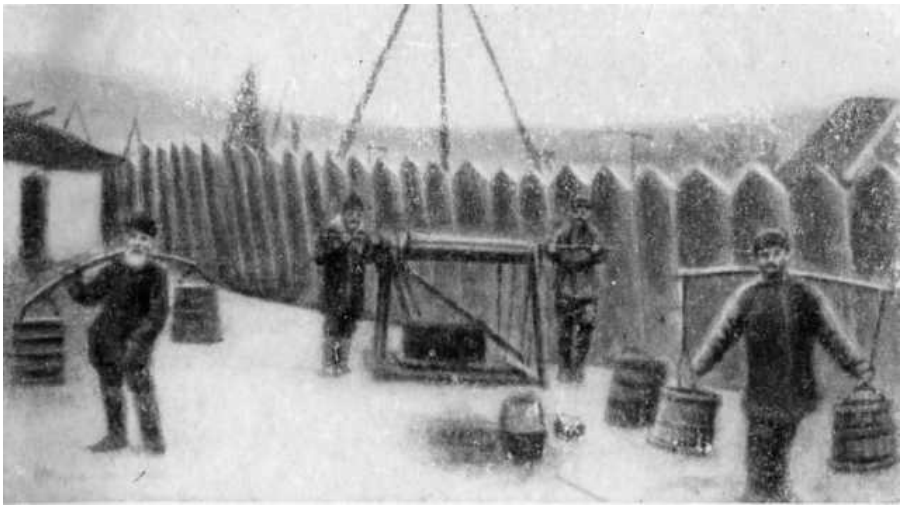
Все же материала для обвинения было явно недостаточно.

Власти допрашивали всех знакомых Франко, с которыми он встречался в последние годы. Штудировали его переписку. Пытались осмыслить содержание изъятой у него и его товарищей литературы.

Иван Франко, Барабаш-Котурницкий, Мандычевский, Павлик, его сестра Анна, Терлецкий, Лимановский обвинялись в том, что участвовали в тайном социалистическом обществе. «Наши судьи, — замечает Франко, — знали о социализме не меньше, чем прокурор. Ведь они все занимались наукой в университете только для хлеба, не интересовались ни одним социальным вопросом, а после получения места не прочли ни одной книги, кроме романов!»

Властям не удалось выяснить подлинные связи и деятельность обвиняемых. До конца процесса так и не обнаружилось, например, что Станислав Барабаш, он же Михаил Котурницкий, — на самом деле студент Петербургского технологического института Эразм Кобылянский, родной брат известного революционера Людвига Кобылянского.

Эразм Кобылянский в 1877 году летом был направлен петербургским польским социалистическим кружком за границу, чтобы установить связи с русскими и польскими эмигрантами и организовать доставку нелегальной литературы в Россию…



Нефтепромыслы в Бориславе. Фото.

Жилище бориславских рабочих, разрушенное обвалом шахты. Фото.

Иллюстрация к повести «Борислав смеется». Рисунок С. Адамовича.

ДРУГЪ

ПОСТУПОВЕЦЬ

Журнал «Друг».

Чтобы как-нибудь спасти дело, следователи подсадили в камеру к Ивану Франко уголовного преступника, бывшего повара, осужденного на три года тюрьмы за воровство, некоего Карла Скамину. Вор Скамина оказался неплохим полицейским шпионом. Он подготовил властям весьма подробные сообщения.

Разумеется, предатель Скамина, желая выслужиться, и преувеличивал и просто привирал. Но в основе его изветов все-таки лежали подлинные речи Франко.

По словам доносчика, Франко говорил так:

— Все классы в государстве можно сравнить со стогом сена. Самый нижний и самый широкий слой составляют крестьяне, сельские труженики. Над ними — ремесленники и мещане. Дальше идут солдаты. А самый верхний слой составляют паны,

попы, начальство и всякие чиновники, которые держат в своих руках власть… Значит, в мире устроено все так неправильно, что вместо широкого основания управляет всем узенькая верхушка, которая всех и угнетает.

Франко говорил, что несправедливый порядок не является незыблемым:

— Люди уже на протяжении ста лет добиваются того, чтобы изменить этот порядок. С этой целью они просвещают низшие классы, привлекают на свою сторону даже войска, состоящие по большей части из крестьян, и с помощью солдат и крестьян рассчитывают ударить все вместе, истребить в городах и селах всех панов, попов и все власти. А земли, и фабрики, и хозяйства все должны быть разделены между народом, и будут образованы общества (товарищества), в которых каждый будет трудиться и по своему труду будет иметь для себя достаток. Когда вся земля и хозяйства будут разделены между народом, когда будут товарищества, тогда миллионы людей смогут жить лучше, а не так, как теперь.

Вор-шпион доносил, что «Франко также говорил, будто бы религия и все, чему учат священники, — это ложь», и притом добавлял:

— У нас дело социализма за пятнадцать лет, а то и скорее, созреет, и тогда народ вместе с войсками вырежет панов, попов, чиновников и торговцев и разделит землю и хозяйства между собою.

А когда Ивана Франко спрашивали: «Что делать, если офицеры не пожелают идти с солдатами?» — он отвечал:

— Ну, это обойдется только в лишний фунт свинца…

Это были уже новые мысли. Это была убежденность революционера.

В тюрьме Франко сочинил бодрую песню, которую позже назвал так: «На заре социалистической пропаганды». Песня выражала жажду борьбы, веру в грядущую победу:

Рвутся старые наши оковы,
Что привыкли мы в жизни носить:
Расковаться и мысли готовы —
Будем жить, братья, будем мы жить!..

К битвам новым лежит нам дорога —
Не за царство тиранов, царей,
Не за церковь, попов или бога,
Не за власть кровопийц-богачей.

Наша цель — это счастье людское,
Светлый разум без веры в богов,
Братство крепкое и мировое
И свободные труд и любовь!..

Даст не бог это царство нам сразу,
Не святые с небес принесут,
Утвердит его смелый наш разум,
Наша воля и общий наш труд.

•

Франко и его товарищам обвинительное заключение было объявлено 10 октября 1877 года. Но только 14 января 1878 года начался судебный процесс. Он проходил без участия присяжных и защитников.

Все обвиняемые, особенно Франко, держались так смело, с таким достоинством, что казалось, будто они не защищаются, а сами обвиняют своих судей — «трибунал, состоявший из одного карьериста и трех духовных инвалидов», как говорил Франко.

Львовской печати было строго запрещено освещать ход судебных заседаний. Но некоторые сообще-ния все-таки проникали в прессу. «Сквозь высокие окна зала, — читаем в одной корреспонденции из зала суда, — бьет свет на пустые места присяжных… Внизу, на просиженных скамьях, сидят подсудимые. На трех из них — Котурницком, Терлецком и Франко, особенно на двоих последних, — видны следы длительного пребывания в тюрьме. Лица осунулись, заросли густыми бородами».

Корреспондент тут же замечает: «Выражение лиц обвиняемых совершенно не такое, как у обычных подсудимых, каждый день предстающих здесь. Из-под высокого чела смотрят ясные глаза, печальные, но спокойные, словно говорящие о твердости и спокойствии духа… Смело, открыто и даже весело глядят они на публику, как будто рады видеть вокруг себя народ… Обвиняемые, словно не обвиняемые, уверенным взглядом смотрят на судей.

Вначале публики в суде было мало, потому что пронесся слух, что дело будет слушаться за закрытыми дверями. Но уже после обеда зал не мог всех вместить.

Публика бурно реагировала на ход судебного заседания. Громким хохотом встретила она выступление «свидетеля» —

вора-доносчика Скамины. «Председатель суда снова успокаивает публику», — сообщает корреспондент.

Начинаются выступления подсудимых. «Обвиняемые говорят плавно, смело, некоторые негромко, но с достоинством. Публика в это время слушает тихо-тихо. Вдруг одному из подсудимых сделалось дурно. Публика взволнована. Сочувствие не только видно на всех лицах, но и высказывается вслух. Заседание прерывается».

Корреспондент заявляет, что «по всему Львову говорят о процессе социалистов. Общественное мнение единодушно требует оправдательного приговора».

Оправдательного приговора суд не вынес. Но и осудить слишком строго обвиняемых, уже измученных многомесячным тюремным заключением, тоже побоялся. Объявленный 21 января 1878 года приговор определял обвиняемым различные сроки тюрьмы — от месяца до трех. Предварительное содержание за решеткой под следствием совсем не засчитывалось заключенным.

Иван Франко, уже более полугода томившийся в тюрьме, был приговорен к шести неделям заключения и 5 гульденам штрафа.

Срок свой он отбывал с 21 января по 4 марта 1878 года. Таким образом, он провел в тюрьме почти девять месяцев.

«Это была первая школа, которую я прошел на дне галицкого общества», — говорил писатель.

VI. ДРУГ РАБОЧИХ

Однако мучения не кончились и после того, как перед Иваном Франко растворились тяжелые ворота тюрьмы. Львовская буржуазия преследовала его. Франко исключили из всех культурных товариществ. Знакомые старались не встречаться с ним на виду у всех…

Но зато прогрессивная молодежь еще больше к нему потянулась. «В конце концов за этот бойкот со стороны старших, — писал Франко, — нас полностью и в десятикратном размере вознаграждала сердечная привязанность молодежи, которая с самого дня суда в январе 1878 года стала особенно симпатизировать нам, внимательно следила за нашими выступлениями в литературе, принимала горячее участие в возникавших дискуссиях…»

На квартире у Франко, поселившегося на Клейновской улице[5], на четвертом этаже дома номер 4, почти каждый вечер собирались молодые люди — студенты, рабочие. Спорили о насущных социальных и философских проблемах…

Один из посетителей квартиры Франко, в то время восемнадцатилетний студент Евгений Олесницкий, впоследствии далеко разошедшийся с Франко, рассказывал:

— На Галицкой Руси не было человека, который имел бы такое влияние на современную молодежь, какое имел в свое время Иван Франко. Способствовали этому и его знания, и вся его личность, склонная к наблюдательности и критицизму. Знакомство с Франко вводило нас, молодых людей, в совершенно новый мир. Его необыкновенная по его тогдашнему возрасту начитанность, его острый взгляд на вещи, его суровая и остроумная критика современных отношений импонировали молодежи и объединяли ее вокруг Франко.

Тотчас после выхода из тюрьмы Франко деятельно принимается за издание нового журнала. Вместо прежнего «Друга» они с Павликом решают издавать «Друг общества».

Первый номер нового журнала вышел в апреле 1878 года, второй — в мае. Но оба номера были конфискованы полицией. Правда, после того как основную часть тиража уже распродали и разослали подписчикам.

Да и что удивительного в том, что «Друг общества» вызвал такую бурную реакцию со стороны властей? Первый же номер открывался страстным призывом «к битвам новым!» — уже известным нам стихотворением «На заре социалистической

пропаганды».

Далее шел небольшой рассказ Франко «Патриотические порывы». Писатель разоблачал фальшь и лицемерие либерально-националистического духовенства, жестокого и античеловечного…

«У этих людей, — писал Франко о галицких попах, — проповедующих отречение от мирских наслаждений, нет и капельки стыда, когда они тянут руку за последним кровным грошом народа, тянут так откровенно, дерзко, нагло!»

Наконец, в первом номере «Друга общества» был напечатан в переводе Франко и Павлика популярный очерк немецкого экономиста Альберта Шеффле «Что такое социализм?».

Придравшись именно к этой статье, полиция конфисковала книжку журнала. А за Франко был усилен полицейский надзор.

Но угроза новых репрессий не остановила писателя. И во втором номере своего журнала он поместил еще два своих тюремных стихотворения — «Дума в тюрьме» и «Невольники», начало повести «Боа-констриктор» и перевод статьи Фридриха Ланге «Рабочий вопрос и его значение в настоящем и в будущем».

Второй номер журнала был тоже конфискован. Издание пришлось прекратить.

Тогда Франко решает выпускать непериодические литературные сборники, которые явились бы продолжением журнала.

В августе вышел такой сборник, озаглавленный «Колокол», — конечно же, в честь знаменитого издания Герцена. А в самом конце декабря 1878 года или в начале следующего — «Молот». При этом издатели дали общий указатель содержания для двух номеров «Друга общества» и обоих сборников…

В «Колоколе» и в «Молоте» закончилось печатание повести Франко «Боа-констриктор», которую теперь на Украине знает каждый школьник.

Бесконечно длинная, сросшаяся воедино и наделенная волшебной силой связка денег… Серебра, золота. Это и есть тот удав (боа-констриктор), который мертвой хваткой душит человека. И того, кто обладает приманчивыми, сверкающими, как змеиная чешуя, сокровищами, и того, кто ищет всего лишь крупицу их, чтобы прокормить себя и семью.

Удав уверен в своей добыче: от его железных объятий не ускользнет никто. Ни молодой рабочий Иван Пивторак, который, оставив в нищей халупе жену с малым ребенком, ушел на промысел, чтобы заработать хоть немного на собственный угол. Ни даже Герман Гольдкремер, владелец бориславских промыслов, который всю жизнь ценою унижений и обмана копил свое

богатство.

Ивана Пивторака столкнул в шахту управляющий Гольдкремера, чтобы, расписываясь потом за убитого, получать предназначенные ему деньги. Германа Гольдкремера чуть было не задушил собственный сын, позарившийся на его капиталы.

В страшную минуту прозрения, оглядываясь на всю свою позорную жизнь, Герман Гольдкремер спрашивает: «Кто виноват в моей беде, в моей тоске? Кто недоброй рукой гнал меня все дальше, все быстрее вперед, кто ослепил мои глаза, чтобы я не видел ничего, пока не окажусь на дне бездонной пропасти? Кто это такой? Кто это?»

Виноват весь социальный строй, отвечает писатель, строй, при котором человек отдан в жертву удаву — власти денег. В этом и надо искать истинную причину всех народных бед.

Но скованный змеем-удавом, рабочий класс уже начинает шевелиться…

Только что Борислав был сонным нефтяным городком, раскинувшимся вокруг, словно озеро грязи, глины, скопищем неопрятных домов, складов, фабрик, источником горя и мучений. А промышленник Гольдкремер — его всемогущим господином, царьком. И вот уже мертвый Борислав пробуждается. Гольдкремер начинает ощущать, что Борислав восстает против своего хозяина: «Дома преграждали ему дорогу, шахтные ямы, как отверстые пасти, появлялись у него под ногами, а из этих ям, из страшной глубины слышны были раздирающие душу стоны, проклятия, крики смертного отчаяния и вопли умирающих».

Не случайно второй литературный сборник Франко был назван «Молот». Рабочая тема, поднятая писателем в самых ранних произведениях, теперь наполняется новым содержанием, расширяется и углубляется.

Расширяются и личные связи писателя с рабочими.

Старый бориславский шахтер Илья Бадинский вспоминает о своем знакомстве с Иваном Франко:

— Он встретил меня просто и сердечно, как рабочий рабочего. Что-то такое было в нем свое и близкое нам, рабочим, что я был поражен…

А Франко в автобиографии пишет: «В эти годы мои сношения со львовскими рабочими были очень оживленными. Еще в 1878 году я написал небольшой катехизис экономического социализма, который был издан львовскими рабочими. В 1879 и 1880 годах я… преподавал политическую экономию в рабочих кружках самообразования. В 1879 году я составил небольшой элементарный учебник политической экономии по Миллю, Чернышевскому и Марксу».

Названная здесь работа «Катехизис экономического социализма» вышла во Львове, но с фиктивным обозначением: «Лейпциг, 8 августа 1878 года». На брошюре не был указан автор, не было никакого заглавия; она прямо начиналась с вопроса:

«Что такое социализм?»

Франко популяризировал отдельные положения научного социализма. Он писал: «Рабочий вырабатывает в день товаров, например, стоимостью на 5 рублей, а получит плату в 1 рубль, то есть работодатель 4 рубля из его заработка спрячет в своей карман.

Знаменитый немецкий социалист Карл Маркс точно доказал, что как раз из этой только прибавочной стоимости, отнятой у рабочих, образуются все капиталы».

Франко ясно видел, как в ограбленном хозяевами рабочем зреет могучая сила протеста. И эта мысль вложена им в знаменитое программное стихотворение «Камнеломы» («Каменярі»), ставшее на долгие годы гимном украинских революционеров. Стихи о борцах, поднявших свой тяжелый молот против гранитной скалы деспотизма и капиталистического гнета, были написаны вскоре после выхода Франко из тюрьмы и опубликованы в сборнике «Колокол»:

У каждого в руках железный тяжкий молот,
И, как могучий гром, с высот к нам клич идет:
— Ломайте все скалу! Пусть ни жара, ни холод
Не остановят вас! Пусть жажда, труд и голод
Обрушатся на вас, но пусть скала падет!
Мы встали как один, и, что б нам ни грозило,
В скалу врубались мы и пробивали путь.
Летели с воем вниз куски горы сносимой;
Отчаянье в те дни нам придавало силы,
Стучали молоты о каменную грудь.
Как водопада рев, как гул войны кровавой,
Так наши молоты гремели много раз,
И с каждым шагом мы врубались глубже в скалы,
И хоть друзей в пути теряли мы немало,
Но удержать никто уже не смог бы нас!..

•

Летом 1878 года Иван Франко был избран в состав Рабочего

комитета, возглавлявшего в то время рабочее движение в Галичине. 1 июля во Львове вышел первый номер первой рабочей газеты «Труд» (на польском языке). Газета была организована и издавалась при ближайшем участии Франко. Вскоре он стал ее неофициальным редактором.

Во Львове в это время проживал эмигрировавший из России Людвиг Варынский — выдающийся деятель польского социалистического движения, впоследствии основатель и руководитель первой революционной польской рабочей партии «Пролетариат».

Иван Франко близко сошелся с Варынским. У Варынского, как и у Франко, было твердое убеждение, что рабочих надо организовать без различия их национальной принадлежности — на основе интернациональной солидарности пролетариата.

Эту идею постоянно пропагандировала газета «Труд». Эта же идея легла в основу начатого писателем в 1879 году нового романа из бориславского цикла — «Борислав смеется».

Непримиримость противоречий между трудом и капиталом, между предпринимателями и «робучим людом» — вот тот социальный смысл, который получают все конкретные художественные образы в романе Ивана Франко.

Забастовка рабочих на бориславских нефтепромыслах терпит провал именно потому, что у некоторых рабочих недостает классового самосознания. У них нет опыта политической борьбы, нет политической организации. Капиталисты оказываются сплоченными лучше, чем пролетариат. И стихийный протест рабочего Борислава в конце концов выливается только в грандиозный поджог промыслов.

Но борьба впереди…

«— Нет, побратимы, — говорит Андрусь Бассараб, один из тех рабочих, которые уже тогда видели дальше остальных, — наша война с богачами только начинается. То, что было до сих пор, — это забава, шутка. Теперь нас ждет настоящий, великий, горячий бой! Борислав — это все-таки мы, рабочий народ».

Работа над романом «Борислав смеется» у Франко затянулась, произведение так и осталось незаконченным. Хотя как раз в нем ясно отразилось быстро растущее мастерство писателя, его умение одной-двумя черточками создать живой человеческий образ, тонко воспроизвести психологию, ощущения совершенно различных людей…

•

Подряд несколько тяжелых ударов обрушились на Франко. Окончательно выяснилась невозможность издания журнала: не было средств, да и буржуазно-националистическая пресса усилила травлю.

Резкие выступления Франко против украинских буржуазных националистов целиком определили его позицию в тогдашней литературно-политической борьбе. В «Молоте» Франко опубликовал статью «Литература, ее задачи и главные черты». В ней разоблачались буржуазно-националистические тенденции опорочить передовую русскую литературу, отождествить ее деятелей с российским самодержавием. Франко гневно писал:

«Г-н автор в своей статье, по-видимому, отчасти спутал литературу с государством, то есть с правительством и жандармами, — и именно там, где он говорит об угнетении Россией Украины. В чем же тут повинна русская литература (понимаем под литературой ее самую передовую, самую благородную часть, о которой только и может у нас идти речь; доносы разных Катковых и разглагольствования славянофилов мы сюда не включаем и подражать им никому не советуем)?.. Разумеется, русское государство, его жандармы и чиновники и подавление ими всякой свободной мысли — одно дело, а русская литература с Гоголями, Белинскими, Тургеневыми, Добролюбовыми, Писаревыми, Щаповыми, Решетниковыми и Некрасовыми — совершенно иное дело».

Франко прекрасно понимает, что подобные приемы — хорошо продуманный провокаторский «ход» буржуазных националистов в их ненависти к передовой идеологии. В этом украинские националистические витии явились прямыми приспешниками русского царизма.

Писатель-демократ, подлинный патриот горячо осуждает «такое понимание: восстанем не против русского государства, чиновников и жандармов, а против русского общества и русских писателей, которые-де и по духу и по мысли чужды нам. Это звучит, — пишет Франко, — так, как если бы кто-нибудь предложил оставить в покое того, кто нас бьет, а трепать того, кто хоть и сам слаб, но стремится нас защитить…»

Лишившись собственной журнальной трибуны, Франко потерял возможности публиковать и собственные произведения: двери львовских буржуазных органов печати были перед ним наглухо закрыты.

В прекрасном небольшом рассказе «Каменщик» писатель нарисовал глубоко привлекательный образ честного труженика-бедняка, которого мастер по собственному капризу лишил работы

и еще над ним же издевается…

— Да если бы я-то был один, так уж как-нибудь там терпел, — говорит уволенный мастеру. — А то ведь больная жена, да и эти несчастные червячки, сами еще едва ползают, пищат — просят хлеба! Сердце разрывается, кум, ей-богу, прямо разрывается!

Этот рассказ на протяжении долгого времени оставался неопубликованным: редактор журнала «Заря» Емельян Партицкий считал, что «рассказ непригоден для печати по той простейшей причине, что каменщики вообще большие лодыри, а такого факта, который здесь описан, он никогда не встречал…»

Осталась неопубликованной — и нам теперь неизвестна — трехактная «политически-литературная» комедия Франко «Лягушка». По словам самого автора, в ней были «до крайнего предела» острые характеристики ряда представителей буржуазно-националистического лагеря.

Не были закончены и опубликованы поэма о крестьянах «Наймит» и большой социально-психологический роман из тюремной жизни «Ивась Новитный».

О романе Франко сообщал Ольге Рошкевич:

«Засяду за работу. У меня план большой повести, которая, если только мне удастся хорошо ее завершить, прозвучала бы не только в нашей богоспасаемой Галичине, а стала бы известна и подальше. Направление ее самое современное…»

В феврале 1879 года был арестован и выслан за границу Людвиг Варынский. Весной уехал работать в Женеву, скрываясь от нового ареста, Павлик, а его сестру Анну снова посадили в тюрьму. Круг ближайших товарищей Франко как-то незаметно таял…

А летом того же года его постигло новое несчастье: Ольгу Рошкевич насильно выдали замуж за молодого попа Владимира Озаркевича.

«Моя лолинская история, — с горькой иронией писал Франко Павлику в июне этого тяжелого года, — слава богу, кончается, и, как все настоящие истории, кончается печально, нужно даже сказать — трагически…»

Сразу после ареста Франко отец Ольги, лолинский поп Михаил Рошкевич, стал проверять и нередко совсем. задерживать ее письма к Франко, а Франко к ней. «Это неисправное получение писем, — вспоминает сестра Ольги, — приводило к недоразумениям».

У Франко разрыв с Ольгой вызвал ощущение огромной, непоправимой потери. Он отвечал ей сначала резким письмом. Но спустя несколько дней одумался и написал: «Любимая! Я не

сержусь на тебя, потому что это ни к чему… Я вместе с надеждой на будущее утратил и веру в добро и честность. Я почувствовал, что единственная опора, на которой я держался столько лет, сама собой уходит из-под меня… Утратив тебя, я утратил надежду на любовь честной и умной женщины… А если бы и нашлась когда-нибудь впоследствии такая женщина, разве я мог бы полюбить ее так горячо и глубоко, как тебя?..»

В этом же взволнованном, искреннем письме Франко защищался и от «соболезнований» по поводу собственной испорченной арестом «карьеры»: «Сожалея о судьбе, лишившей меня и мне подобных карьеры, не забывай, что именно наша горькая судьба содействовала выработке и закалке новых характеров, честных, умных и мыслящих людей».

•

«Из-за безденежья мы еще в июле съехали с третьего этажа вниз, в такую тесную каморку, что стол, шкаф и кровать занимают ее всю, так что Терлецкий спит на кровати, а я на полу».

Это письмо к Павлику помечено октябрем того же 1879 года.

А тут еще знакомый Франко комиссар львовской полиции Соболяк сообщил «по секрету», что есть намерение выслать писателя из Львова как «лицо без определенных занятий».

Делать было нечего. Отдав в журнал «Правда» свой перевод «Фауста» Гёте и получив за него пятнадцать рублей аванса, Франко решил отправиться куда-нибудь в деревню на частные уроки.

Такой заработок пообещал найти ему старый приятель, учитель села Нижний Березов, близ Коломыи, Кирилл Геник.

В конце февраля 1880 года Франко выехал из Львова в Коломыю.

Была у этой поездки и другая цель: Ольга Рошкевич, теперь — Озаркевич, согласилась встретиться в Коломые с Франко. Это должно было быть их первое свидание после ее замужества.

Проезд по железной дороге в ту пору был довольно дорог. Но на австрийских железных дорогах выдавали служащим и их родственникам бесплатные проездные билеты. Эти билеты зачастую перепродавались затем их владельцами — гораздо дешевле номинальной стоимости.

Такой бесплатный билет на чужое имя купил по дешевке и Иван Франко.

Утром в понедельник 1 марта 1880 года на вокзале в Коломне Франко встретился с Ольгой. Она приехала вместе с мужем, от которого никогда не скрывала своих чувств к прежнему жениху.

Франко всего через несколько месяцев изобразил эту встречу в повести «На дне». И тотчас после опубликования повести написал Павлику: «Вы, я вижу, считаете, что места, посвященные Темере, — это целиком моя собственная исповедь… Что это до некоторой степени так и есть, я не возражаю…»

В повести встреча между Андреем Темерой и Анной описана так:

«Он теперь во много раз глубже ощущал боль утраты. Рана, уже со временем немного зажившая, теперь открылась снова… Да что из этого? С прежней любовью он ощутил в себе и прежние силы, прежнюю жажду работать, бороться за свободу…

— Аннушка, душа моя, что ты сделала со мной? — шептал он ей, упиваясь отравой счастья.

— Что же я сделала с тобой?.. Ты сам говорил, что не связываешь меня… А я так много, так много вытерпела ради тебя! Годы целые…

Слезы катятся у нее из глаз, а он прижимает ее к сердцу, как будто прежние чудесные мгновения их свободной любви еще не прошли навек…»

Два дня Франко жил в Коломые, проводя все время с Ольгой. Встречался и с ее мужем. «Человек в конце концов очень хороший», — отзывается о нем Франко.

«Не знаю, право, как для тебя, а для меня эти два дня, проведенные в Коломые, были радостны и приятны… Как хорошо, когда женщина любит!.. Отвечай мне поскорее…» — писала Ольга Ивану Франко через пять дней после того, как уехала в Снятии. А Франко отправился в Нижний Березов, к Кириллу Генику.

VII. ВТОРОЙ АРЕСТ

Стояли холодные, ветреные дни ранней прикарпатской весны. Часто шел дождь. Кирилл Геник встретил Франко в ближайшем к Нижнему Березову местечке Яблокове.

Геник и сам не знал, что в связи с продолжавшимся уже несколько месяцев в Коломые следствием над участниками социалистических кружков — среди них в тюрьме содержалась и Анна Павлик — над ним и его товарищами был давно установлен негласный полицейский надзор.

Так бессознательно подвел Геник Ивана Франко. Жандарм, увидевший их в Яблонове, сейчас же обоих задержал для проверки документов. Это было 4 марта.

Геника затем отпустили. Простая полицейская уловка: через четыре дня его арестовали уже в Нижнем Березове и заключили в тюрьму надолго…

А у Франко был обнаружен бесплатный железнодорожный билет на чужое имя. Паспорта у него не было.

К тому же выяснилось, что он уже привлекался к суду «за социализм» вместе с Анной Павлик в 1877 году.

Этого, конечно, было вполне достаточно, чтобы снова упрятать Франко за решетку. А так как при аресте он держался независимо и даже дерзко, то тупые полицейские власти мстили ему тем, что содержали его в тюрьме, как и во время первого ареста, среди уголовников.

Франко провел за решеткой три месяца. Его тюремные впечатления отразились в повести «На дне».

«Как это случилось, что я написал «На дне»? Мое воображение помогало мне при этом очень мало, еще меньше значения имела какая бы то ни было реалистически-натуралистическая теория. Я здесь явился, так сказать, редактором самой действительности — с ножницами в руках, — я должен был только прикраивать и сшивать материал, предоставленный мне богатейшим опытом этого «дна».

Больше всего угнетало молодого писателя, что у большинства встретившихся ему представителей низших слоев населения было очень слабо развито и самосознание и даже просто чувство человеческого достоинства. Они, писал Франко, «на это дно общественного гнета не принесли с собой ничего, ничего: ни мысли ясной, ни счастливых воспоминаний, ни блестящих, хотя бы и обманчивых надежд». А ведь среди этих тюремных обитателей были и те, в ком тлели искры больших способностей,

незаурядной силы воли, горячего стремления к свету.

Здесь, в этих мрачных стенах, писатель встречал ® людей поистине талантливых — таких, как герой его рассказа «Панталаха».

В черных глазах Панталахи постоянно сверкают искры напряженной, неугасимой мысли, энергии. Только и мысль его и энергия направлены на преступные цели. Это вор. Но вор-артист. Красть ради добычи он считает недостойным для своей профессии. Похитить из конторы привинченную кассу или вытащить из-под подушки богача ассигнации — это другое дело.

Когда к нему приходили за украденным, он никогда не отпирался. С детским легкомыслием он не заботился о том, чтобы скрыть улики. Он от души радовался ловко выкинутой «штуке», а о последствиях вовсе не заботился.

Однажды местные торговцы попробовали откупиться от него. Они пообещали платить Панталахе ежедневно тридцать гульденов, лишь бы он оставил их в покое.

Он и не тревожил их несколько месяцев. Но как-то перед базарным днем повскрывал замки во всех лавках, выгреб медь и серебро из всех касс, разбросал по всему базару и скрылся, радостно предвкушая переполох.

Из тюрьмы Панталаха искусно бежал не меньше десятка раз, пока не погиб, сорвавшись с крыши при очередном побеге…

Что же искалечило Панталаху и многих других людей? Что же заглушило их способности, толкнуло на путь преступления и в конце концов бросило на «дно»?

Страшный мир тюремного мрака и жестокости отражал для писателя весь уклад общественной жизни.

Персонажи и эпизоды, которые Франко наблюдал в тюрьме, были для него неразрывно связаны с бытом и порядками за стенами камер — «на воле».

«Жестокие времена и обстоятельства — вот причина гибели многих людей», — говорит Франко в предисловии к отдельному изданию сборника своих тюремных рассказов.

…В эти три месяца, проведенные в тюрьме, Франко насмотрелся много ужасов и зла. И такой исполинской предстала перед ним задача завоевания человечности и добра на земле, что иногда сами собой приходили грустные раздумья:

«Может быть, все эти наши мысли и стремления, наша борьба, может быть, все это только одно великое заблуждение, каких тысячи до сих пор буйным вихрем прошумели над человечеством? Может быть, наш труд ни на что не годится? Может быть, мы прокладываем дорогу не там, где нужно, строим город на необитаемом острове?..»

Но он отгонял от себя эти сомнения. Свобода! Только бы выбраться на свободу! Тогда начнется новая, настоящая работа. Ведь всюду поднимаются живые души и умы — они готовы развалить стену, которая тысячелетия заслоняет людям глаза. И пусть жизнь каждого — только песчинка, отрадно хотя бы и песчинку внести для ускорения общего великого дела!

В тюрьме Франко пишет много стихов. Основной их тон бодрый, зовущий. Поэт хорошо знает, что враги человеческого счастья не отдельные лица, а весь социальный строй.

Не люди нам враги, о нет,
Хоть люди судят нас и травят,
В тюрьму бросают, застят свет,
Гнетут, высмеивают, давят…

Не в людях зло, а в путах тех,
Какие тайными узлами
Скрутили слабых, сильных — всех,
С их мукою и с их делами.

Лаокооном среди змей
Народ в незримых путах бьется…
Дождемся ли счастливых дней,
Когда петля на нем порвется?!

Пока еще

Всюду преследуют правду,
Всюду неправда одна…

Но поэт верит: упорством, настойчивостью человек победит ложь на земле, и правда живая прорвет все преграды…

Обращаясь к своим судьям, ко всем врагам трудового народа, Франко восклицает:

Судите, судьи, вы меня
Не милостью фальшивою!
Не думайте, что кину я
Дорогу «нечестивую»…

Нет, он не отступится от своего намерения — «переменить, преобразить, разбить наш социальный лад!».

За что же ополчились все передовые силы против существующего порядка?

За то, что тунеядцы пот
И кровь рабочую сосут;
За то, что с кафедр, с алтарей
Не ясный свет — потемки льют;
За то, что льют живую кровь
Для прихоти царей, господ;
Живут, как боги, палачи,
И хуже пса — бедняк живет…

Такое положение не может долго продолжаться: этот несправедливый общественный порядок должен быть разрушен! Хорошо, когда бы переворот мог совершиться

Не силою оружия,
Огня, железа и войны,
А правдой, творческим трудом,
Наукой…

Однако господствующие классы по доброй воле не уступят. Ну, что ж!

Если же война
Кровавая поднимется —
Не наша будет в том вина.

…В эти же дни Франко создает свой «Гимн» («Вечный революционер»), ставший позже, особенно в период революции 1905 года, песней революционного народа.

Все стихотворение написано на высоком подъеме, с единой сквозной маршевой интонацией. Ее подчеркивал и сам Франко, говоря о музыке к гимну, написанной композитором Людкевичем. Стихотворение плавно льется и одновременно по-боевому отчеканивает шаг. Это поступь революционного «духа».

Вечный революционер —

Дух, стремящий тело к бою
За прогресс, добро, за волю, —
Он бессмертия пример…
Словом зычным, как трубою,
Миллионы кличет к бою, —
Миллионы вслед за ним:
Голос духа слышен им.
Голос духа слышен всем:
В избах, к нищете привычных,
В тесноте станков фабричных,
Всюду, где тоска и темь.
И веленью духа внемля,
Горе покидает землю,
Мощь родится и упорство
Не сгибаться, а бороться,
Пусть потомкам, не себе,
Счастье выковать в борьбе…

…Опрокинута плотина,
С места тронулась лавина,
Где найдется в мире сила,
Чтоб ее остановила,
Чтоб опять свела на нет
Пламенеющий рассвет?

•

Неожиданно 6 июня 1880 году в камеру к Франко пришел сам председатель суда в Коломые. Он объявил, что за отсутствием материалов для обвинения Иван Франко освобождается от суда и может быть выпущен из тюрьмы, с тем, однако, чтобы по этапу проследовать на родину — в село Нагуевичи.

Из Коломыи в Станислав, из Станислава в Стрый, из Стрыя в Дрогобыч — по этапам и по тюрьмам, в сопровождении жандарма, — Франко странствовал несколько дней и схватил сильную лихорадку. «Этот транспорт по полицейским казематам, — вспоминал он через десяток лет, — принадлежит к самым тяжелым событиям в моей жизни».

На последнем пешем переходе, из Дрогобыча в Нагуевичи, застиг их проливной дождь. Франко промок до нитки и совершенно больной прибыл в Нагуевичи.

Прожил здесь неделю без дела, без работы. А потом решил вернуться в Нижний Березов к Генику.

Но в Коломые староста его снова задержал и не позволил отправиться в деревню, пока из Дрогобыча не пришлют паспорт.

В темной каморке коломыйской гостиницы, мучимый лихорадкой, Франко дожидался паспорта.

Он три дня жил на три цента, которые случайно нашел в песке над Прутом. А когда и их не стало, истощенный болезнью и голодом, лежал в ожидании смерти.

Только бедный гостиничный слуга приносил иногда больному несколько ложек горячего супа. Так протекла ужасная неделя.

И за это время, раздобыв чистой бумаги, Франко без помарок, единым духом, написал повесть «На дне». Запечатал рукопись в конверт и отослал во Львов знакомому.

Казалось, работа отняла последние силы. И Франко уже сам желал только умереть…

Вдруг в номер гостиницы зашел посланный Кириллом Геником товарищ. Помог Франко подняться на ноги, дал денег на дорогу. И Франко поехал в Дрогобыч за паспортом.

А возвратившись с паспортом в Коломыю, пошел в Нижний Березов, так и не явившись к лютому коломыйскому старосте.

Но и это не прошло ему даром.

В то время как Франко наконец-то спокойно отдыхал в гостеприимном доме Геника, оправляясь от болезни, гуляя целые дни на свежем воздухе и сочиняя стихи, коломыйский староста узнал, что непокорный «смутьян» в деревне, и приказал жандармам доставить его немедленно в Коломыю, чтобы лично удостовериться, «правильный» ли у Франко паспорт.

— Так как у меня не было денег на лошадей, — рассказывает Франко, — то жандарм меня, еще боль-ного, по летнему зною, погнал в Коломыю пешком. Тяжелая это была дорога. После нее у меня на обеих ногах отпали на пальцах ногти. Староста рассвирепел, увидав у меня паспорт, но вынужден был предоставить мне свободу. Однако он написал в наместничество во Львов просьбу, чтобы мне запретили пребывание в Коломыйском уезде, и наместничество так и сделало. Я, не ожидая новой принудительной транспортировки, сам поехал в Нагуевичи, откуда осенью возвратился опять во Львов и снова поступил в университет.

Закончился еще один эпизод жизни молодого писателя.

VIII. ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Когда Франко вернулся во Львов, его повесть «На дне» уже вышла отдельной брошюрой: ее издала в склад чину университетская молодежь. Под текстом повести была указана точная дата ее создания: «17–20 июня 1880 года». А на обороте титульного листа стояло горькое посвящение:

«Посвящаю властям богоспасаемого города Дрогобича. Автор».

Книга произвела на общественность впечатление разорвавшейся бомбы. Печатание ее перевода на польский язык в рабочей газете «Труд» было немедленно запрещено. Емельян Партицкий в «Заре» разразился злобной и грубой заметкой, в которой писал, что автор повести «На дне» известен только «по многочисленным судебным процессам над социалистическими деятелями; деятельность его и закончится, без сомнения, приговором к тюремному заключению».

Что было делать Ивану Франко? Даже публично защищаться он не мог! Партицкому Франко написал очень резкое письмо, в котором прямо назвал его ретроградом и к тому же бессовестным человеком и лжецом. «Вы отстаиваете свои идеи систематической ложью. И совсем не по незнанию правды. Вы знаете ее, но умышленно извращаете… Вы и сами не верите в правду и силу своих убеждений, — так писал Франко редактору «Зари», — а придерживаетесь их только из выгоды и меняете из выгоды, как меняется платье для парада. Ваши убеждения, — если вообще допустимо говорить о каких бы то ни было убеждениях у Вас, — это дойная корова, которая должна кормить Ваш карман…»

А сколько чистых, молодых сердец тянулось в это же время к Франко! Восторженно прислушивались к его поэтическому слову! И это они помогли тому, что в конце 1880 года удалось в складчину, буквально на жалкие гроши, организовать новый журнал — «Свет».

Редактором «Света» стал уже знакомый нам друг Ивана Франко — Белей.

Первый номер журнала вышел 10 января 1881 года. Здесь началось печатание повести «Борислав смеется». И читатели сразу поняли, что «Свет» — это прямое продолжение прежних журналов, издававшихся писателем и его кружком.

Выходом «Света» было ознаменовано начало самого славного,

самого плодотворного десятилетия в жизни Ивана Франко.

В эти годы Франко сделал необыкновенно много. Он поистине развернулся во всю ширь своего многообразного таланта. Все стремления и помыслы подчинил он тому настоящему, единственно важному делу, о котором еще недавно, томясь в заключении, так страстно мечтал.

В каждом его произведении — в поэзии и прозе, в публицистике и литературно-критических статьях — звучал теперь уверенный голос борца, революционера. Он будил сознание народа, звал к подвигу.

Поиски путей и средств борьбы, сомнения, догадки и предположения — нынче все это было для Франко позади. Его взгляды вылились в строгую стройную систему.

И никогда еще не было так сильно его влияние на окружающих…

Сохранился в записи одного газетного корреспондента живой рассказ шахтера Ильи Бадинского:

— Шестнадцатилетним юношей я отправился на бориславские промыслы. Работал забойщиком в шахтах, а потом кузнецом на разных нефтяных предприятиях. Не помню, когда именно мне удалось раздобыть знаменитые «Бориславские рассказы» Ивана Франко. В этих рассказах была такая верная и непосредственная правда жизни бориславских рабочих, что я читал их целые ночи напролет и видел в них себя, своих товарищей, все наши бориславские тяготы. Потом я раздобыл в Дрогобыче повесть «Борислав смеется». Эту повесть мы, рабочие, читали уже все вместе. Под влиянием этой книги мы тогда организовали забастовку на озокеритовых шахтах в Сход-нице и даже выиграли ее.

Давно и мучительно знакомый со всеми особенностями народного быта, Франко пришел к твердому убеждению: залог победы в единении. И рабочие и крестьяне должны сплотиться.

В одном из лучших стихотворений цикла «Галицкие картинки» поэт, слушая исповедь крестьянина, голодающего на своем нищенском участке, размышляет над межой, которая отделяет «твое» от «моего». И мечтает о времени, когда эти поля сольются в единое, принадлежащее всему народу хозяйство:

Я думал о будущем братстве людей,
Я звал это время прийти поскорей.
Безмежные видел я в мыслях поля:
Трудом обновленная общим, земля
Кормила народ мой свободный, счастливый…

В одиночку трудно работать. Но еще трудней в одиночку бороться, когда в мире царит напористый удав — «боа-констриктор».

Объединиться в борьбе за свое счастье должны простые люди всех наций.

Франко глубоко сочувствует страданиям угнетенных всех племен и народностей. Интернационализм пронизывает все лучшие произведения Франко и в прозе и в стихах. Горячая любовь к своему народу, к родной Украине неразрывно связана у него с признанием прав и всех других народов. Нельзя по-настоящему любить свою Украину, если не будешь так же искренне любить трудящихся всех наций — «всех наравне».

И в известном цикле Франко «Украина» его программное стихотворение так и названо — «Моя любовь».

И разве ты, моя любовь,
Враждебна той любви высокой
Ко всем, кто льет свой пот и кровь,
В оковах мучимый жестоко?
Нет, кто не любит всех равно,
Как солнце— горы и долины,
Тому любить не суждено
Тебя, родная Украина!

•

В каждом номере журнала «Свет» Франко помещал свои переводы. Он перевел «Княгиню Трубецкую» Некрасова, главы из «Очерков бурсы» Помяловского.

Появились его статьи о Салтыкове-Щедрине, о Пыпине.

Здесь же, в «Свете», Франко помещал статьи других авторов — о Гоголе, Достоевском.

На страницах «Света» Франко выступил с замечательной исследовательской работой, она и поныне не утратила своего значения: «К вопросу об оценке поэзии Тараса Шевченко». Впервые тут был поставлен вопрос о том, что политическая поэзия Тараса Шевченко формировалась под непосредственным воздействием передовой русской общественной мысли сороковых годов: Белинского, Герцена, петрашевцев.

«Шевченко жил тогда в Петербурге, вращался среди высокообразованных кружков», писал Франко, а в этих кружках

владел умами Белинской, «видевший цель искусства в том, чтобы правдиво изображать действительность с ее пороками и задатками лучшего будущего, пробуждать в людях стремление к уничтожению этих пороков и веру в возможность их уничтожения».

Говоря о деятельности Герцена в этот же период, Франко затем делает совершенно правильный вывод: «Невозможно, чтобы Шевченко, живший в это время в Петербурге, мог не увлечься тоже этой мощной волной прогрессивного движения, чтобы его горячая, молодая душа не обратилась тоже в новом направлении, тем более что и его собственные мужицкие симпатии издавна влекли его в ту же сторону. Поэтому неудивительно, что под влиянием этих новых идей его прежние идеалы казацкой старины бледнеют, что его узкая украинская национальная романтика постепенно видоизменяется и перерождается в любовь ко всем славянам, угнетаемым иноземцами, а затем и в любовь ко всем вообще людям, угнетенным цепями общественного неравноправия, неправды и рабства. С начала сороковых годов Шевченко все более определенно и смело вступает на новый путь».

И не только идеи революционных демократов— Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Шевченко — пропагандирует Франко. Чаще, чем когда бы то ни было, звучат в его статьях положения, почерпнутые из трудов Маркса и Энгельса.

В статье «Мысли о эволюции в истории человечества» Франко ссылается на Карла Маркса и пишет: «Маркс был одним из первых социологов, который, опираясь на теорию эволюции и признавая, что движущей силой в развитии человечества является борьба за существование (то есть современные экономические условия жизни народа), принялся исследовать одну фазу этого развития — начало и ход капиталистического строя».

Мы знаем, что Франко перевел на украинский' язык отдельные главы из книги Фридриха Энгельса «Анти-Дюринг», главу из «Капитала» — о первоначальном капиталистическом накоплении. Позднее, в начале девяностых годов, он опубликовал в приложениях к журналу «Народ» украинский перевод «Манифеста Коммунистической партии», отрывки из работы Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке».

Наиболее прогрессивные убеждения Франко формировались именно под воздействием идей научного социализма.

В 1881 году редакция рабочей газеты «Труд» выпустила отдельной брошюрой — на польском языке, без подписи автора — несколько статей Франко под общим заглавием «О труде». В этих

статьях тоже нетрудно увидеть влияние марксистских идей.

•

Журнал «Свет» выходил небольшим тиражом. Он не приносил издателям никакого дохода, и гонорара в нем Франко не получал. Он жил лишь на то жалованье, которое ему выплачивала газета «Труд».

— Живу во Львове, — рассказывает Франко Павлику в январе 1881 года, — и уже имею более чем на сто рублей долгов. А живу при этом, как собака, в нетопленной комнате, на картофеле и капусте, да и то за счет рабочего… Вы не скажете, чтобы я спал, ленился выполнять какую бы то ни было работу или чтобы когда-нибудь утратил надежду, поддался пустому самобичеванию, которое показным скептицизмом маскирует лень и нежелание работать…

Главным образом по этой причине Франко весной 1881 года едет на родину, в село Нагуевичи, — он занимается простыми крестьянскими работами в поле, живет вместе с крестьянами. И находится под неусыпным жандармским надзором…

«Жандармы часто заходят к нам, — сообщает Франко, — беседуют о том, о сем… Иногда, когда видят, что я пишу, хотят узнать — что именно, но беда в том, что читать по-украински не умеют. Так и уходят, не удовлетворив своего любопытства».

Писал Франко в деревне много. Свои статьи, стихи и рассказы он посылал во Львов или в женевский журнал «Вольное слово». Обычно он жаловался при этом: «Было мало времени, — работа в поле с овсом постоянно перебивала мою работу над «Фаустом». В перерывах трудился я над переводами из Гёте, читал Дарвина…»

Или еще; «У меня теперь литературная работа идет туго, — нужно пасти лошадей, а иногда и скотину (в лесу), — так, разумеется, нельзя ничего делать, даже читать. Потому-то я до сих пор еще не кончил Вергилия…»

Даже в ближайшем городе, Дрогобыче, Франко бывал редко. Встречаем в его письмах из Нагуевичей и такие, например, детали: «Кажется, сегодня пойду в Дрогобыч, хотя, правду говоря, еще не знаю, у кого бы одолжить сапоги, потому что мои башмаки совершенно разлетелись… Одежды нет, сапог нет, а долги — здесь, и гавкают… Грустно теперь в деревне».

И в другом письме: «Плоховата здесь моя жизнь, дружище, — все время работа, убивающая мысли и изнуряющая меня так, что

после нее невозможно собраться с силами для какого-нибудь духовного труда… А тут еще и отсутствие хотя бы в какой-то мере одухотворяющего общества, отсутствие всего, что пробуждает в человеке мысли и дает какие-нибудь впечатления; в общем, подлинно скотская жизнь…»

В Нагуевичах Франко перенес еще и тяжелую болезнь. Он захворал тифом, очень расшатавшим его ослабленный постоянными лишениями и напряженным трудом организм.

Писатель провел на родине почти два года, лишь два раза за это время (осенью 1881 года и осенью 1882) приезжая ненадолго во Львов.

В Нагуевичах он написал свою знаменитую «Веснянку»:

Гремит! Благодатная ближе погода.
Роскошною дрожью трепещет природа,
Живительных ливней земля ожидает,
И ветер, бушуя, над нею гуляет,
И с запада темная туча летит —
Гремит!

Гремит! И народы объемлет волненье:
Быть может, прекрасное близко мгновенье…
Мильоны взывают о счастье, и тучи —
Виденье грядущей эпохи могучей,
Которая мир, как весна, обновит…
Гремит!

•

Журнал Емельяна Партицкого «Заря» объявил литературный конкурс «на лучшую оригинальную повесть» из украинской жизни. За повесть назначили значительные денежные премии. Но идейно-тематическое направление было обусловлено в духе сугубо буржуазно-консервативном.

— Должна преобладать по возможности сторона идеальная, — гласили условия конкурса. — Светлые явления нашей жизни в качестве примера, достойного подражания, будут для нас самым желательным материалом.

Ивана Франко очень привлекала мысль — написать на конкурс небольшую повесть и получить премию. К тому же до него дошел слух, что Партицкий после резкого столкновения с

ним теперь был не прочь помириться и привлечь его на страницы своего чахнущего от равнодушия читателя журнала.

Но как же быть с условиями конкурса? Изобразить «идеальные стороны» и «светлые явления» современной Галичины?!

Для автора бориславского цикла и галицких картинок, пожалуй, это было невыполнимо…

Однако Франко нашел выход из положения. В условиях, объявленных «Зарей», имелась «лазейка»: темы разрешалось брать «из нашей народной жизни, современной или прошлой».

И вот Франко решил изобразить «светлые стороны» далекого прошлого, чтобы еще явственнее выступило уродство современного общества.

Правда, изображая в своей повести эпоху феодализма (XIII век, нашествие монголо-татарских захватчиков), Франко в значительной мере идеализировал, приукрасил патриархальный характер общественных отношений того времени. Но в этом был для него скрытый смысл.

«Я пишу повесть историческую, — разъяснял Франко Павлику, — идеальную (в понимании характеров, хотя и реалистическую в методе письма…).

В ней я стремлюсь показать жизнь наших общин — демократическую, без начальников; и федеральную, показать борьбу элементов вече-федеральных с разрушительными княжеско-боярскими».

Хотя повесть, добавлял тут же Франко, «заключает в себе много исторической и неисторической декоративности», по его мнению, она должна была «вызвать живой интерес и у современных людей».

Повесть он назвал «Захар Беркут Картины общественной жизни Прикарпатской Руси XIII века». И с первых же строк автор настраивал читателя на сопоставление давних времен с нынешним положением в стране:

«Грустно и неприветливо теперь в нашем Тухолье!.. Народ нищий, подавленный, печальный… Каждый заботится только о себе, не понимая того, что этим способом размельчаются его силы, ослабляется общество. Не то здесь было когда-то!.. Сказкой покажется повесть о прежних временах и прежних людях. Верить не хотят современные люди, выросшие в нужде и притеснениях, в тысячелетних цепях и угнетении.

Но мечта поэта уносится в эти прошедшие времена, воскрешает живших тогда людей… В их жизни, так не похожей на нашу, мы заметим много такого, что можно лишь пожелать и нашим «культурным» временам».

Так сразу напрямик говорит Франко о том, что героические образы вожака свободолюбивого горного тухольского племени Захара Беркута, его сына Максима и прекрасной Мирославы — это светлые идеалы борцов за народное счастье, пример для подражания…

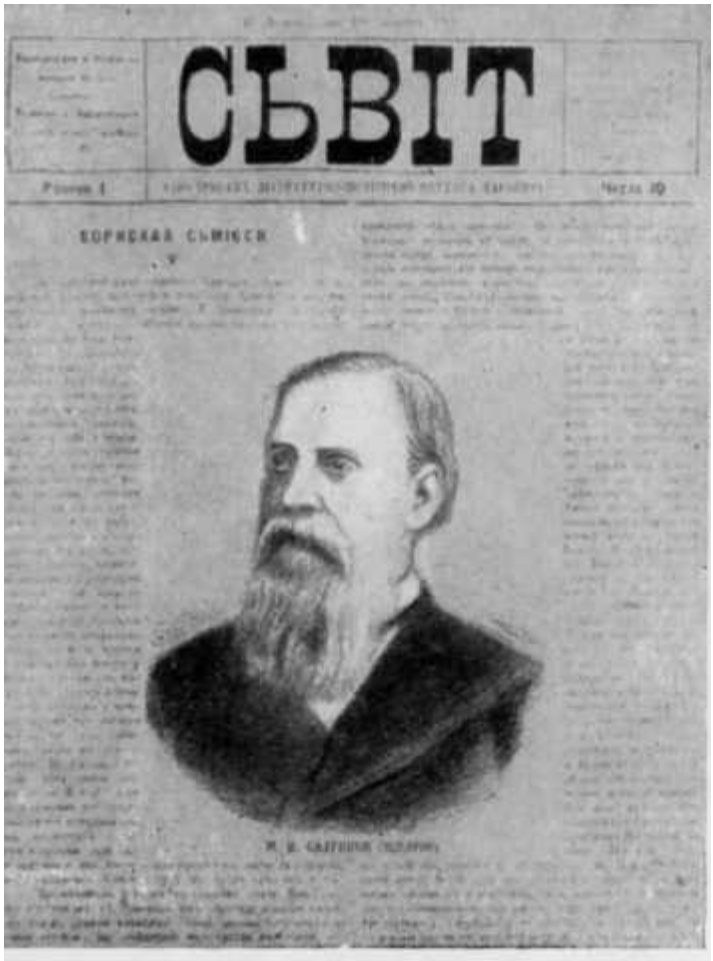
•

И вот «Захар Беркут» закончен и отослан Партицкому.

За премированные повести «Заря» обещала платить по 20–25 рублей за лист, а в повести Франко было десять листов. «Надеюсь, — писал он Павлику, — получить премию в сумме 200–250 рублей. Из этих денег мне необходимо уплатить прежде всего хотя бы часть своих долгов, а остальное я хотел бы употребить или на помощь «Свету» или на какие-нибудь другие издания»…

Львовская тюрьма «Бригидки». Фото.

Иван Франко в молодые годы. 1881 г. Фото.


СЪВІТ
ВОРНЕКАЯ СЪМИСЪ
Журнал «Свет».

З ВЕРШИН І НИЗИН.

ЗБІРНИК ПОЕЗІЙ

Івана Франка.

НАКЛАДОМ АВТОРА.

ЛЬВІВ 1887.

З друкарні Товариства ім. Шевченка.
під зарядом К. Беднарського.

Титульная страница первого издания сборника Ивана Франко «С вершин и низин».

Ответ от Емельяна Партицкого Франко получил через месяц после того, как послал ему рукопись, 15 декабря 1882 года. Письмо это поразило Франко.

Да, Партицкий приглашал писателя стать постоянным сотрудником в «Заре». Похоже, что он согласен был напечатать и «Захара Беркута». Лишь позже выяснилось, что издатель собирался при этом выкинуть из рукописи все места, где так или иначе воспевалась свобода, народовластие, общинный строй.

Однако за статьи и рассказы Партицкий предлагал Франко — как сам тут же замечал — «смешную плату»: по копейке за строчку. За стихи — по две копейки. А за повесть «Захар Беркут» вместо обещанной премии — о ней в письме и речи не было —

пять рублей за лист…

«Можно лопнуть от досады с этим человеком! — вне себя от возмущения, извещал Франко друзей об этом повороте дела. — Свое объявление о премии спрятал в карман, и мне за всего «Беркута» обещает пятьдесят рублей, а за всякое прочее писанье — по копейке за строку. Вот так и живи! Вот так и работай! Черт бы побрал поповское лукавство и панскую обходительность!»

Франко не выдержал и сам поехал во Львов, — надо же было как-то вырвать из цепких рук Партицкого заработанные деньги. С большим трудом и после долгих проволочек — в течение нескольких месяцев — редактор «Зари» уплатил скрепя сердце уменьшенную вдвое против обещанного премию — 120 рублей…

«Захар Беркут» на протяжении полугода печатался в «Заре» и имел большой успех у читателей. Редактор «Зари» увидел воочию, какую пользу приносит журналу сотрудничество Ивана Франко. И писатель решил согласиться работать в «Заре»: журнал «Свет» из-за преследований полиции и материальных трудностей прекратил свое существование еще в конце 1882 года.

•

Вскоре для Франко открылись двери и большой львовской газеты «Дело». Умер ее редактор, лютый ненавистник Франко, Владимир Барвинский. С его смертью в редакции газеты наметилось некоторое оживление. Начали печатать статьи и очерки демократически настроенной молодежи из круга, близкого Ивану Франко.

«Редакция «Дела» открылась хотя бы для некоторых из этих людей, — замечал позже писатель, — они внесли в газету новую жизнь и молодой задор, значительно больший запас новых идей, чем пожелал бы допустить Барвинский… В «Дело» поступали прекрасные корреспонденции, каких в ту пору и долго еще после этого не имела никакая политическая газета в Галичине».

Осенью Ивану Франко неожиданно предложили войти в состав редакции газеты. Писатель это предложение принял. Вместе с ним в состав редакции «Дела» вошел и его друг Белей.

Кроме «Зари» и «Дела», Франко в начале восьмидесятых годов сотрудничает в либеральном сатирическом журнале поэта и художника К. Устьяновича «Зеркало» (позже «Новое зеркало»).

У Франко открывается возможность много печататься…

И он эту возможность использует.

В печати появляются его автобиографические рассказы,

тонкие психологические новеллы: «Русалка», «Сам виноват», «Цыгане»…

Поразительно правдивый жизненный мир предстает перед читателем. Современники часто обвиняли Франко в том, что его сюжеты и герои всегда тягостно мрачны. Но в этом и видел художник свою цель: раскрыть весь неисповедимый ужас жизни человека, сдавленного социальными и национальными притеснениями, скованного предрассудками, некультурностью.

Многие рассказы Франко — это крохотные, но бесконечно значительные человеческие трагедии. И недаром они обычно оканчиваются гибелью героев.

Маленькая девочка заблудилась в лесу и уснула с улыбкой на губах — ей все чудилось, что ее ласкает лесная фея. Несчастный старик плотник, отдавший все свои силы в батраках у чужих, погиб, забытый всеми, захлебнувшись в собственной хибарке во время ливня. Рабочий, сплавщик леса, сорвался в пропасть — его обманули жадный ростовщик и скупой хозяин-предприниматель. Семью бродячих цыган постоянно преследуют и староста и полицейские, пока она не гибнет от голода и холода в заброшенной пещере.

Да, беспросветна судьба человека, который одинок и не встает на защиту своих прав и своего человеческого достоинства. Франко как бы хочет сказать: вот какова наша жизнь, так больше жить нельзя!

Развивая традиции прежде всего украинской, русской реалистической литературы и революционно-демократической критики, Франко утверждал, что подлинная художественная правда служит борьбе за будущее человечества.

И в собственном творчестве последовательно осуществлял этот принцип.

Рассказ «Леса и пастбища» сдержанно и даже подчас в слегка ироническом тоне повествует о хитростях и мошенничестве помещика, беззаконно, путем подкупа судебных властей, отнимающего у крестьян общественный лес и луга. И эта обыкновенная в те времена история становится под пером писателя-демократа целым обвинительным актом против подлинно крепостнических порядков в современной деревне.

— Вы думаете, — говорят крестьяне в этом рассказе, — что у нас не возвратилось крепостное право? Придите-ка да посмотрите только на людей, поговорите с ними! Черные, как земля, измученные. Избы ободранные, ветхие, наклонились набок… А спросите-ка тех, что идут с серпами и косами: «Куда идете, люди?» — так наверняка скажут: «На барское поле жать рожь», или: «На барский луг косить»…

Очень метко сказал о Франко Михаил Коцюбинский:

«…Его интересуют социальные и экономические стороны жизни, гнет, страдания и всяческая неправда. Насквозь гуманный, человечный, Франко отдает свое сердце и все свои симпатии тем, кто в поте лица добывает хлеб не только себе, а и тем, кто сам не работает… Франко рисует нам широкие и страшные картины жизни рабочих, картины, напоминающие порой Дантов ад… Вместе с верой в человека в душе Франко живет вера в светлую будущность нашей земли. Она придет, эта новая жизнь, придет в мир новое добро, надо только разбить твердую скалу неправды и пробиться к свету, хотя бы пришлось устлать своими костями путь к новой жизни»…

•

Кто не знает сейчас это замечательное стихотворение — «Беркут»? Поэт воплотил в образе пернатого хищника все, что ему было ненавистно. Это обобщающий символ гнета и порабощения:

Ты ненавистен мне, парящий надо мною,
За то, что ты в груди скрываешь сердце злое,
За то, что хищен ты, за то, что с высоты
На тех, чью кровь ты пьешь, глядишь с презреньем ты,
За то, что слабая тебя боится тварь, —
Ты ненавистен мне за то, что здесь ты — царь!

Но придет неизбежная расплата. Народ уничтожит питающихся его кровью хищников-эксплуататоров, «кто моет кровью рот, кто сеет страх и смерть». И беркут бессильным трупом падет на землю.

А труп мы отпихнем, не говоря ни слова,
И далее пойдем спокойно и сурово.

Небольшой сборник стихотворений Ивана Франко под заглавием «С вершин и низин. Издание автора» появился во Львове в начале 1887 года.

Книга открывалась уже знакомым читателям «Гимном» — «Вечный революционер».

Современники рассказывают, что со времени появления «Кобзаря» в украинской литературе не было книги, которая сразу

произвела бы такое огромное впечатление, получила бы такой широкий резонанс.

Как вспоминает академик Крымский, «сборник стихотворений «С вершин и низин» многими переписывался и заучивался на память».

И неудивительно: сотни, тысячи людей находили в поэзии Ивана Франко отклик на свои самые заветные чаяния, самые святые порывы. Его стихи превращались в песни и звенели на улицах в дни праздников и народных волнений. Как и поэзия его гениального предшественника и учителя Шевченко, пламенное слово Франко поднималось как знамя в борьбе народа.

«Поэзия в наше время, — писал Иван Франко начинающей поэтессе Климентине Попович, — перестала быть игрушкой бездельников, а превратилась в крупное дело, в гражданское служение. Она должна в наиболее впечатляющей и совершенной форме выражать высшие стремления, сомнения, боль, разочарование и надежды своего века, — должна воодушевлять и вести поколение, кристаллизировать все, что есть в жизни и в сознании самого значительного и прекрасного, и сохранять в поучение и могущество потомству».

Восторг, которым молодежь встречала такие стихи Франко, любовь, которую он к этому времени завоевал, своеобразно проявились в том, что молодая поэтесса Ульяна Кравченко вознамерилась организовать торжественное увенчание поэта лавровым венком…

Торжество не состоялось: решительно воспротивился сам Франко. Он писал Кравченко:

«Я еще до сих пор ничего такого не совершил, за что мне мог бы следовать хотя бы один лавровый листок!.. Я обыкновенный себе человечишко и сам очень хорошо понимаю свои недостатки, однако испытываю чувство долга — работать, как умею…»

В том же письме к Ульяне Кравченко, призывая начинающую поэтессу учиться мастерству у великих художников — Гёте, Гейне, Гюго, — он поясняет:

«Под работой в области поэзии я понимаю не просто сочинение стихов, в какой получится форме, а то и совсем без формы… При такой работе поэзия у нас должна будет утратить всякий кредит и поэты у нас переведутся».

Сам Франко, например, укладывал свои революционные призывы в форму классического сонета.

В стройных строчках, закованных в строгие сонеты, Франко видит солдат революционной армии.

Сонеты — как рабы. В них мысль зажата

Тисками строк и трепетом объята:
Так новобранца меряют — солдата,
Так новобранцу форма тесновата.

Сонеты — господа. В угоду моде
Мысль предадут, чтоб следовать погоде.
Они цветов великолепных вроде,
Которые бесплодны по природе.

Рабы и господа! Всегда встречают
Друг друга крайности. Несмелы речи —
Ведь сил своих рабы еще не знают.

«В строй становись!» Сомкнув с плечами плечи,
Предстанут, волею одной согреты, —
Живые и могучие сонеты…

Так поэтическая форма, послушная воле поэта, становилась грозным оружием в борьбе за идею…

И недаром всполошились охранительные силы Галичины и России, недаром их отклики на поэзию Ивана Франко в восьмидесятые годы становятся все более раздраженными и воинственными.

Иван Франко, писал, например, Григорий Циглинский, «подсчитывает все грехи и зло этого мира: голод, холод, стоны, труд, неволю, цепи, разорение, убийства, обиды, налоги и подати… У него от всего есть универсальное средство, один-единственный волшебный талисман… Этим универсальным средством против всякого человеческого горя является: ре… во… лю… ци… я! Поэт любит это слово как в прозаических, так и в поэтических своих произведениях, он любуется им, играет, как малое дитя ружьем. Ему, как ребенку, и в голову не приходит, что эта революция может погубить и его друзей… Пролитие крови не страшит его…»

•

Франко никогда не была чужда интимная лирика. Его стихи о любви принадлежат к лучшим созданиям этого жанра…

Однако личная жизнь поэта складывалась неудачно. Еще в 1881 году, только пережив тяжелый разрыв с Ольгой Рошкевич,

Франко собрался жениться на своей единомышленнице, сестре Михаила Павлика Анне. Но любви не было, и это в последнюю минуту удержало его от решительного шага.

Франко откровенно признавался Михаилу Павлику: «Я старался пересилить себя сам так, чтобы наша женитьба была по возможности скреплена и любовью, но до сих пор в этом не успел…»

А одиночество давало себя знать, и все чаще…

В начале восьмидесятых годов приятель Франко Владимир Коцовский (Корженко) познакомил друга со своей родственницей, Марией Белинской. Они часто бывали в ее опрятной, светлой девичьей комнатке на Академической улице.

Мария, ее подруга Юлия Карачевская, Коцовский и Франко собирались обыкновенно часов с семи вечера. Коцовский затевал какой-нибудь спор, чаще всего на политическую или моральную тему.

«Все актуальные вопросы дня находили место в дискуссии, — вспоминает Мария Белинская. — Политика постоянно выдвигалась на первое место… Лозунги интернационализма, их влияние на порабощенные народы, а также социальные вопросы сильно волновали умы молодых работников пера».

Шли разговоры о задачах прессы, товарищи обменивались замечаниями по рукописям, предназначавшимся для печати. Обсуждались последние номера «Дела», «Зари», «Зеркала»…

Во время спора Иван Франко иногда вынимал записную книжку и что-то в ней отмечал.

Из деревни приехала во Львов сестра Марии, Ольга Белинская, молодая сельская учительница.

«С нею словно какое-то праздничное настроение вошло к нам, — рассказывает Мария. — Разговор шел общий, веселый… Франко расспрашивал об условиях жизни учительницы в деревне… Плыли песни одна за другой, будили и в душе отзывчивые аккорды… Все мы были тогда молоды. Песни «По-над тими гороньками» и «Одна гора высокая, а другая низька» в то время пленяли наши души…

Франко грустно глядел в пол. Вдруг поднялся и, не оглядываясь, вышел из комнаты. Под опущенными ресницами не удержались слезы. Они катились по его лицу. Напрасно поэт хотел их скрыть, мы заметили его волнение. Пение прекратилось. Гости распрощались…»

Ольга Белинская собиралась возвращаться в свое село Чишки, под Олеско. За день до ее отъезда Франко был у девушек, спрашивал, какие книги нужно будет послать Ольге в деревню, просил ее писать ему почаще.

Они и действительно стали оживленно переписываться.

Как-то рано утром Ольга услышала, что кто-то постучал к ней в окно.

— Кто там? — спросила она.

— Революция! — отвечал веселый голос Франко. — Я привез вам книги. Ведь лучше привезти, чем посылать по почте…

А в письмах к Ольге Франко писал: «Не знаю, что за сила тянет меня в Чишки…»

Однако судьбе не было угодно свести Франко с молодой девушкой. Оказалось, что, кроме первого порыва друг к другу, у них совсем мало общего…

Мария Белинская спустя несколько лет спросила сестру:

— Кто из вас разорвал? Ты или Франко?

После минутного молчания Ольга ответила:

— Мы не разрывали, а разошлись по обоюдному согласию. Такие связи не разрываются.

•

Больше общего нашлось у Франко с двумя другими сельскими учительницами: Климентиной Попович и Ульяной Кравченко.

Климентина Попович, двадцатилетняя учительница в селе Желтанцы Куликовского района Львовской области, прислала в редакцию «Зари» свои стихи. Они понравились Франко. Он их сильно поправил и поместил в журнале за подписью «Климентина П.». Автору написал теплое письмо.

Письмо поразило девушку.

«Как же это, — думала она, — мне, никому не известной, в деревенской глуши затерянной учительнице, пишет такой недосягаемый кумир?!»

А тут пришел и номер «Зари» со стихами «Климентины П.».

— Ты отчего так сияешь? — спросил ее за обедом брат.

— Я пробежалась, гимнастику делала…

— А знаешь, Клима, какая-то новая поэтесса появилась на нашем литературном горизонте! И еще, представь себе, твоя тезка: Климентина П.

— Не может быть!

— Вот взгляни сама, — и брат протянул ей книжку журнала.

Только тот, кто переживал это — увидеть в печати рожденное душой, взлелеянное в мечтах, — может понять ее радость… А брат спрашивает:

— Ты рада, сестричка? Ваша, женская, поэзия верх берет! Правда? Ульяна Кравченко, теперь эта новая, Климентина П., кажется, совсем загонят в угол наших присяжных поэтов — всех этих Масляков да Грабовичей…

Иногда Климентине приходилось приезжать по служебным делам во Львов. И в ближайший свой приезд она послала с посыльным записочку к Франко, на улицу Линде, дом № 3, и стала ждать его визита.

«В моем воображении, — вспоминает Климентина Попович в мемуарах, написанных спустя четыре десятилетия, — он представлялся прекрасным, как Аполлон, а сильным и могучим, как рыцарь чудесных княжеских времен. К тому же, должна заметить, у меня с детства было развито отвращение к рыжим…»

Но вот долгожданная минута настала, и дверь комнаты растворилась. «Показалась фигура, которую я в первое мгновение приняла за кого угодно, но только не за вдохновенного богом певца! И когда я неожиданно увидела эту огненную голову, вынырнувшую из-под меховой шапки (хотя это происходило весной), тоже почему-то рыжего цвета, и мне с первых слов стало ясно, что это именно Франко собственной персоной, — я не могла преодолеть панического отвращения и испуга, которые, должно быть, отразились на моем лице слишком красноречиво, потому что вдруг светлые голубые глаза поэта, словно тучей, омрачились грустью, и лицо исказилось болезненной гримасой.

Эта грусть и эта боль привели меня в чувство, и я, овладев первым непроизвольным порывом, приветливо протянула обе руки к нему и уже без отвращения вложила их в его покрытые рыжими волосами и все в каких-то рыжих пятнах руки…»

Позже Франко приезжал к Климентине Попович в деревню, познакомился с ее родителями.

Климентина как-то спросила Франко:

— Почему о вас говорят, что вы обыкновенно такой мрачный, едкий, что отталкиваете всех от себя?

— А вы что обо мне скажете? — улыбаясь, тоже спросил, не отвечая, Франко.

— Я скажу, что это совсем не так: вы и веселы, как дитя, и самоотверженно добры!

— Я такой только с вами, мой друг!

— А почему же вы не такой с другими?

— Потому что я сам слишком много видел зла и от чужих и — еще больше — от своих!

Они подолгу гуляли вместе в поле, в лесу. Франко в эти минуты совсем преображался: становился тихим, задумчивым. Под монументальными кронами дубов и сосен, в прохладной

тишине поэт казался своей юной спутнице именно таким величественным и одухотворенным, каким он когда-то рисовался ей в мечтах. Словно бы у него за плечами вырастали крылья…

— Знаете, — сказал он однажды, — если бы я не должен был заботиться о куске хлеба и мог бы творить только то, чем полна моя душа, так я бы вот здесь поселился, как отшельник, и творил бы, творил и творил, сколько угодно! Мой голос здесь, В этом величественном окружении, окреп бы, как иерихонская труба, и им я попытался бы пробудить народ от векового сна…

Один раз Климентина встретила Франко на улице во Львове. Он шел прямо посредине мостовой, задумавшись, словно лунатик, ни на кого не глядя, ни на что не обращая внимания…

Сойдя с тротуара, Климентина пошла прямо ему навстречу. Он не замечал и ее. Тогда, ударив рассеянного поэта букетом жасмина, Климентина воскликнула:

— Здравствуйте! О чем это вы так упорно размышляете?

Франко встрепенулся, обрадовался:

— Ах, здравствуйте, милый мой товарищ! А ведь я и размышлял как раз о вас. Книги вам приготовил…

— Вот спасибо, так я их сейчас же и заберу, потому что уже уезжаю!

— Зайдете ко мне? — даже удивился поэт.

— А почему же не зайти? Испугаюсь, полагаете, госпожи сплетни? Вы знаете, я ведь иногда люблю поступать ей наперекор! — весело смеялась Климентина.

— Вот и хорошо делаете! Так идемте!

Улица Линде была недалеко. Пошли. По дороге Франко что-то весело рассказывал, и через несколько минут они уже вошли в дом.

— Что ж вы так притихли? — спросил Франко.

— Хотя я и отважна, — отвечала Климентина, — а все-таки никак не могу избавиться от какой-то неловкости. А вдруг посторонний кто-нибудь, не дай бог, войдет и увидит меня здесь? Ведь я просто сгорю от стыда, как будто сделала что-то очень плохое!

— Нечего вам сгорать! Ко мне заходят только такие люди, которые слишком уважают и меня и вас, чтобы подумать что-нибудь неблагопристойное. А впрочем, чем может вам повредить, если какой-нибудь дуралей и подумает себе что-нибудь лишнее? Главное то, что вы моя муза, и своим благословенным появлением сейчас разрешили ту самую проблему, над которой я ломал себе голову с самого утра — и здесь, дома, и там, толкая на улице людей. Просто удивительно, что стоит мне вас увидеть или хотя бы прочитать от вас письмецо, как сразу же мои

вдохновенные мысли летят с такой быстротой, что я едва их догоняю пером. И я становлюсь таким добрым, что, кажется, прижал бы к сердцу весь мир! Что это со мной? Скажите!

Климентина почувствовала себя еще более неловко. Что отвечать?..

— Так садитесь же скорее и пишите, — только и нашлась она сказать. — А мне все равно пора уходить.

Франко вдруг помрачнел, притих и стал смотреть куда-то вдаль. Чтобы несколько развлечь его, Климентина спросила:

— Когда же теперь побываете вы у меня?

— Когда прикажете — пришлите жемчужное письмецо! — оживился Франко. — А не пришлете — так и сам прибегу, когда станет мне невмоготу. Печальную душу явлюсь развеселить!

И потом добавил:

— Вот так бывает, пишу я к вам письмо рано утром, а около полудня шлю второе, а к вечеру и сам к вам примчусь, как слишком уж стоскуюсь по дружескому слову…

Приближалось одиннадцать часов — время отправления последнего почтового дилижанса на Желтинцы. Климентина торопливо распрощалась и ушла. Закрывая за собою дверь, она еще заметила, как Франко подбирал с полу увядшие веточки жасмина, ставил их в воду и тихо напевал про себя печальную песню.

Зима, зима, не заморозь меня…

Как-то вскоре после этого свидания Франко написал Климентине Попович стихотворение, озаглавленное им «Ответ»:

Милая девушка, вешняя ветка!
Взором и словом ты целишься метко,
В самое сердце, в тайник сокровенный.
Кто тебя встретит — полюбит мгновенно.

Но за правдивое слово не сетуй:
Будто на ощупь ты ходишь по свету,
Веришь — кто ждет твоей песни да взгляда,
Больше тому ничего и не надо.

Если, прельстившись твоей красотою,
Бросит борьбу он за дело святое,
Труд свой для тех, кто замученный стонет, —
Верь, мое сердце, любви он не стоит.

Если ж ему, кроме звонкого слова,
В жизни не дашь ничего ты иного,
В бой не проводишь и ран не обмоешь,
Верь мне — любви и сама ты не стоишь.

Твой жизнерадостный взгляд потускнеет,
Голос певучий и тот ослабеет.
Если жив мыслях и на сердце пусто,
Чем ты согреешь остывшее чувство?

С Ульяной Кравченко Франко познакомился заочно. Она обратилась к писателю с письмом, направив ему свои стихи и повесть «Марта».

Иван Франко сразу же ей ответил. И переписка у них завязалась так быстро и велась так интенсивно, что и месяца не прошло, как Франко откровенно писал Ульяне Кравченко о своем отношении к женщинам:

«Вы жалеете меня за то, что я будто бы от разочарования пишу о «сожженных крыльях» и оттого, что затаил озлобление против любви и т. п. Нет, любезная сударыня, мое разочарование здесь совершенно ни при чем, и у меня нет причин озлобляться против любви, — совсем наоборот, минуты, в которые я любил, то есть любил не «всех людей», как Вы говорите, а одного человека, точнее — одну женщину, являлись, может быть, самыми прекрасными в моей жизни, жаль только, что это были вместе с тем минуты самой острой боли, какой мне не приходилось испытывать никогда прежде, а не чистой радости. Это несколько длинная история, и нехорошо к ночи вспоминать, да и в груди начинает что-то болеть, — так я и не стану докучать Вам своим рассказом…

Разве это редко бывает, что женщина какая-нибудь мне понравится — и время тратишь, и разговариваешь о том и о сем, — а только присмотришься поближе — просто кукла… И сразу наступает разочарование…

Я понимаю любовь, но: 1) только по отношению к человеку, с которым я могу найти общие интересы, с которым я мог бы вместе трудиться и учиться, и 2) понимаю любовь не как главную цель, а как украшение жизни».

В середине декабря Франко приехал сам в Бобрку, где учительствовала Ульяна Кравченко, чтобы лично познакомиться с «панной Юлией».

Ульяна Кравченко вспоминает, что с этого момента «содержание его писем изменяется, и, как он пишет сам, он

«ударяет в другие, нежные струны». Письма эти, как личные человеческие документы, много обнаруживают в их авторе, но они предназначены только для одного человека…»

Сердечные, задушевные отношения с Ульяной Кравченко — талантливой поэтессой революционно-демократического направления — продолжались у Ивана Франко много лет.

«И тогда, — вспоминает она, — когда не устроилась наша совместная жизнь так, как мы того хотели, между нами не было и разрыва. Наша дружба укреплялась тоской по общей, дорогой для нас работе и в делах нашей обоюдной приятельницы — украинской поэзии…»

Иван Франко был составителем и редактором первого поэтического сборника Ульяны Кравченко — «Примавера» («Весна»). Он же издал и второй ее сборник — «На новую дорогу».

В стихотворении «Воспоминание», опубликованном в год смерти Ивана Франко, поэтесса скажет:

…По білих пролісках я йшла з тобою,
і тямлю, як казав ти: «Втихне плач,
і вбогих не здиратиме багач,
Трудитись будуть всі для всіх в спокою.

І люди всі брати будуть щасливі,
Нас кличе воля! Як сівач на ниві,
Ми в душах сіймо правду і любов!
Готові до життя, борби без слави…
Будущині дасть мир наш бій кривавий.
Вже тьма щеза. — се наш день зійшов!»

..Мєне уносить спогад, мов крильми,
І думка білим голубом злітає
Із поцілунком на твоє чоло.

І вірю я в грядущеє добро:
Над людськістю так щастя завитаэ,
Як у душі моїй тоді, в той день весни [6].

•

Любовно и терпеливо помогал Франко развитию писательской молодежи. В ее успехах он видел будущее родной

литературы.

— Когда Франко, словно свяченой водой, покропил меня чернилами, публично признав, что у меня есть талант, я долго не мог прийти в себя. Не помню уже точно, не выпил ли я тогда на радостях, хотя следовало бы это запомнить, потому что пить мне случалось чаще всего с горя — вместе с героями моих рассказов. Однако хорошо помню, как я метался по комнате, не мог успокоиться и что-то на душе у меня щебетало. А что же будет дальше? Нужно будет писать, да чаще и хорошо писать, если сам Франко дал мне свидетельство, что я талантливый писатель! И долго не выходило у меня из головы, что нужно бы с ним побеседовать…

Этот рассказ Василия Стефаника относится к более поздним годам. Но таким Франко был всегда — трогательно-чутким, отзывчивым к каждому пробуждающемуся таланту. Всегда он приободрял, поощрял всякое настоящее дарование, искренне радовался появлению новых сил в литературе.

И молодым талантам подавал как раз те советы, в которых они больше всего нуждались.

— Самое важное, — говорил Франко начинающим писателям, — это то, чтобы все живые люди, которых вы изображаете, были вам хорошо знакомы и имели бы свой поэтический облик, которого вам и не нужно выдумывать. А будут ли ваши произведения жить сто лет или тысячу, об этом вы не очень беспокойтесь. Пусть над этим сушат себе мозги профессора литературы.

— Мне всегда становилось легче на душе после таких слов Франко, — признавался Стефаник, — не потому, что я не мог спать от мысли, будут ли мои книги печататься после моей смерти… А потому, что я часто не мог уснуть от сомнений: стоит ли описывать то, что делают, думают и говорят мои самые близкие соседи, честные, бедные и несчастные люди, живущие на нашей потрескавшейся, как их руки, земле? И не одну бессонную ночь думал я о Франко, который умеет писать, о чем хочет, легко, ясно, просто, так же точно, как говорит…

Иван Франко в начале 1900-х годов. Фото.

Юбилейный сборник в честь 25-летия литературной деятельности Ивана Франко.

Молодая писательница Сидора Навроцкая вспоминает, как именно произведения Ивана Франко толкнули ее к литературной деятельности. Еще в четырнадцать или пятнадцать лет она прочла повесть «На дне» и с этой поры стала искать книги, на которых стояло имя Франко. В восемнадцать лет она сама написала рассказ — и отправила его писателю. Вскоре пришел ответ — четыре мелко исписанные страницы.

Письмо было и доброе, и разумное, и интересное… Разбирая присланный рассказ, Франко отмечал детали сюжета, характеристики персонажей: герой рассказа — бледный характер, свахой лучше бы сделать женщину, а не мужчину, и вот почему. А далее советовал больше читать, учиться, знакомиться с русской и иностранной литературой. Непременно нужно знать два-три языка…

Другому начинающему Франко подробно разъяснял правила украинской стилистики, учил, как устранять несообразности бюрократического, канцелярского стиля.

— Лучше писать короткими фразами, — говорил Франко. — Пускай будет поменьше запятых и побольше точек! Избегайте всевозможных повторений, украшений. Вообще вычеркивайте все абзацы и отдельные слова, без которых можно обойтись…

Когда в 1885 году писатель стал ответственным редактором «Зари», он с радостью предоставил страницы журнала молодым.

Здесь выступили с первыми своими новеллами Осип Маковей, Наталия Кобринская, здесь увидели свет первые опыты поэта-сатирика Владимира Самийленко.

Получив возможность в большом литературном журнале — хоть и «под надзором» буржуазного большинства членов редакции! — осуществлять свои давние стремления, Франко привлек в журнал большой круг сотрудников. И это вносило струю свежего воздуха в затхлую атмосферу галицкой журналистики.

— Журнал всегда интереснее, если в нем участвует больше литераторов, — говаривал писатель.

Тусклая, безжизненная литература господствовала в Галичине. Здесь, по словам Франко, еще были в эти годы живы «литературные и эстетические понятия второй половины XVIII столетия». Еще могла пленять воображение провинциалов-поповичей патриархальная поэзия Владимира Масляка, воспевавшего в старомодных виршах небесное благоухание цветочков и ангельскую красоту бесплотных дев. Еще могли вызывать слезу на ресницы добродетельных панночек фальшивые мелодрамы Григория Цеглинского…

Такая литература не могла удовлетворить Ивана Франко, и он привлекает в «Зарю» талантливых писателей-реалистов с Приднепровья: Анатолия Свидницкого, Панаса Мирного, Лесю Украинку. Их творчество впоследствии вошло в золотую сокровищницу украинской классической литературы демократического направления.

Как и прежде, Франко величайшее значение придает публикации переводов на украинский язык произведений лучших русских писателей. В «Заре» он печатает рассказ Короленко «Лес шумит», несколько сатир Салтыкова-Щедрина, стихотворения в прозе Тургенева, произведения Гоголя.

А однажды поместил русское стихотворение прямо в оригинале. Это были нигде еще в то время не опубликованные стихи Некрасова «На смерть Шевченко». Некрасов написал их тотчас после похорон великого украинского поэта.

Кто-то, видимо близко знавший Некрасова (лицо историкам литературы до сих пор не удалось установить), прислал Франко это стихотворение, и он его немедленно поместил в «Заре» (в № 6 за 1886 год) со следующим пояснением:

«Из С.-Петербурга мы получили приведенное выше прекрасное, до сих пор нигде не публиковав-шееся стихотворение Н. А. Некрасова. Стихи сопровождались письмом: «Покойный Н. А. Некрасов 26 декабря 1876 года, за год до своей смерти, будучи уже совсем больным, продиктовал своей сестре А. А. Буткевич

стихотворение «На смерть Шевченко». Полагаем, — добавлял от себя Франко, — что мысли великорусского «певца народного горя» о жизни украинского борца за свободу и счастье народа представляют большой интерес».

Только спустя много десятилетий выдающийся советский исследователь жизни и творчества Некрасова Корней Чуковский обнаружил в архивах великого русского поэта переписанный рукой Анны Алексеевны листок со стихотворением «На смерть Шевченко» и с ее припиской: «Писала со слов брата вечером 26 декабря 1876 года».

Следовательно, даже эта дата в публикации была указана Иваном Франко со скрупулезной точностью, свидетельствующей о том, что стихи были присланы достаточно осведомленным человеком…

•

Стремясь расширить связи с культурными деятелями и читателями России, Франко обращается в некоторые редакции журналов и газет, издающихся в пределах России. Он посылает или предлагает свои корреспонденции и очерки.

И в России многие хотели переводить уже опубликованные в Галичине произведения — рассказы, стихи Ивана Франко.

Однако все эти намерения разбивались о несокрушимую стену царской цензуры.

Например, петербургский цензор Дроздов следующим образом отзывался о сочинениях Ивана Франко: «Автор изображает положение малороссов в Австрии и России(!) в самом мрачном свете, как находящихся в неволе, в тюрьме, в цепях и гибнущих от голода. Он приглашает их «сеять думы вольные», выступить на борьбу со своими угнетателями, то есть с правительством и всеми сильными и богатыми людьми, «добывать волю», жертвовать за народ своею кровью и спалить огнем то, чего нельзя смыть кровью… Призывает к борьбе с царем, выступает ярым защитником лиц, стремящихся путем насильственного переворота изменить существующий общественный строй. Царя он сравнивает с хищным беркутом, который впоследствии и сам должен будет погибнуть от руки тех, кровь которых он пьет…»

Только отдельные произведения Франко — и то по чистой случайности — пробивали этот кордон. Так в 1887 году в киевских газетах появились переводы рассказов «По своей вине» и

«Цыгане», в следующем году — в журнале «Киевская старина» — перевод рассказа «Ворона» (под названием: «Слава богу, для начала и это хорошо»).

Чаще удается выступать в изданиях, выходящих в России на польском языке: в петербургской газете «Край», в варшавской— «Варшавский курьер», в варшавских журналах: «Правда», «Атеней», «Еженедельное обозрение», «Голос».

Здесь в восьмидесятых годах помещались многие его рассказы. Стихи печатались по-польски реже. Зато в петербургском либеральном «Крае» и в варшавской «Правде» Франко систематически помещал в эти годы корреспонденции (под рубриками «Из Червонной Руси», «Из Галицкой Руси», «Письма из Галиции»), рецензии (под рубриками «Из украинской литературы», «Литература русинов»).

Свободный от «домашней цензуры» львовских буржуазных националистов, писатель в своих статьях резко высказывается о галицкой литературе.

Он раскрывает художественную беспомощность и консервативность идей поэзии Владимира Масляка, драматургии Григория Цеглинского, псевдонаучных «трудов» Огоновского и Лукича-Левицкого. Эти «корифеи» галицкой буржуазной литературы предстают под пером Ивана Франко в своем подлинном, весьма неприглядном виде.

Львовские «народовцы»[7] на каждое такое выступление Франко реагировали очень бурно. Угрожали порвать с ним, «отставить» писателя от «Зари» и «Дела», совсем не печатать его сочинений.

Франко писал по этому поводу: «Вожаки этой партии («народовцев») где только могут клевещут на меня и меня поносят, а в «Зарю» они меня наняли просто как рабочего вола, за двадцать пять рублей в месяц, на которые мне нужно себя прокормить…»

•

Побывать в Киеве была давняя мечта Ивана Франко. В начале февраля 1885 года, завершив сложные хлопоты по оформлению паспорта, писатель выехал в Россию вместе с несколькими другими львовскими украинцами.

В Киеве его встретил и приютил на первых порах известный киевский языковед и фольклорист, общественный деятель либерального направления Павел Игнатьевич Житецкий. Затем

Франко поселился на квартире у преподавателя, сотрудника «Киевской старины» Елисея Киприановича Трегубова, на углу нынешних улиц Ленина и Репина, в самом центре города.

Жена Трегубова, Антонина Федоровна (урожденная Хоружинская), вспоминает, что Франко быстро сблизился со всей их семьей.

Вместе с Трегубовыми проживали две молодые сестры Антонины Федоровны.

«Они обе были молоды, — рассказывает Трегубова, — хороши собой, веселы, а младшая, Ольга, была вдобавок еще и очень приветлива и остроумна.

В часы, когда днем все наши расходились по делам, Франко оставался с моим маленьким сыном и с дочерью, тоже малышкой, играл с ними, выдумывал им различные сказки, рассказывал о своем детстве, о своей родине. Помню очень хорошо, как Франко рассказывал моему мальчугану:

— Маленьким я не был охотник до книг; все время я просиживал в кузнице своего отца, у которой часто останавливались разные люди, чтобы починить телегу и тому подобное. Однажды приехали купцы, обратили внимание на меня, маленького рыжего мальчишку, так пристально всматривавшегося в пламя, а мечтами уносившегося куда-то очень далеко; узнали, что я школьник, и говорят: «Учись, учись, мальчик! Твой отец кует железо, а ты будешь ковать слова!» Вот видишь, — добавил Франко, как-то тихо, ласково улыбаясь, — с тех пор я и стал внимательно учиться и теперь в самом деле кую слова!..»

Ольга Федоровна Хоружинская училась на Киевских высших женских курсах. Она интересовалась искусством и литературой, горячо сочувствовала народникам.

Имя писателя было ей давно, конечно, известно.

А Ивана Франко Ольга пленила живым, пытливым умом, широким кругозором.

Из Львова он написал ей: «Не знаю, может быть, моя собственная трудная молодость так отразилась на моем характере, что всякое расположение скорее всего тронет меня, что при помощи сочувствия скорее всего можно проникнуть в мое сердце…»

Расположением и сочувствием Ольга и привлекла к себе сердце Франко.

В письмах к Хоружинской Франко излагал свои жизненные принципы, он писал: «Жизнь только тогда будет жизнью, если ее движущей силой будет идея». И в другом письме: «Я люблю ходить в жизни прямыми дорогами и вижу, что они лучше всего ведут к цели».

Летом того же года Франко сделал Ольге Хоружинской предложение и просил Трегубовых переговорить с девушкой.

По-видимому, Трегубовы не слишком уговаривали Ольгу согласиться на этот брак. Но, как подчеркивает в своих воспоминаниях ее сестра, «слава, которая шла следом за именем Ивана Франко, как писателя и социалиста», сыграла в решении девушки едва ли не главную роль:

«Наконец сестра сказала нам, что она собирается выйти за него замуж. Мы, женщины, отговаривали ее, потому что Франко был собою не очень красив, а кроме того, мы спрашивали, будет ли она способна соединить заботы о семье с борьбой, с помощью Ивану Франко в его общественных и литературных делах! Однако сестра не меняла слова, и мы с ней решили поехать во Львов, познакомиться с местной жизнью, с людьми, обычаями и нравами… Во Львове мы прогостили довольно долго… Ольга лучше познакомилась с Франко и подтвердила свое слово быть его женой».

Позже, спустя уже десяток лет, Франко отрицал, что он женился по любви. В 1898 году он писал Агафангелу Крымскому: «С нынешней моей женой я повенчался без любви, а по принципу, что необходимо жениться на украинке[8], и к тому же образованной, курсистке. По всей вероятности, выбор мой не был особенно блестящим, и, имея другую жену, Я МОГ бы развиваться лучше и исполнить нечто более значительное. Ну, да пустое, — суженой конем не объедешь».

Но дело заключалось в том, что, уже сделав Ольге Хоружинской предложение, Иван Франко внезапно был увлечен другой женщиной.

Об этом он говорит: «Роковым для меня было то, что, уже переписываясь с моей нынешней женой, я случайно познакомился с одной барышней, полькой, и влюбился в нее. Вот эта любовь и терзала меня следующие десять лет…»

К этой привязанности Ивана Франко обращены его строки в стихотворении «Любовь три раза мне была дана»:

Явилась третья — дева или гриф?
Глядишь — и взгляд иной не хочет цели.

Глаза очарованьем поразив,
Вдруг ужасом меня околдовала,
Всю силу по пространству распылив…

И яркий блеск сияет в глубине
Ее очей, и снова страх змеится,

Но вдруг, рождаясь там, на самом дне,

Мелодия блаженства сладко длится.
Я забываю раны, боль и страх,
И голос счастья в грудь мою стучится,

Моя душа, как соловей в силках,
Щебечет, бьется, рвется — бесполезно!
Мне ясен путь, хоть я иду впотьмах

Вниз, по дороге, уводящей в бездну.

Это писалось спустя десять лет после знакомства с женщиной, ни разу не названной им по имени. Нам теперь известно, что то была Целина Журавская (Зигмунтовская). Она не принесла поэту ни радости, ни счастья, но встречался он с ней до самой своей смерти и умер почти у нее на руках…

•

А время свадьбы приближалось. В апреле 1886 года Иван Франко снова поехал в Киев.

Весной чудесный город очаровал его. Вместе с сыном Житецкого — Игнатием Павловичем — Франко бродил по киевским паркам, любовался архитектурными памятниками.

Поселился он на этот раз у студентов Киевского университета, приезжих из Галичины — Емельяна Киричинского и Крачковского. Студенты проживали на квартире владельца гостиницы и ресторана «Минеральные воды», галицкого эмигранта В. С. Качалы, дяди Киричинского.

Франко быстро сошелся с композитором Николаем Витальевичем Лысенко, о котором еще в 1881 году написал в журнале «Свет» очерк. Они часто виделись. Иногда Франко напевал композитору грустные напевы западноукраинских народных песен, а Лысенко их записывал. Так была записана песня о славном крестьянском революционере Олексе Довбуше.

Лысенко исполнял Франко собственные произведения. Отрывки из своих новых опер на гоголевские сюжеты — «Ночь перед Рождеством», «Майская ночь, или Утопленница», «Тарас Бульба», музыку на тексты «Кобзаря» Тараса Шевченко.

Сохранился восторженный отзыв Франко об опере Лысенко

«Тарас Бульба»: «Ее отдельные части, которые я имел возможность прослушать (первое действие для фортепьяно, исполненное самим композитором, и «Дума о буре на Черном море», соло для баритона), производят необычайно сильное впечатление».

Позже Лысенко написал музыку на тексты многих стихотворений Ивана Франко. Знаменитый «Вечный революционер» именно с музыкой Лысенко завоевал всенародную популярность…

В Киеве Франко познакомился с семьей известной писательницы и либеральной общественной деятельницы Олены Пчилки — родной сестры Михаила Петровича Драгоманова.

Пятнадцатилетняя дочь Олены Пчилки — Ольги Петровны Косач — за два года перед тем опубликовала в «Заре», с помощью Франко, свои первые стихотворения: «Ландыш» и «Сафо» — под псевдонимом, который стал славным именем в украинской литературе: Леся Украинка. В девять лет от роду Леся писала такие стихи:

Ни доли, ни воли мне жизнь не дала,
Одна лишь, одна мне надежда мила:
Увидеть опять Украину мою
И все, что мне любо в родимом краю,
На Днепр голубой поглядеть еще раз,
А там все равно — пусть умру хоть сейчас…

В четырнадцать лет вместе со своим братом Михаилом Обачным она издала перевод «Вечеров на хуторе» Гоголя.

Под влиянием поэзии Тараса Шевченко и Ивана Франко Леся Украинка стала певцом революционной борьбы и мужества. Через шесть лет, в 1893 году, Франко содействовал изданию во Львове первого сборника ее стихов — «На крыльях песни»…

В Киеве Франко проводил время с большой пользой, работал в библиотеках и архивах. Игнатий Житецкий вспоминает, что писатель «не так много времени тратил на выполнение своих жениховских обязанностей, как на изучение киевских научных материалов».

Венчание затягивалось: из столицы Австро-Венгрии Вены все не приходили необходимые документы, без которых поп, хотя и родственник Трегубовых, ни за что не соглашался осуществить бракосочетание.

Франко и Ольга вместе гуляли по живописным обрывам над Днепром, мечтали о будущей дружной жизни и работе, строили планы издательской деятельности, на которую Ольга

предназначала все свое скромное приданое — четыре тысячи рублей.

А Франко без устали декламировал невесте стихи, развивал идею большого прогрессивного журнала, в котором живое литературное слово должно служить интересам народной жизни — жизнь и слово…,

Он говорил молодой девушке, с которой отныне связывал навсегда свою судьбу:

— Мне кажется, что из нашего тихого и скромного дома должно возникнуть течение нового, могучего движения. Элементы его уже в настоящее время проявляются во всех уголках нашей Галичины, и оно с нашей помощью должно крепнуть и шириться, — это движение реального и разумного народолюбия…

И еще он говорил о себе:

— Во многих отношениях я мужик, простой и неотесанный, хотя чуткость ко всякому грубому прикосновению у меня развита очень сильно… Мое самое сильное желание — быть рядовым солдатом великого дела народного пробуждения и видеть, что руководство этим делом находится в крепких руках, что оно озарено светлым и широким разумом…

Наконец все документы были получены, и в начале мая 1886 года в домовой церкви коллегии Павла Галагана[9] состоялась свадьба австрийского подданного Ивана Яковлевича Франко, тридцати лет, и Ольги Федоровны из рода Хоружинских, двадцати двух лет. Свидетелями были: сын Житецкого, Галицкие студенты Киричинский и Крачковский да муж еще одной старшей сестры Ольги, Александры, служащий Киевского государственного банка В. В. Игнатович.

После церковного обряда, рассказывает Антонина Трегубова, «у нас был устроен обед для молодых… Как обычно, ели, пили, произносили речи. Лейтмотивом речей являлось единение Галичины с Украиной — в лице Ивана Франко и сестры. Как сейчас вижу я перед глазами представительную фигуру Павла Игнатьевича Житецкого, его чрезвычайно красивое, выразительное лицо, глаза, которые одновременно и смеются и трогают, бокал вина в руке и будто слышу его воодушевляющий голос и его призыв — выпить за прочное единение Галичины и Украины. Он, да и не только он один, смотрел на брак галичанина с украинкой как на известный политический шаг.

После речи Житецкого кто-то выкрикнул:

— Горько!

Молодой не знал, что это означает, пока мой муж не пояснил ему, поцеловавши меня. Ольга отвечала молодому поцелуем, а потом горько зарыдала…»

Пора было отправляться на вокзал к поезду. Чтобы разогнать грустное настроение молодой, все гости пожелали проводить молодоженов.

Собралось шесть полных экипажей. На вокзале опять чокались и пили, опять произносили тосты и речи.

Когда молодых усадили уже в вагон, Трегубов шутя крикнул вдогонку:

— Смотрите же, Ольга, чтобы Ивану Франко хорошо дома жилось, а иначе вас там отравят!

Это был намек на старинную западноукраинскую песню…

Молодожены уехали в свой новый дом, во Львов.

А в Киеве еще долго шли полицейские розыски и даже обыски.

Оказалось, что начальник киевского охранного отделения ротмистр Новицкий получил точные тексты речей, произносившихся на свадьбе «среди своих», «в узком кругу».

Началось следствие. Многих, в том числе и попа Симеона Трегубова, вызывали по нескольку раз на допрос в охранку. На квартире у Киричинского произвели тщательный обыск в поисках «заграничной пропаганды»…

Возле входа в дом коллегии Павла Галагана, где проживали Трегубовы, на улице еще долго дежурили двое шпиков…

Ивану Франко приезд в Киев теперь был надолго заказан.

•

Вскоре после женитьбы произошел разрыв Франко с редакцией журнала «Заря». От руководства журналом «народовцы» его совершенно отстранили.

Толчком к этому послужило то, что Франко опубликовал на страницах «Зари» басню давно умершего известного поэта-сатирика Степана Руданского. Басня называлась «Що кому годиться» и сатирически изображала помещиков и попов. Буржуазно-клерикальная «суперредакция узрела безнравственность» в этой басне.

«Народовец» Владимир Шухевич с откровенным восторгом сообщал своему единомышленнику Александру Конисскому:

«Франко выходит совсем из «Зари». Мы этому очень рады, потому что, правду говоря, он еще не реабилитирован полностью после своего ареста, от этого и публика косо смотрит на него и не вполне доверяет нам, когда в нашем журнале появляется его имя».

Совершенно ясно, о какой специфической «публике» упоминает здесь Шухевич. Речь шла о той самой консервативной и националистической буржуазии, которая в полном согласии с правительством и господствующими классами Австро-Венгрии, а также и царской России готова была стереть с лица земли демократическое движение и его глашатаев.

Для Ивана Франко во второй половине восьмидесятых годов наиболее близкими союзниками в борьбе стали участники польского демократического движения. Они поддерживали освободительные устремления украинского трудового народа — крестьянства и рабочего класса. Они-то и пригласили Франко в 1886 году в состав редакции польской газеты для крестьян «Друг народа».

А затем Франко стал сотрудником польского журнала демократического направления «Общественное обозрение».

Журнал издавался эмигрантом из России Болеславом Вислоухом, с которым Франко сблизился тотчас по его приезде во Львов.

Затем с помощью своих польских друзей писатель получил постоянную работу в большой прогрессивной газете на польском языке — «Львовский курьер». Об этом он писал Драгоманову:

«Я вступил в редакцию «Львовского курьера», — газетина честного направления, враждебная шляхетчине и поповщине, работа не утомительная, и оплата, особенно при моем положении, хорошая, так что, печатая, кроме ежедневной работы, от времени до времени фельетоны [10], за которые платится отдельно, и заграничные корреспонденции, я получу возможность хотя бы через год освободиться от долгов».

Газета «Львовский курьер» была основана в начале восьмидесятых годов польским националистом и клерикалом Людвигом Масловским. А в 1886 году он продал ее молодой компании, в которую входили Болеслав Вислоух, Эдвард Лилиен и опытный журналист, демократ по убеждениям Генрих Ревакович.

В редакции «Львовского курьера» работали давние друзья Франко — польские социалисты Болеслав Червенский, Болеслав Спауста и Адольф Инлендер. «Я, — вспоминал позднее писатель, — был в конце концов уже прежде знаком не только с членом компании Вислоухом, но также и с обоими главными сотрудниками, Червенсюим и Спаустой, которые радостно приветствовали мое вступление в редакцию. Так же радостно принял меня главный редактор Ревакович, в котором я нашел человека до глубины души честного и искреннего, сторонника истины и очень хорошо осведомленного в журнальном ремесле.

За весь период моей десятилетней газетной работы я имел в нем прекрасного шефа и приятеля. Оба главных сотрудника, Червенский и Спауста, умерли довольно скоро после моего прихода в редакцию».

С большим подъемом работал Франко в «Львовском курьере».

Летом 1887 года он в качестве корреспондента газеты изучает в Тарнополе окружную этнографическую выставку и публикует свои «Письма с выставки».

Он пишет в газете о бюджете Австро-Венгрии и водочной монополии, о деятельности социалистических партий и составе населения Польши. Постоянно ведет рубрику «Украинский театр». Печатает литературно-критические статьи и рецензии.

Он использует каждый повод для того, чтобы привлечь внимание к самым острым интересам современности, к задачам революционной работы в нынешних условиях. В статье, посвященной годовщине 1848 года, писатель разоблачает царящий в Австрии полицейский произвол. В связи с новым изданием сочинений выдающегося польского поэта-революционера Северина Гощинского Франко высказывает идею о насущных вопросах политической борьбы.

«И в нашу эпоху, — пишет он, — цивилизация не перестала еще брести по трупам и омывать свои стопы в крови. Люди не стали еще одной великой семьей, с единым сердцем и единым духом… Именно поэтому герой духа превращается в воина, меняет перо на меч, первым бросается в огонь опасностей и борется сам и призывает бороться других. Но это не все.

Изменились времена, надо изменить и тактику… Победа оказывается недосягаемой, если не коснуться земли, общественных низов, не всколыхнуть народ на борьбу…»

•

На конкурс газеты «Варшавский курьер» Иван Франко написал на польском языке роман «Лель и Полель» («Близнецы»). «Вещь получилась довольно обширная, — сообщал писатель, — листов, наверное, двенадцать, а то и больше, и, смею думать, достаточно интересная: сцены из жизни львовских журналистов, судебный процесс, сцены в тюрьме, сцены из жизни уличных детей, бомбардировка Львова в 1848 году и проч.!».

Однако на конкурсе роман премии не получил (премий назначено было две — в 1 000 и в 500 рублей; первую не присудили никому, а вторую получила третьестепенная польская

писательница Мария Родзевич за повесть «Девайтис»). Оказывается, роман Ивана Франко специально представлялся на просмотр в канцелярию генерал-губернатора, и резко отрицательный отзыв этого своеобразного внелитературного «жюри» бесповоротно решил судьбу «Леля и Полеля».

Франко был убит: на доход от этого романа он рассчитывал издавать на протяжении целого года «Литературно-научную библиотеку»…

Текст «Близнецов» до нас в полном виде не дошел: сохранились только фрагменты; некоторые из них автор впоследствии переработал в самостоятельные новеллы.

Новые темы входят в творчество писателя. Франко волнует судьба самых различных классов современного города: крупных и мелких чиновников, интеллигенции, скромного служилого люда, ремесленников и рабочих, наконец, деклассированного люмпена.

— Что вы разглядываете мои руки? — говорит героиня повести «Среди добрых людей», сирота, вынужденная собственным трудом зарабатывать свой кусок хлеба. — Некрасивы они, да еще и в мозолях. Господа не любят таких рук у девушек…

Тяжек и нередко горек хлеб городской женщины-труженицы. Весь порядок жизни капиталистического города ведет к попранию ее чести и гордости. Франко рисует трагическую участь нескольких девушек, брошенных в водоворот этой жизни.

В повести, иронически озаглавленной «Среди добрых людей», он раскрывает силы, толкающие к пропасти бедную племянницу мелкого магистратского чиновника, очутившуюся в чужом городе без семьи, без всяких средств к существованию. Одни люди черствы и равнодушны, другие стремятся во зло использовать неопытность и наивность доверчивого подростка.

Собственно говоря, молодой офицер, соблазнивший юную Ромочку, может быть, даже любил ее по-своему: ведь он вызвал на дуэль двоих своих товарищей, оскорбивших ее в ресторане неосторожным словом.

Но уже появление ребенка создает в их быту непреодолимые трудности. Потом ребенок умер. Олеся переводят на службу в другой город, а Ромочка остается. Уезжая, он дает ей немного денег на первое время и советует приискать себе какую-нибудь службу.

Но девушке найти службу не так-то просто. Деньги быстро кончились. Что делать, к кому обратиться?

— Я познакомилась с несколькими соседками — женами ремесленников и рабочих, потому что к «барыням» боялась и подойти, понимала, что они меня оттолкнут. А у этих темных и

бедных женщин я нашла больше сердечности и помощи. Я попробовала даже через них подыскать какую-нибудь работу, чтобы заработать хоть сколько-нибудь на свое содержание…

Разумеется, это не удается, и вся окружающая обстановка толкает Ромочку на жуткий путь профессионального порока.

А вот черноглазая Целина, героиня «Конторщицы», работающая на почте, стойко противится всем ударам судьбы. Грязные намерения молодого доктора Темницкого встречают отпор. Тогда добродетельный буржуа откровенно излагает свою мерзкую «философию». Ему нравится Целина, но он может взять ее только себе в любовницы: такая жена ему не подходит.

— Не думайте, — заявляет он, — что препятствием является ваша бедность. Самое главное — ваша служба на почте, вот что!

Целя смотрела на «пана доктора» с немым изумлением.

— Да, сударыня, — уже свободнее и даже с каким-то* вызовом говорил доктор. — Ни мой отец, ни я, мы никогда не согласимся, чтобы моя невеста отправилась к венцу прямо из почтовой конторы… Даже в мыслях не могу себе представить ее на этом рынке, где бесстыдство и грубая сила борются за кусок хлеба. Представить себе вас, сударыня, в этой толпе, — для меня невыносимо унизительно!

Да, в буржуазном мире труд считается унизительным, а буржуазные господа полагают, что все и вся оценивается на деньги, покупается и продается.

Франко показывает, как буржуазная интеллигенция, оторвавшаяся от трудового народа, идущая в услужение к правящим классам, теряет свое достоинство, погрязает в мелочном стремлении к мещанскому благополучию, — личной карьере отдают свои помыслы, свою энергию и братья Калиновичи из романа «Близнецы».

•

«Нас убивает узость мировоззрения, неизбежно порожденная теснотой наших земель и ограниченностью внешних связей… Мало у нас интеллигенции, но и та разбита на атомы, враждует между собой из-за буквы, правописания, языка, фантастических грез о будущем, а в то же время не обращает внимания на окружающее, не делает того, что под руками. Невежественная и отсталая, не то что научно, но даже и социально, она не знает, чего держаться, куда и за кем идти…» — так писал Иван Франко польской писательнице Элизе Ожешко весной 1886 года.

Обращаясь к не столь уж далекому прошлому, Франко вспоминал, как он и его единомышленники впервые выдвинули требования «практической защиты интересов народа на экономическом и социальном поприще, служения интеллигенции интересам рабочего люда».

И что же? «Нас было мало, преследования властей охлаждали пыл, а у некоторых и совсем сломили волю. Теперь мы… не имеем сил даже на то, чтобы основать свой хоть небольшой журналец, который по каждому вопросу подавал бы голос в нашем духе».

В самом деле, после того как Франко вынужден был уйти из «Зари» и лишился таким образом украинской литературной трибуны, вопрос о печатном органе встал перед ним особенно остро.

Он издает «Литературно-научную библиотеку», затем участвует в организации нового украинского журнала демократического направления, названного «Товарищ».

Впоследствии Франко говорил об этом предприятии:

«В качестве опыта периодического издания, занимающего радикальные позиции, вышел в июле 1888 года журнал «Товарищ». Я был фактически его редактором, хотя он считался органом кружка университетской молодежи радикального направления».

«Товарищ» по выходе в свет сразу же был задержан полицией. Только через два месяца первый номер «Товарища» поступил в продажу и к подписчикам. Журнал привлек всеобщее внимание и быстро разошелся.

Еще 9 сентября 1888 года Франко писал Драгоманову: «Посылаю Вам первый номер нашего нового ежемесячного журнала «Товарищ». Он вышел еще в июле, но до сих пор вынужден был томиться в полиции…» Тут же писатель заказывал Драгоманову материалы для второго номера.

А уже 6 ноября он сообщал: «Товарища» взяли молодые люди, студенты, на себя, ссылаясь на то, что возник он по их инициативе, хотя я уплатил больше половины стоимости издания. Им хочется иметь свой орган, в котором они могли бы себя по-казать. Нам нельзя было с ними спорить, особенно тогда, когда они повели дело не на принципиальной, а на личной почве».

Так «Товарищ» прекратился на первом же номере.

В конце восьмидесятых годов Франко организовал и редактировал еще несколько непериодических сборников: «Костер», «Радуга», «Семена».

А сколько любви вложил он в подготовку литературного

сборника, появившегося в свет под заглавием: «Первый венок. Женский альманах».

На страницах этого необычного альманаха выступили — из старшего поколения — Ганна Барвинок, Олена Пчилка; из молодых — Леся Украинка, Ульяна Кравченко, Климентина Попович, Наталия Кобринская. Здесь же напечатали свои произведения Ольга Франко, Анна Павлик, Днепрова Чайка.

«Содержание альманаха было оригинальным и свежим», — смог с полным удовлетворением сказать Франко.

Но, конечно, все эти альманахи не стали тем органом, который «по каждому вопросу подавал бы свой голос в нашем духе».

Потому-то многие произведения Франко так и не были в то время напечатаны.

•

По инициативе писателя в 1888 году образовался студенческий «Кружок славяноведения». На одном из его заседаний Франко в присутствии довольно большой аудитории прочитал доклад «Русская литература XIX века».

«Много о Пушкине» — записал в своих беглых дневниковых заметках молодой писатель-демократ Осип Маковей.

Сохранился авторский конспект этого доклада. Франко подчеркивал, что русская литература «породила ряд крупных и блестящих талантов, проложила себе дорогу к большой оригинальности и поднялась ныне до такого состояния, что ее смело можно поставить в ряд великих литератур цивилизованного мира, так что литературы таких народов, как французы, немцы и англичане, охотно заимствуют достижения русских писателей и находят у них содержание, литературные средства и идеи, новые для себя и способные дать новый толчок их собственному литературному творчеству».

Это замечательное выступление Франко осталось неопубликованным, и полный текст его до нас, к сожалению, не дошел.

Не была опубликована в этот период и другая его работа, сохранившаяся в архиве под заглавием «Формальный и реальный национализм». А в ней писатель развивал и углублял тему, поднятую в докладе.

Статья была им написана в 1889 году в ответ на буржуазно-националистические выступления в новом львовском журнале

«Правда» — Конисского, Антоновича, Зиньковского.

«Деятели» этого лагеря пытались дискредитировать русскую литературу, вновь и вновь стремились они внушить молодежи, будто бы только «своя земля» должна их интересовать и волновать, будто бы украинской культуре враждебно не только правительство царской России, а и русская интеллигенция, весь русский народ.

И снова Франко поднял свое острое и гневное перо в- защиту истины. Он призывал молодежь не верить фальшивым националистическим «теориям». В русской литературе — и прежде всего в русской! — Франко видел как раз то, чем так бедна была литература западноукраинская и чего так не хватало галицкой интеллигенции: глубокую' связь с жизнью народных масс, ярко выраженную гражданственность. «Литература русская, — писал Франко, — для галицких украинцев имеет совсем иное, особое значение, нежели все другие европейские литературы… Безмерно различное влияние оказывали на нас произведения Ауэрбаха, Шпильгагена, Дюма, Диккенса и прочих европейцев, — и произведения Тургенева, Толстого, Щедрина, Успенского, Решетникова, Некрасова и пр. Если произведения литератур европейских нам нравились, волновали наш эстетический вкус и нашу фантазию, то произведения русских мучили нас, волновали нашу совесть, пробуждали в нас человека, пробуждали любовь к бедным и обиженным… Народ русский создал великое государство, на которое так или иначе обращены взоры всего Славянства… Русский народ создал духовную, литературную и научную жизнь, которая также тысячами путей непрестанно влияет и на Украину[11] и на нас[12]».

Такую статью в то время в Галичине негде было напечатать. Для газет она была велика по размерам, а журнал «Заря» категорически ее отклонил.

И впервые она была опубликована только спустя полстолетия, в 1936 году.

•

Замечательное десятилетие — восьмидесятые годы— в творчестве Ивана Франко достойно увенчала большая философская поэма «Смерть Каина». Она вышла сразу отдельным изданием в 1889 году, третьим выпуском «Литературно-научной библиотеки».

После своей политической лирики, после «С вершин и низин»

— книги единого художественного дыхания— Иван Франко создает небывалый в украинской литературе жанр, полюбившийся ему затем и обогащенный еще не одним прекрасным произведением.

Это эпико-драматическое полотно, в котором на материале библейской мифологии или средневекового германского фольклора, древнеиндийской поэзии или славянских сказаний ставятся актуальнейшие социальные и философские проблемы современности. Широкий круг литературных ассоциаций, сокровища многовековой народной мудрости — все это помогает поэту глубже обобщить мысль, ярче и убедительнее ее выразить.

Такова и поэма «Смерть Каина» — поэма о любви к людям и преданности им, о служении заветной цели, о конечной победе добра над злом…

О люди, дети, внуки дорогие!
Довольно плакать об утрате рая!
Я вам несу его! Несу вам мудрость,—
Она поможет новый рай построить…

IX. ТРЕТИЙ АРЕСТ

Летом 1889 года, — рассказывает Иван Франко, — нас настигла новая беда. Вследствие какого-то ложного доноса, а вернее — для того, чтобы запугать народ накануне выборов (в сейм), правительство произвело налет на свободомыслящие элементы нашей Галичины. Арестованы были сначала Вислоух и еще некоторые польские эмигранты (из России), а затем также и я, и Павлик, и целая группа университетской молодежи из Киева, прибывшая погостить на летние каникулы в Галичину…

Выборы в сейм были назначены на сентябрь 1889 года.

Франко всю весну и лето провел в деревне, переезжая из одного уезда в другой. Он беседовал с крестьянами, разъяснял им, как власти обманывают народ.

В печати писатель, насколько это было возможно, выступал с разоблачением буржуазной системы выборов, их фальсификации.

Полиция, правящие круги, их консервативные и буржуазно-националистические прихвостни принимали все меры к тому, чтобы изолировать Франко, а также и всех его друзей.

Но писатель в это время не мог знать, что шел тайный нажим и со стороны русского правительства: австрийскому консулу в Киеве было сообщено, что в Галичину выехала группа студентов специально для того, чтобы «возмущать крестьян против помещиков и украинцев против австрийских властей».

Консул немедленно доложил об этом министру иностранных дел Австро-Венгрии…

Между тем Франко, поселив молодую жену с первенцем Андреем в родных Нагуевичах, у отчима, разъезжал по деревням — и один и с друзьями. Писал, отдыхал, гулял, удил рыбу и читал крестьянам книги. Посещал рабочие поселки, центры бориславской и дрогобычской промышленности.

Крестьянин села Школьные Млинки Дрогобычской области Василий Коцко позже рассказывал [13], как он встречался в это время с Иваном Франко в одной рабочей семье на окраине Дрогобыча.

Здесь, в доме вдовы Казакевич, у ее сына постоянно собирался рабочий кружок. Тайком читали запрещенные книжки, социалистические брошюры, которые доставал молодой Казакевич.

Однажды Казакевич днем предупредил Василия Коцко:

— Василий, ты умеешь держать язык за зубами?.. Я тебе сейчас что-то скажу, но поклянись, что никому и нигде не

разболтаешь.

— Ну, знаешь ли… — обиделся Василий и ударил себя кулаком в грудь. — Пускай я издохну на этом самом месте, если что-нибудь скажу. Ей-богу!

— Верю. Знаешь, приходи сегодня вечером ко мне, — шепотом сказал Казакевич, — я пригласил еще нескольких человек из нашего кружка. К нам придет один гость — писатель Иван Франко.

— Что ты говоришь? Франко?..

Книги Франко читались нарасхват. Молодежь хорошо знала, что Франко за социалистическую деятельность сидел уже несколько раз в тюрьме, состоял под судом…

Сообщение так взволновало Василия, что он в этот день не был способен ни к какой работе и только с нетерпением ждал вечера.

«Мы все думали о нем (Франко) как о бесстрашном революционере, о котором следует говорить только с почтением, — вспоминал Коцко. — И вот я, пятнадцатилетний мальчишка, имею возможность собственными глазами увидеть этого писателя!..

В сумерках я побежал к Казакевичу. В комнате уже сидело человек пять из нашего кружка, и каждый из них, можно было сразу заметить, прямо дрожал от необыкновенной таинственности этого вечера. Все ждали гостя. Хоть я и знал, что Франко— крестьянский сын из Нагуевичей, однако мне почему-то казалось, что увижу его таким, как большинство тех крестьянских сыновей, которые «вышли в господа»: то есть элегантным, надушенным барином в черном костюме, с тростью и золотой цепочкой на груди, с блестящими перстнями на пальцах. Кроме того, этот господин будет так важен, что мы от робости проглотим собственные языки…»

Василий предусмотрительно забился в самый дальний угол старого дивана, подальше от стола с большим резным креслом, предназначенным для Франко. Все остальные тоже пристроились по углам…

Наконец вошел писатель — простой скромный человек в сереньком костюме и старенькой шляпе, которую он небрежно бросил на шкаф. Он громко сказал:

— Добрый вечер, братья!

И слова его прозвучали так дружески и искренне, что вся «таинственность» собрания, вся робость перед знаменитым писателем мгновенно рассеялись.

— Ну что вы, хлопцы, встали все, как свечи в церкви? — пошутил Франко, здороваясь за руку с каждым. — Давайте

садитесь, и будем говорить.

Теперь все окружили его, он стал расспрашивать, сколько в кружке человек, что читают, хорошо ли понимают прочитанные книги и что еще хотели бы интересное почитать.

Потом он говорил об ужасной темноте и нищете народа, о господах и всяких пиявках, сосущих народную кровь и в деревнях и в городах.

— Учитесь, ребята, — все время повторял Франко, — читайте побольше, потому что не хватает у нас культурных и разумных людей! Нужно засучить рукава, нести в наш темный народ светлое слово правды, учить народ бороться за лучшую долю. А иначе мы останемся рабами, да так и погибнем на службе у господ…»

Василий вспоминает: «Он говорил это с таким вдохновением, что слова его западали нам в самые души и воодушевляли к делу…»

•

В мае того же года Франко был вместе с женой в Нагуевичах. К ним приехал Осип Маковей, и они с Франко отправились через Стрый, Лавочное к Бескидам пешком. Потом, пройдя через несколько деревень, зашли в горное село Карлсдорф к знакомому учителю Антону Березинскому, женатому на простой крестьянке.

Погода стояла чудесная. На горных пастбищах— «полонинах» — было прохладно, и деревья только распускались, тогда как в долинах уже все было покрыто яркой зеленью. Величаво высились Мармарошские горы, вершины их сверкали ослепительно белым снегом, а склоны были покрыты еще не тронутыми рукой человека лесами…

«Впечатлений масса», — заметил в своем дневнике Маковей.

О следующей поездке, в конце июля, он пишет: «Выехали мы (из Львова) 21 июля в 4 часа дня в Перемышль, а оттуда через Хиров в Устрики. Там нас уже поджидала телега отца Кузова, на которой мы, посреди дождя и грязи промучившись часов десять, добрались около полуночи через Лютовиско в Дедово.

Нас ехало пять человек: Наталия Викторовна и Мария Викторовна Дегены и их брат, Сергей Викторович Деген, кандидат славянской филологии. Эти русские приехали из Киева, чтобы посмотреть Галичину, горы и чтобы познакомиться с нами…

Дни стояли различные: и погожие и дождливые, с ветром и без ветра. Воздух — настоящая прелесть, прямо распирает грудь.

Я осмотрел почти все горы вокруг Дедова (чудесная местность: Мучное, Кичера, полонина наверху за церковью и проч.), дважды купался в Сане, прочитал кое-что из Глеба Успенского…

Иван Франко, записной рыбак, целыми днями, если только не шел дождь, ловил рыбу, расставлял на Сане переметы, разные сети, забрасывал в воду отраву для рыбы, бродил с неводом по реке, вылавливал рыбу из-под камней прямо руками — одним словом, в рыбной ловле находил величайшее удовольствие и если с самого утра ловил и ничего не поймал, то все-таки после полудня снова выходил на лов. Точно так же после дождя спозаранку схватывался и отправлялся в лес за грибами, которые очень любил и собирать и есть. В свободные минуты читал Успенского…

Обе девушки из России остались в Дедове, а мы втроем приехали 30 июля вечером во Львов».

В августе начались аресты. Франко был арестован 16 августа. В этот же день у его семьи в Нагуевичах был произведен обыск, продолжавшийся несколько часов. Дрогобычский полицейский комиссар перевернул все вещи жены Франко, потом все сундуки хозяев, всю хату, даже иконы снимали со стен и искали там «пропаганду».

Затем полицейский два часа составлял протокол.

Были арестованы киевляне: трое Дегенов, Маршинский, Богдан Кистяковский; из галичан — Франко, Павлик и кое-кто еще. Многих привлекли к следствию, взяв подписку «о невыезде»: жену Франко, Маковея, Наталию Кобринскую, Яна Каспровича.

«Меня допрашивал 10 сентября Маевский почти два с половиной часа, — рассказывал Маковей. — Он мне заявил следующее:

— Имеются подозрения, что эти русские принадлежат в Киеве к тайному социалистическому революционному обществу и приехали сюда, чтобы вербовать молодежь в это общество, а также возмущать население против господ. Так вот, вас они еще не завербовали?..»

Франко в тюрьме очень плохо себя чувствовал и физически и морально. Жене он жаловался: «По ночам у меня страшно болит голова, я постоянно ощущаю в мозгу какую-то тяжесть, словно там у меня камень. При этом тоска меня терзает ужасная…»

Страшные дни этого тюремного заключения породили один из самых потрясающих поэтических циклов Ивана Франко — его «Тюремные сонеты».

10 сентября в тюрьме Франко писал:

Се дом печали, плача, воздыханья,

Гнездо болезни, горести и муки!
Сюда вошедший, стисни зубы, руки,
Останови и мысли и желанья!

Снова грязные, смрадные камеры и всего несколько минут прогулки. Снова «параша» и тюремная «саламаха»:

Берут котел воды и горсть крупы —
Вот вам и суп…

Снова шесть шагов от окна до двери и шесть от двери до окна. И длинные, тоскливые бессонные ночи и шаги часового за окном.

Неприглядные картинки тюремного быта поэт очень смело вложил в строгую форму сонета:

Вошла особа. «Имя?» Отвечаю.
«Как? Станко?» — «Франко!» — «Станко, записать!
Давно тут?» — «Месяц». — «Ты?» — «Семь дней,
я чаю». —
«А ты»? — «Да выпускают нынче в пять».

Увидел книжку, подошедши ближе.
«Читать дозволено?» — «Да!» — «Гм! Опять —
Гм, гм! — я вентилятора не вижу;
Поставлен?» — «Нет». — «Гм! Чудно, записать!»

Тут сторож подлетел: «Уж мы купили
Два вентилятора!» — «Два? Записать!
А вы пока хоть бы окно открыли»

(И поспешил сановник нос зажать!).
«У нас окно открыто день и ночь!..» —
«Ага! Гм! Записать!» — И вышел прочь.

Да, в мировом искусстве еще никогда не шла речь о подобных непривлекательных вещах. Глашатаям «чистой поэзии», несомненно, придется сильно морщить нос, подобно сановному ревизору, вошедшему в удушливую атмосферу тюремной камеры.

Но для искусства нет и не может быть запрещенных «низких» предметов!

И поэт с вызовом обращается к певцам «красоты»:

А на заре, чуть схлынет тьма ночная,
Вновь Лопотов [14] гудит гремит рекою:
«Параши» чистят… Что это такое,
Как объяснить вам — ей-же-ей, не знаю.

«Э-э! — эстетов загорланит стая. —
Вот до чего дошли у них герои!
Любую грязь, гниение любое
Они в стихи суют, не разбирая!

Петрарка сам в гробу перевернется!»
Ну что ж! Ходил он в бархат разодетый,
В палатах жил, — зато и позолотцей

Блистают, стало быть, его сонеты!
А нам дано в клоаке задыхаться,
Где тут найти почище декораций?

Франко признавался, что на этот раз тюрьма его измучила ужасно. Иногда ему казалось, что он просто сходит с ума.

Снова воочию убеждался он в том, что варварские государственные порядки за десять лет не изменились ни в чем…

«Для всего этого дела я не нахожу другого наименования, кроме Delirium des Zeitgeistes (помешательства эпохи), — писал Франко. — Действительно, все признаки помешательства были у нас перед глазами: бесцельная и лихорадочная суета, поиски, допросы, а чего, о чем — сам черт не разберет. И в основе всего заключалось убожество — нравственное и умственное — наших властей. Суды наши все еще живут в том убеждении, что были бы только параграфы и можно провести любое следствие…»

Гневные, горячие строки рождались сами собой:

Меж стран Европы мертвое болото,
Подернутое плесенью густою!
Рассадник тупоумья и застоя,
О Австрия! Ты — страшный символ гнета,

Где станешь ты ногой — там стон народа,
Там с подданных сдирают третью шкуру.
Ты давишь всех, крича: «Несу свободу!»
И грабишь с воплем: «Двигаю культуру!»

Ты не сечешь, не бьешь, не шлешь в Сибирь,
Но соки сердца пьешь ты, как упырь,

Болотным смрадом души отравляя.

Лишь мразь и гниль несут твои порядки,
Живьем здесь погибает мысль живая
Или бежит отсюда без оглядки!

Чем же отличается монархическая Австро-Венгрия от царской России? И тут и там населению подарена лишь «видимость свободы». Австро-Венгрия такая же «тюрьма народов», как и Россия. И здесь тоже источник силы правительства — в национальных распрях. И народы

Хотя из твоего и рвутся круга,
Но лишь напрасно дергают друг друга…

Надо объединиться — независимо от национальной принадлежности — и добиваться прежде всего освобождения от социального рабства. Вновь и вновь Франко повторяет: зло не в людях, а в социальном укладе. Против этого социального зла, против всего общественно-политического строя и нужно вооружать народ:

Не в человеке зло! А зла основа
Лишь глупость и устройство мира злого, —
Создание людей, что их же губит.

Вот зло, что до костей разъест все тело,
Чтоб в гневе стал ты с ним бороться смело.
Кто с злом не борется — людей не любит!

…Поэтическое слово Ивана Франко в конце восьмидесятых годов достигает необыкновенной силы. Чеканный, словно из бронзы вылитый, стих звенит. Он точен и выразителен.

Богатство стихотворных размеров и ритмов, строфики и композиции, широчайший круг тем и историко-культурных ассоциаций, разнообразие жанров — интимно-лирический, бытовой, пейзажный, сатирический, мифологический — вот что отличает поэзию Ивана Франко.

Вместе с тем все поэтические средства всегда и неизменно служат у него одной и той же идейной цели. Творчество Франко восьмидесятых годов может служить образцом единства идеи и образа, формы и содержания.

Поэт написал в тюрьме «сонет о сонетах» — знаменательное звено в цепи классических «сонетов о сонетах» (вспомним пушкинское «Суровый Дант не презирал сонеты…»). Совершенно по-своему, с отчетливой социальной окраской трактует Иван Франко свое отношение к задачам поэтического слова:

В былые годы Данте и Петрарка,
Шекспир и Спенсер милых воспевали.
В сонет, как в кубок, выкованный ярко,
Любви кипящее вино вливали.

Тот кубок немцы в меч перековали,
Когда их страсти разгорелись жарко:
Их «панцырный» сонет — капрал[15], и марка
На нем: кулак, и кровь, и взблески стали.

Мы, хлеборобы, что с ним делать будем?
Перековать опять придется людям
Металл меча, что мастеру послушен,

На плуг — которым будущее вспашем,
На серп — чтоб жито жать на поле нашем,
На вилы — для авгиевых конюшен!

В тюрьме Франко написал рассказ «К свету». Попавший по недоразумению в тюрьму еврейский мальчик Йося учится здесь, у товарищей, грамоте, жадно читает, стремясь «к свету».

Но в камере темно. И чтобы иметь возможность читать, он становится на подоконник — к высокому тюремному окну. Выстрел охранника сбивает мальчика с окна, и тот, прижимая к ране книжку, умирает повторяя:

— Да… я… только… к свету…

Как и другие вполне реалистические рассказы Франко, рассказ «К свету» символичен. Путь народа к свету — это путь тяжкий и героический, путь под пулями, хочет сказать автор этого волнующего, озаренного чувством глубокого интернационализма рассказа.

•

16 октября 1889 года в газете «Дело» появилась заметка, в которой указывалось, что уже ровно два месяца Ивана Франко

держат без суда за решеткой.

«Убожество властей», о котором писал Франко, сделалось слишком публичным и очевидным. Продолжать тянуть нелепое следствие было просто невозможно: 20 октября оно было прекращено, арестованные выпущены, а 29 октября прокурор сообщил министерству юстиции и министерству иностранных дел, что привлекавшиеся к следствию «не имели намерения затевать какие бы то ни было социалистические и революционные действия против помещиков в Галичине и не помышляли также оторвать какую-нибудь часть от Австро-Венгрии»…

Михаил Коцюбинский, Иван Франко и Владимир Гнатюк. 1905 г. Фото.

Иван Франко. 1910 г. Фото.

X. ПОД ПОЛИЦЕЙСКИМ ГНЕТОМ

Еще перед арестом, в начале 1889 года, Франко делился с Драгомановым своими планами на будущее: «Мне очень хотелось бы со временем занять хотя бы место приват-доцента славянских литератур при здешнем (Львовском) университете. Правда, я понимаю, что такая доцентура по политическим мотивам была бы здесь чрезвычайно узким и скользким мостиком, но все же, кто его знает, как могут измениться обстоятельства…»

Выйдя «на волю», Франко решает защитить докторскую диссертацию и заняться более сосредоточенно научной работой.

Пришлось вести переговоры с руководителем кафедры литературы Львовского университета — консерватором и клерикалом Огоновским. Франко хотел было взять для своей диссертации тему: «Литературное движение русинов в 1848 году». Но Огоновский, услыхав, что речь пойдет об эпохе революции 1848 года, предупредил Франко:

— Прошу, чтобы это была в самом деле литература, а не политика!

После такого предупреждения от намерения пришлось отказаться. «У нас в 1848 году, — замечал Франко, — в самом деле литературы почти не было, а была только политика».

По той же причине пришлось отвергнуть и тему, над которой Франко долго и плодотворно работал: «Политическая поэзия Т. Г. Шевченко до его ссылки».

Франко понимал, что ретроградно-националистическое руководство Львовского университета в штыки встретит его диссертацию, и решил отправиться в Вену, где с 1886 года преподавал бывший профессор Одесского, а затем — Петербургского университета, выдающийся ученый-славист Игнатий Викентьевич (Ватрослав) Ягич.

«Это со всех точек зрения, — замечает Франко о Ягиче, — не то, что Огоновский, да и не считает меня своим врагом».

Но поездка в Вену на длительный срок требовала времени, а Франко продолжал работать в редакции газеты «Львовский курьер», и эта работа доставляла ему основные средства к существованию (он получал уже до 100 рублей в месяц жалованья).

Вместе с тем Франко все яснее понимал, что впоследствии, после получения докторской степени, ему все равно будут закрыты двери университетов Австро-Венгрии.

Уже в 1891 году он писал об этом жене: «Я знаю точно и знаю

от людей достаточно компетентных, что кафедры мне ни при одном австрийском университете не дадут, — не потому, что я украинец, а потому, что я «клейменный в политическом отношении». Разве что Австрия перестала бы быть Австрией».

Летом 1892 года обрисовалась более или менее реальная возможность отправиться в Вену. Франко в одном своем письме излагает план, составленный им «вдвоем с женой»:

«План этот заключается в том, чтобы я взял на полгода отпуск в редакции «Львовского курьера», поехал в Вену, послушал лекции Ягича и еще некоторых профессоров да сдал докторский экзамен. Правда, я и до сих пор не знаю, на что мне этот экзамен пригодится, потому что не сомневаюсь, что даже к приват-доцентской должности при Львовском университете меня не допустят.

Ну, да мне хотелось бы пожить в Вене, поучиться у немного более разумных людей, чем Огоновский, и я рад это исполнить тем более, что редакция «Львовского курьера» соглашается отпустить меня, а может быть, удастся даже устроить так, что я буду выполнять и для «Львовского курьера» часть той работы, которую выполняю до сих пор, и получать свое обычное вознаграждение. А докторская степень пока что была бы мне нужна хотя бы потому, что она дает права политические (право голосования и право быть избранным в парламент).

Очень бы хотелось мне пожить некоторое время в Петербурге и Москве, познакомиться с имеющимися там библиотеками, пополнить и свою библиотеку хотя бы самыми необходимыми вещами, а главное — познакомиться с людьми. Ну, да это, должно быть, так и останется неисполнимой мечтой».

Мечта и в самом деле оказалась неисполнимой. Въезд Франко в Петербург и Москву был закрыт совместными усилиями австрийской и русской полиции. Одни боялись ввоза пропаганды со стороны «галицкого социалиста», другие — связей и вербовки со стороны «русских революционеров».

Но в Вену Франко все же поехал. Он познакомился с Ягичем, с выдающимся русским индологом Федором Щербатским. Известные ученые, писатели принимали Франко с огромным уважением, отдавая должное и его литературному имени и научной эрудиции.

К этому времени у Франко уже были опубликованы ценнейшие историко-литературные исследования. Среди них статьи об Иоанне Вышенском, о народных колядках, об украинских народных песнях, о неизвестном «Синопсисе» (летописи) Подгорецкого монастыря, о народных обычаях и поверьях, о различных памятниках литературы XVIII столетия.

Работы эти обращали на себя внимание. Рецензии и отклики на них появлялись в мировой специальной печати Петербурга и Варшавы, Вены и Гамбурга, Женевы и Парижа…

В Вене Франко несколько раз выступал с докладами и лекциями. В научном обществе «Польская библиотека» он читал лекции о Шевченко. В университетском семинаре по славистике делал доклады о средневековой повести «Варлаам и Иоасаф», о славянской легенде про Магомета.

О выступлениях Франко сообщалось в печати. Скромный писатель с юмором сообщал жене, что его доклад «О Магомете в славянской легенде» так понравился Ягичу, что тот, выступая с высокой оценкой доклада, почтительно называл докладчика «господином доктором».

Остановившись окончательно на теме диссертации— «Варлаам и Иоасаф, древнехристианский духовный роман и его литературная история», — Франко весной и летом 1893 года сдал все необходимые экзамены, и 1 июля в торжественной обстановке ему была публично присуждена научная степень «доктора философии Венского университета».

Уже на следующий день, в № 181 от 2 июля 1893 года, «Львовский курьер» на первом месте извещал в своей «Хронике»:

«Степень доктора философии получил 1 июля сего года в Венском университете Иван Франко, наш уважаемый товарищ и сотрудник, настоящий украинец и знаменитый исследователь славяноведения».

Диссертация о Варлааме и Иоасафе с 1895 года печаталась в «Записках Научного общества Шевченко», а впоследствии была издана отдельным томом в 200 страниц, с иллюстрациями.

•

С юных лет Франко интересовался драмой, переводил произведения известных драматургов на украинский язык, сам делал инсценировки, много писал о театре.

И весной 1891 года, когда Львовский краевой сейм объявил конкурс на украинскую пьесу из народной жизни, Франко за несколько месяцев создал большую социально-психологическую драму «Украденное счастье», которая уже на протяжении семидесяти лет не сходит со сцены.

История любви простой крестьянской женщины Анны Задорожной — это, разумеется, не просто инсценировка известной западноукраинской народной песни «О жандарме»,

хотя сам Франко и указывал, что сюжет драмы он позаимствовал именно из этой песни.

Гуцульская леди Макбет, Анна, уже выйдя замуж за тихого и незаметного Миколу Задорожного, случайно встречается с Михайлом Гурманом. Когда-то девушку-сироту разлучили с ним и насильно выдали за другого.

Михайло с горя пошел служить в жандармские войска. Теперь при встрече с Анной их давняя любовь вспыхивает с новой силой. Жандарм делает все, чтобы избавиться от Задорожного и завладеть его женой. Он сажает Миколу в тюрьму по ложному обвинению в убийстве.

Анна сознает неправоту Михайла и говорит ему сначала:

— О, я знаю тебя, у тебя каменное сердце!.. Ты двоих невинных возьмешь на душу!.. Зверь ты, зверь лютый! Изготовился растерзать нас… Но бог тебя покарает, покарает.

Сложный психологический образ Анны раскрывается в пьесе многосторонне. Когда Анна уже не может противиться домогательствам Михайла, она в своей безумной любви преступает долг.

— Какой страшный! Какой грозный! — говорит она о Гурмане. — А сила какая! Кажется, захочет — раздавит… Одним взглядом сразит. И чем страшнее, чем злее говорит со мной, тем, кажется, больше люблю я его. Вся дрожу, так и чудится, что растворяюсь в нем, делаюсь частицей его самого. И нет у меня тогда ни своей воли, ни своей мысли, ни силы, ни терпенья, ничего. Все мне тогда безразлично, и все готова отдать ему, выбросить в грязь, если он этого захочет!.. И не отдала ли я ему все, все, что может отдать женщина любимому человеку? Даже душу свою, женскую честь, свое доброе имя. Клятву для него нарушила! Сама себя на посмешище выставила. Ну, и что же? Мне все равно! Он — все для меня: и свет, и люди, и честь, и клятва…

Микола тоже до самозабвения любит Анну и, выпущенный из острога, в отчаянии оттого, что жена сошлась с жандармом. Но он готов снести и муки и позор, лишь бы Анна не бросила его совсем.

А Михайло Гурман, воспитанный в атмосфере жандармского своеволия, не имеет уже за душой ничего святого. Он ни во что и ничему не верит. Его жизненная «философия» не сложна:

— Живи и дыши, пока живешь! Если неплохо — благодари бога. Когда будет плохо — начнешь об этом думать. Чем кончится? Ничем не кончится. Будем жить, пока можем. Будем людям в лицо смеяться, пока они нас не растопчут. А потом? Потом один конец: все помрем, к черту в зубы попадем.

Издеваясь над безответным Миколой Задорожным, жандарм в

конце концов вынуждает Миколу взять в руки топор. И в минуту безудержного гнева Задорожный убивает Гурмана.

При появлении старосты и понятых Анна объявляет, что это она зарубила своего любовника[16].

Судьба пьесы Франко очень знаменательна. Пьеса была представлена на конкурс в сентябре 1891 года под девизом (на древнегреческом языке) «Ты глух, глуп и слеп».

Отзыв на все восемь (из них три одного автора) поступивших на конкурс пьес написал один из членов жюри — уже хорошо известный нам Огоновский. Он признал семь пьес чрезвычайно слабыми в художественном отношении, а о драме «Украденное счастье» написал:

«У автора виден драматический талант, но в характеристике главных действующих лиц, Анны Задорожной и Михаила Гурмана, проявляется радикальная тенденция. Такие персонажи с безнравственными чертами невозможно показывать на сцене».

В конце 1891 года было опубликовано сообщение о продлении конкурса еще на год — «по той причине, что на конкурс представлено слишком мало произведений, а представленные не отвечают требованиям».

Только в январе 1893 года состоялось присуждение премий. Первую получила за пьесу «Катерина Чайковна» Наталка Полтавка (Надежда Матвеевна Кибальчич, дочь известного фольклориста Номиса-Симонова). Вторую — молодой актер и драматург Константин Ванченко-Писанецкий за пьесу «Мужичка». Впоследствии он стал известен как автор репертуарных пьес «Запорожский клад», «Ведьма» и инсценировок Гоголя «Майская ночь», «Тарас Бульба».

Третья премия была присуждена «Украденному счастью» Франко, однако «только при условии, что господин автор произведет в этой пьесе изменения, указанные конкурсной комиссией».

Франко пришлось совершенно переделать всю развязку драмы. В переработанном варианте жандарм Михайло Гурман под занавес, умирая, поднимается с земли и объявляет старосте, что Микола Задорожный не виноват, что это он сам наложил на себя руки.

Один из членов жюри, адвокат, театральный критик и переводчик Евгений Олесницкий, опубликовал в журнале «Заря» статью «Драматический конкурс». В ней он подробно рассказал, как шли в конкурсной комиссии прения.

«Украденное счастье» Ивана Франко Олесницкий сам оценил очень высоко и сообщал, что упрек пьесе, «поддержанный большинством членов жюри, заключается в том, что автор

неестественно придал роли жандарма черный характер. Некоторые увидели в этом унижение института жандармов, некоторые опасались, что по этой причине правительство не разрешит ставить эту пьесу. Потому и предложено было автору заменить жандарма другим лицом. Упрек этот продиктован, конечно, исключительно галицкой спецификой, и жаль времени и места на доказательство его необоснованности…»

Во всяком случае, и эту уступку пришлось автору сделать. Для театральной сцены жандарм был заменен… сельским почтальоном. Впрочем, в печатном тексте, опубликованном сразу же в «Заре», жандарм остался жандармом…

Первый спектакль «Украденного счастья» состоялся во Львове 16 ноября 1893 года, прошел с огромным, небывалым успехом и вызвал единодушно сочувственные отклики печати. Газета «Дело» зачислила новую пьесу «в совершенные образцы нашей драматической литературы» и добавляла при этом: «Разумеется, безупречное понимание психологии и мировоззрения того класса народа, из которого автор взял сюжет своей драмы, в огромной степени обусловило такой блестящий успех произведения в целом».

«Львовский курьер» писал: «Франко, до сих пор занимавший в украинской литературе выдающееся место как публицист, поэт и прозаик, убедил нас, что и в украинской драматургии он займет почетное место».

На втором представлении «Украденного счастья» после четвертого действия Евгений Олесницкий от имени галицкой молодежи увенчал автора, вызванного на сцену бурной овацией публики, лавровым венком.

•

Успех «Украденного счастья» подтолкнул Франко к написанию еще нескольких пьес.

Он взялся за переработку своей старой, в свое время не вполне законченной комедии «Рябина».

Мошеннические проделки кулаков и торговцев, местных властей — вот что подвергает Франко острой критике. Слабее представлено в комедии «положительное начало»: борьба за устройство сельской хаты-читальни, появление в конце пьесы жандарма, олицетворяющего «справедливый закон», заключительный призыв — под занавес — «перевоспитавшегося» Рябины идти всем в церковь и замаливать свои грехи.

Однако же и в таком виде пьеса была в штыки принята цензурой. Прежде чем пьесу допустили на сцену, в ней произвели многочисленные изъятия. Может быть, именно поэтому Франко ее так и не напечатал при жизни.

На полях одного из сохранившихся автографов «Рябины» чьей-то рукой сделана характерная надпись: «Слишком остро для сцены, хотя и чистейшая правда».

Но театры часто ставили эту комедию. Впервые она шла в июле 1894 года одновременно в Коломые и в Станиславе, в сентябре состоялась премьера во Львове.

Почти в это же время Франко написал и третью свою бытовую пьесу — «Учитель». Ее поставили впервые осенью того же года.

Тема этой комедии до некоторой степени сходна с темой «Рябины». Темным, забитым крестьянам глухой, заброшенной горной деревни приходится терпеть и гнет местных богатеев и беззаконие властей. Интересы крестьян отстаивает сельский учитель Емельян Ткач — человек физически больной, но сильный духом, — а вместе с ним его сестра Юлия и молодой учитель Хоростоль.

Образы положительных героев, убедительные. и правдивые, — большая победа драматурга. Вся пьеса проникнута жизнерадостным настроением, она зовет к борьбе. И хотя перевес пока еще на стороне темных сил, писатель верит в конечное торжество правды и этой верой заражает зрителя.

Франко назвал пьесу «Учитель» комедией. Хотя на самом деле в ней не так уж много комических положений и совсем нет комических характеров. Но глубокий оптимизм, яркая струя народного юмора пронизывают это произведение.

Во всех трех пьесах — «Украденное счастье», «Рябина» и «Учитель» — писатель рисовал с различных сторон жизнь современного ему галицкого села. Во всех трех пьесах он стремился воплотить им самим сформулированную задачу: «Театр должен быть школой жизни». И далее: «Он должен показывать нам эту жизнь, изображать и анализировать ее явления, будить у зрителей критику этой жизни, будить ощущение того, какие явления хороши, а какие худы».

Однако писатель очень быстро понял, что задача эта при существующем положении вещей невыполнима. Полицейская цензура, душившая каждое слово правды, особенно строгому контролю подвергала сценическое искусство. С горькой иронией замечает расположенный к автору рецензент «Учителя», Михаил Струсевич, в газете «Дело»: «Произведениям д-ра Франко не везет у полицейской цензуры!»

А идти на компромиссы драматург не хотел. Он считал, что

«театр, который подвергает публичной критике только некоторые небольшие малозначительные недостатки и оставляет в стороне, замалчивает или покрывает ложью главные, основные недостатки общества, этот театр никогда не станет вполне национальным, не будет школой жизни или будет плохой школой».

И Франко навсегда перестает писать драмы…

Правда, прежде чем окончательно покинуть театр, Франко сделал попытку обойти рогатки цензуры. Он решил обратиться к языку иносказаний.

В своей последней крупной пьесе, «Сон князя Святослава», писатель перенес действие в начало XII века. Да еще указал в подзаголовке — «драма-сказка», хотя сказочного, фантастического в произведении почти нет.

«Сон князя Святослава» восходит по своим художественным чертам к традициям пушкинской драматургии, к «Слову о полку Игореве», к лермонтовской «Песне про купца Калашникова». В то же время это вполне самостоятельный опыт философско-социальной драмы.

Вслед за поэмой Чернышевского «Гимн Деве Неба» (которую Франко как раз в это же время переводил на украинский язык) писатель использует легендарно-историческую канву, чтобы поставить самые злободневные для своей эпохи общественные проблемы. В «Сне князя Святослава» Франко утверждает идеи, прямо направленные против буржуазно-националистических теорий: о необходимости единения украинского и русского народов в борьбе против общих врагов, об ответственности руководителей перед народом, о преданности родине и самоотверженной защите ее интересов.

В драматургии Ивана Франко чрезвычайно ярко воплотились и его талант художника-реалиста и его революционно-демократическое мировоззрение.

Широта художественных взглядов Франко, его глубокое знакомство и с западной и с восточной драматургией помогли ему создавать новые формы, жанры.

Скажем, убедившись в невозможности создать бытовую реалистическую драму, Франко обратился к жанрам драматической поэмы, где диалогическая форма сменяется повествовательной.

Но так и остались неосуществленными (или не дошли до нас) и «драма из жизни интеллигенции» в пяти действиях «Свет и во тьме светит» и трилогия о Богдане Хмельницком.

…На каждом шагу «цисарская» действительность теснила могучий дух Франко, ограничивала его необыкновенную работоспособность.

XI. ЕЖЕДНЕВНЫЙ ПОДВИГ

Как-то Леся Украинка сказала, что стихи Ивана Франко кажутся ей красными, — так густо орошены они кровью сердца поэта.

Франко — это действительно явление в литературе почти беспримерное. Вспомним хотя бы, что неполный библиографический список только прижизненных публикаций сочинений Ивана Франко заключает в себе до четырех тысяч номеров! Это стихотворения и поэмы, романы и новеллы, очерки и фольклорные записи, полемические заметки и фундаментальные научные труды, публицистика и литературная критика, статьи по вопросам истории и политической экономии, переводы в прозе и стихах с русского, французского, немецкого, английского, польского, чешского, латинского, древнегреческого и многих других языков…

Все эпохи и все страны, все народы и все слои общества живут на страницах его книг…

И читатель не может остаться равнодушным к яркому пламени его революционной мысли и мужественному сердцу, предстающему перед нами и в точных, реалистических образах бориславского цикла, и в лирических откровениях «Свободных сонетов» или «Профилей и масок», и в могучем пафосе его легенд и драматических поэм.

В 1890 году Иван Франко выпустил — с обозначением «Издания Ольги Франко» — собрание своих повестей и рассказов под общим заглавием «В поте лица». Сборнику была предпослана специально для этого издания написанная автобиография писателя, в которой он сдержанно рассказывал о своем таком еще, собственно говоря, недолгом жизненном и творческом пути.

Автобиографию Франко заканчивал так: «О своих новеллах скажу только одно, что почти все они показывают действительно существовавших людей, которых я когда-то знал, действительные факты, которые я наблюдал или о которых слышал от очевидцев; изображают природу тех уголков нашей страны, которые я, как говорится, перемерил собственными ногами. В этом смысле — они все являются частицей моей автобиографии».

В самом деле, свершая свой ежедневный творческий подвиг, Франко как бы вкладывал в свои произведения кусочки увиденной и осознанной им жизни— для того, чтобы этими произведениями вновь воздействовать на жизнь, перевоспитывать людей, учить их строить жизнь по-иному, лучше, светлее,

радостнее.

Ведь Франко всегда искренне верил в магическую силу человеческого слова, в воодушевляющую роль художественного образа!

И он ощущал себя в первую очередь художником-творцом, поэтом и беллетристом. Он часто повторял, что не чувствует в себе сил и воли политического вождя, сознает недостатки свои как ученого, но может и должен быть писателем.

•

О том, как работал Франко, оставил интересные, хотя и очень краткие, воспоминания известный украинский ученый, друг Ивана Франко, академик Василий Григорьевич Щурат. Он так их сам и назвал: «Франковский метод творчества».

«Когда я жил вместе с ним в 1892 и в 1893 гг. в Вене, — вспоминает академик Щурат, — в одной комнате на Виннмигштрассе, он часто поздним зимним вечером, поставив самовар, под его монотонное шипение начинал прохаживаться вдоль комнаты, так же точно насвистывая и мурлыча, не обращая внимания на то, что я читал возле стола или отдыхал на кровати.

Я долго не реагировал на это, но однажды спросил:

— Что это вы, всенощную служите?

Франко улыбнулся.

— Скорее утреню, — говорит, — потому что я таким образом сочиняю стихотворение.

— Как это? — продолжал спрашивать я, заинтересовавшись.

И Франко мне рассказал.

Он никогда не садился сочинять стихи с пером в руках, над бумагой. Когда созревала мысль, когда она была готова для выражения, он должен был находиться в движении.

Шагая по улице или расхаживая по комнате, он про себя насвистывал предварительно различные строфические мелодии, чтобы найти соответствующую форму.

Найдя ее, вкладывал в нее слова, мурлыча их под нос столько времени, сколько нужно, чтобы создать полную строчку — одну, другую, третью, четвертую, пока и вся строфа, как он говорил, не начнет петь.

Добившись певучести строфы, подбирал к ней все более точные рифмы. Когда и это заканчивал, тогда брал лоскуток бумаги и записывал готовое, строфу за строфой, раздел за разделом.

Через неделю или две возвращался к записанному и только тогда исправлял необходимое на бумаге, как прежде правил в памяти.

Так Франко создавал свои стихи. Мысль сквозь рой мелодий достигала необходимой формы. Форма вынуждала слова петь, после всего слова укладывались в рифмы. Белый стих должен был петь вдвое лучше, чем рифмованный, чтобы за его певучестью не замечалось отсутствие рифмы».

Однажды Франко несколько дней подряд сочинял свою сатирическую поэму «Путешествие русина с бедой». Готовые строфы он тут же читал Щурату. Как-то шутя Щурат и сам добавил к поэме Франко несколько строф. Они понравились Франко, и он их принял в свое сооружение как пригодный кирпичик.

— Мицкевич, — сослался тут же Франко, — тоже давал место в «Пане Тадеуше» строчкам своих друзей.

Вообще же Франко неохотно читал кому-нибудь свои неопубликованные стихи. Особенно не любил он читать «только что изготовленное» женщинам…

«Иначе, чем стихи, создавал Франко повесть или рассказ, — свидетельствует тот же Щурат. — Сначала он устанавливал краеугольный камень — центральное событие. Исходя из него, отступал хронологически назад, выбирал эпизоды и эпизодические фигуры так, чтобы создать мотивировку для того освещения центрального события, для того замысла, который следовало воплотить. В заключение строил эпилог.

Так некогда Мольер создавал своего «Мещанина во дворянстве». Так Франко при мне создавал роман «Для домашнего очага» по материалам нашумевшего во Львове судебного процесса».

•

Сам Франко в статье «Наша литературная жизнь в 1892 году (Письма к редактору «Зари»)» писал: «Для создания хорошего литературного произведения мало удачной первой мысли (вдохновения), мало живого и пластического воображения (фантазии), мало впечатлительного и широко развитого чувства, — кроме всего этого, необходимо еще очень много совершенно иных, но не менее важных сведений…

Писатель должен быть хорошо знаком с писательской техникой и особенно с творческими методами самых различных

знаменитых мастеров слова, своих и чужих; должен выработать себе свой метод, если не хочет блуждать без цели и на каждом шагу попадать в старые, заброшенные шаблоны и лишить себя всякого значения в литературе…»

Особенно подчеркивает Франко, что писатель должен глубоко знать изображаемую им действительность, должен уметь ее всесторонне понять и оценить:

«…Писатель должен знать ту жизнь, о которой берется писать, те общественные классы, тех людей, те края, те обычаи и учреждения, те занятия и виды труда, которые изображает.

Какое бесконечное множество задач!

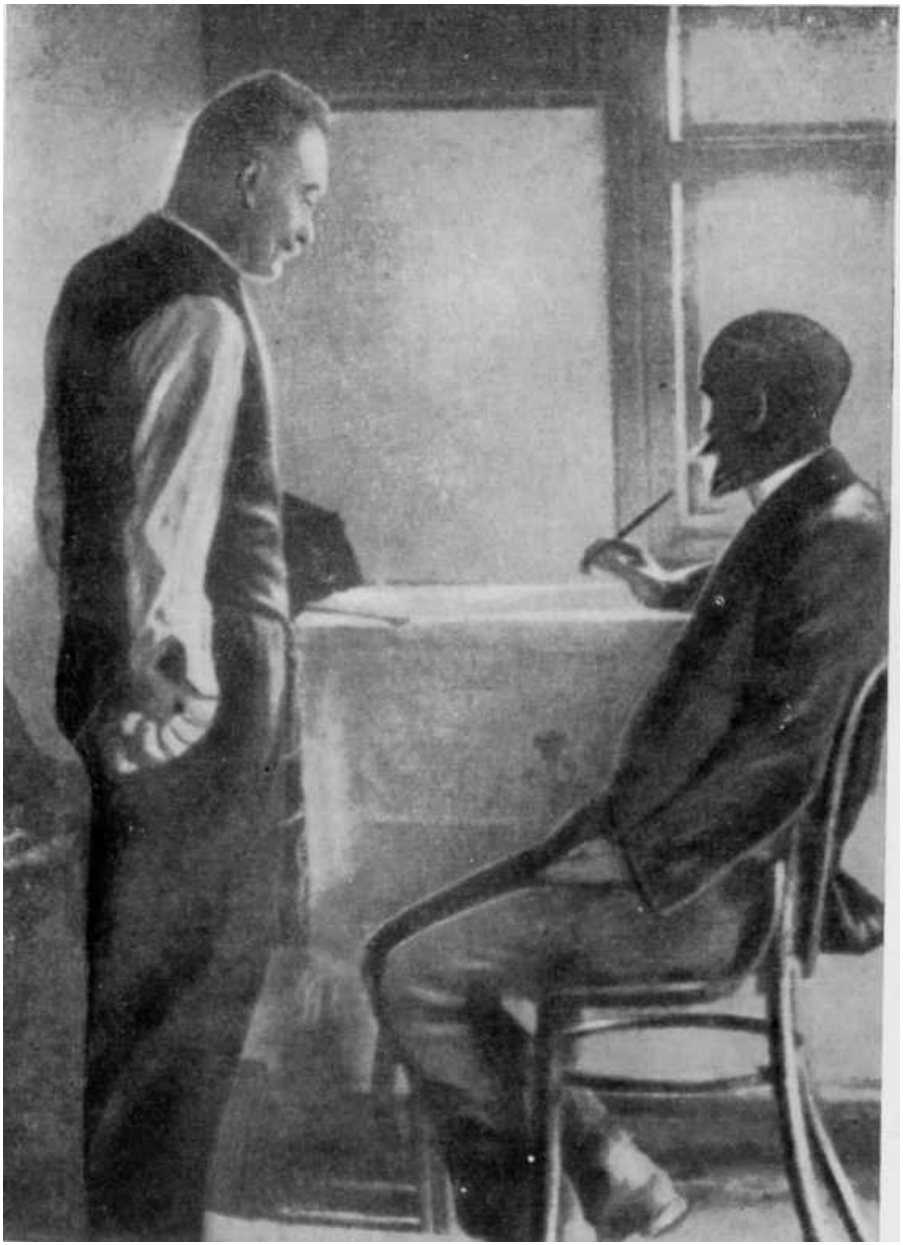
Но и это еще не все. Писатель должен знать немало общих и теоретических наук, таких, как психология, политическая экономия, политика и т. п., без которых он не сумеет поставить себя в надлежащее положение по отношению к персонажам своего произведения, не сумеет соответственно понять и показать нам их поступки, не сумеет создать произведение подлинно широкое и долговечное…

Только тогда, впитав в себя, сосредоточив, так сказать, в себе всю жизнь своего общества в данный момент, писатель в соответствии со своим талантом и подготовленностью сможет надеяться на создание подлинно значительной литературы».

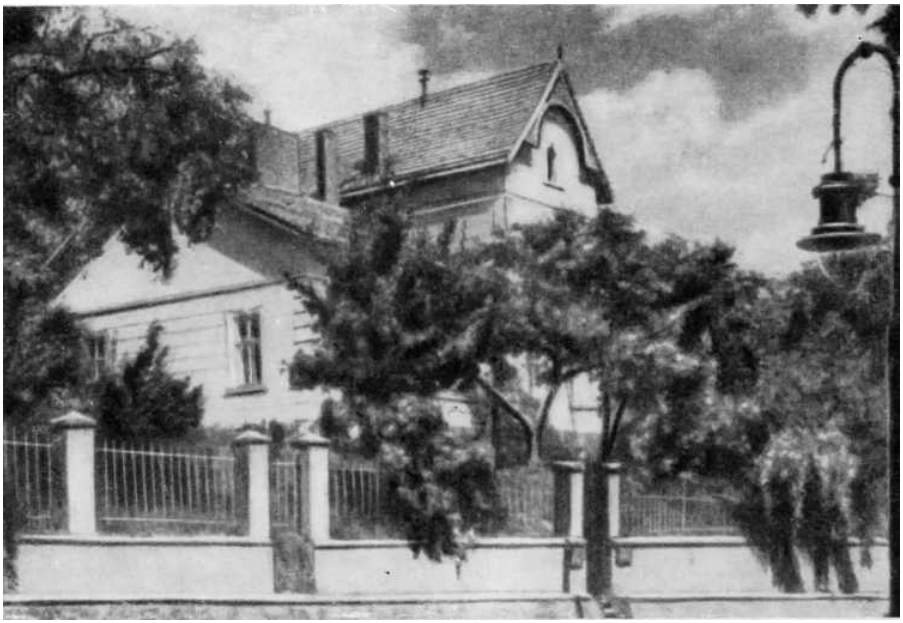
Именно в стремлении к широкому охвату социальных явлений Франко все чаще обращается к полотну большого романа.

В начале девяностых годов им написаны — после «Леля и Полеля» — еще два больших романа: «Для домашнего Очага» и «Основы общества» (второй не был окончен, хотя автор и издал его отдельной книгой в 1896 году).

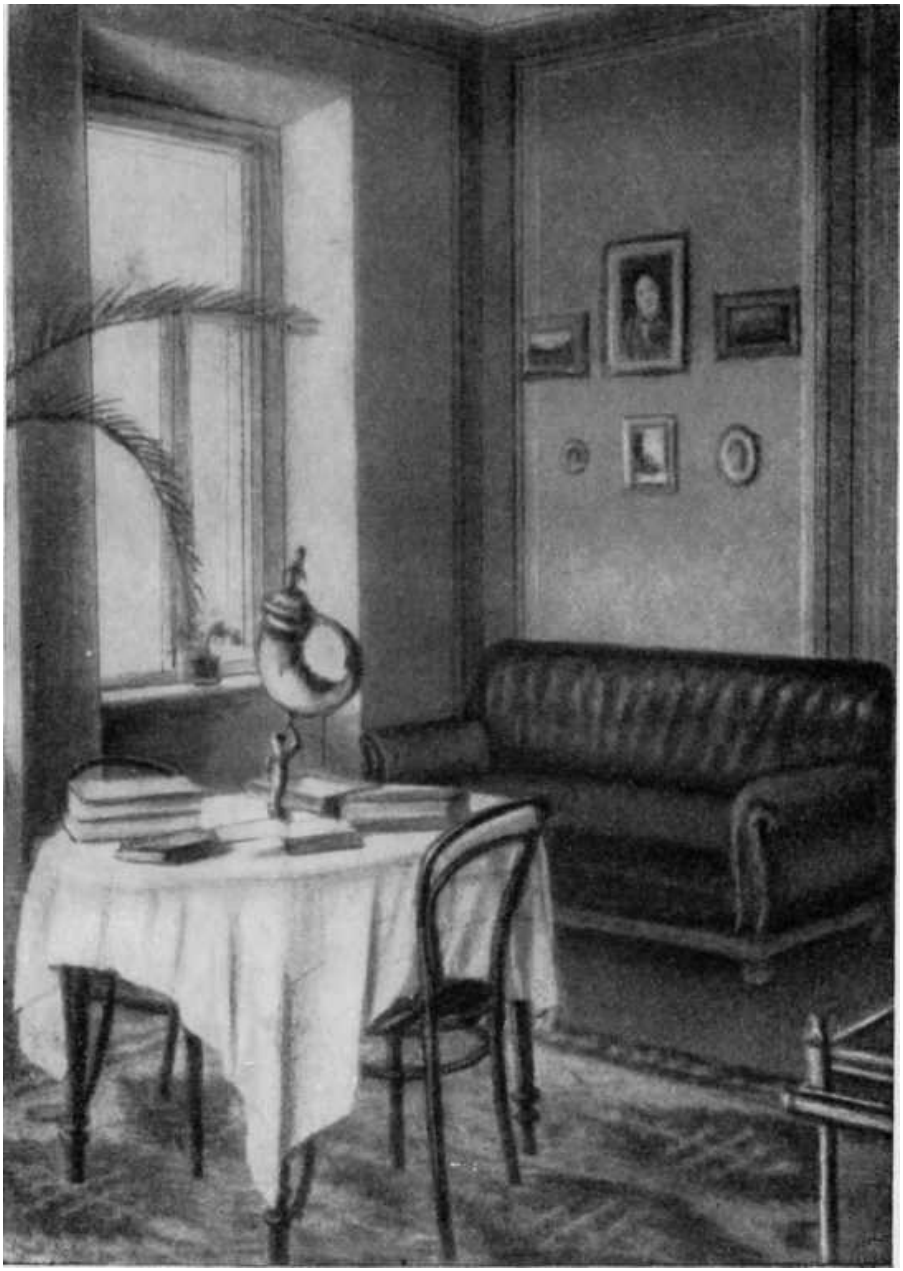
Эти романы Франко посвятил изображению распада — и экономического и морального — основных правящих сил современного ему общества: старого феодального дворянства, буржуазии, церкви и продажной, соглашательской буржуазной интеллигенции.



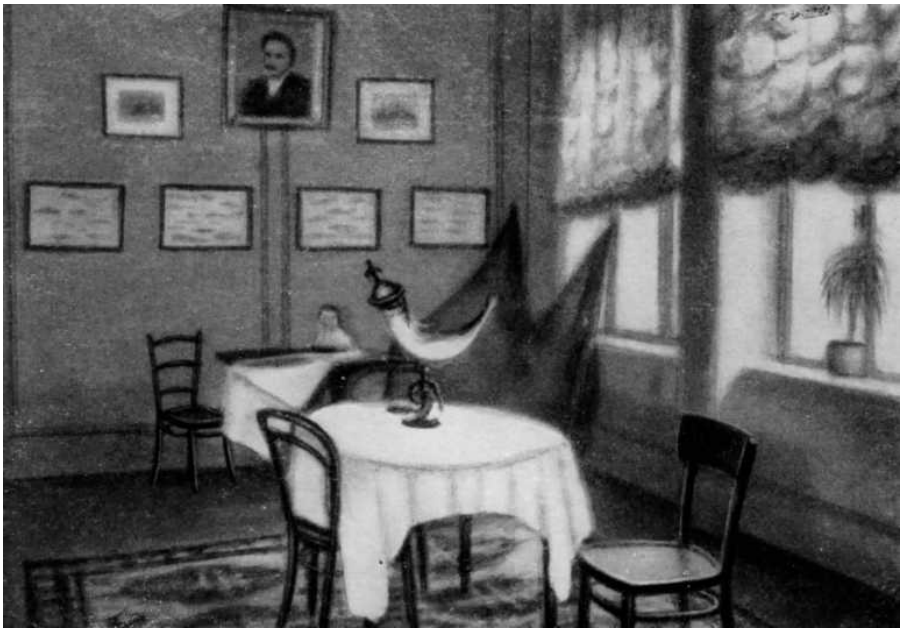
Последние годы жизни. Иван Франко диктует свои произведения. Фото.



Дом-музей Ивана Франко во Львове.



Комната в доме-музее Ивана Франко во Львове.



Комната в доме-музее Ивана Франко во Львове.

Сюжеты обоих этих романов были взяты писателем из материалов судебных процессов: ведь весь буржуазно-дворянский уклад состоит из цепи преступлений, и преступления эти — логическое следствие всей преступной до самых своих основ социальной системы.

Жена офицера, «благопристойная» дама общества, Анеля Ангарович («Для домашнего очага») ради наживы вербует крестьянских девушек и продает их в публичные дома. Перед тем как покончить самоубийством, она сама клеймит то общество, к которому принадлежит:

— О, как я презираю вас! Как ненавижу вас, вы, фарисеи, вы, лжецы и лицемеры! Самый презренный поступок, величайшая подлость — для вас ничто. Вас страшит только суд толпы, призрак ответственности. Хорошо скрытая подлость перестает быть подлостью, тайное преступление служит только доказательством отваги и ловкости!

Преступница еще более мерзкого типа — графиня Олимпия Торская («Основы общества»), у которой нет ни малейших нравственных устоев, развращенный и умственно неполноценный панич Адась чужды всех человеческих чувств, кроме жадности и стремления любой ценой удовлетворить свои изощренные страсти.

Эти ублюдки не остановятся перед зверским убийством, ограблением бессильного старика, им не страшен суд совести, а

от суда человеческого они рассчитывают спрятаться под покровом ночной темноты и туманных законов.

И вот над землей снова занимается пасмурный день: «Земля угрюмо молчала, стараясь скрыть свое лицо холодным туманом…» Бр-р-р, как неуютно и страшно жить в этом мире хорошо замаскировавшихся подлецов, убийц, воров! Но ведь тьма не может царить вечно. Вот солнце пробивает сумрак и восклицает:

— Эй, мои золотые лучи! Идите вперед! Рассекайте эту мглу! Колите ее! Пронизывайте насквозь! Не дайте ей своей завесой окутать правду!

«Для домашнего очага» и «Основы общества» — вершина художественной прозы Ивана Франко, самые яркие и завершенные его романы. И не случайно именно в этих романах полнее всего сказалось благотворное влияние прозы Льва Толстого, вызывавшей всегда восхищение Франко. Как раз в эти годы им было опубликовано несколько статей о Толстом.

Франко писал:

«Словно яркий пламень, сверкает светлый, величественный облик человека, который ныне воплощает в себе почти все то, что есть в России чистого, идеального и симпатичного, который безусловно является совершенным олицетворением черт русского племени, черт, усиленных огромным поэтическим талантом».

Высокие достоинства таланта Толстого он видит в необычайно острой наблюдательности писателя и тонкости его психологического анализа, в пластичности описания среды, порою всего несколькими словами, одной верной чертой, в склонности к философствованию. «Что-то неуловимое, как бы некая прозрачная полумгла разлита в этих произведениях, какая-то атмосфера сладости и благоухания».

И далее: «Искание правды, естественности и простоты во всем, в людях и в природе, в делах и в слове, отвращение ко всяким броскам, к искусственным эффектам и кричащим контрастам, мир и гармония, строгая объективность изображения, проникнутая в то же время теплым сочувствием, горячей любовью к изображаемому, — вот характерные черты его творчества… Всюду бьется горячий живой пульс великой мысли и великой, всеобъемлющей любви поэта».

Все эти высказывания Франко о Толстом — подлинный ключ к пониманию собственных художественных, творческих исканий украинского писателя.

Как часто повторяет здесь Франко слова «пластичность», «гармония»! Он придавал этим качествам огромное значение. И в то же время понимал эти черты художественного изображения

только в неразрывной связи с идеей, с общей целевой установкой писателя.

Поэтому чрезвычайно характерны наблюдения Франко по поводу романа «Анна Каренина»: «Представитель родового дворянства Толстой не в слишком выгодном свете изобразил сливки высшего общества в России… В ряде картин и лиц, необычайно пластичных, но вместе с тем написанных с изумительной сдержанностью и деликатностью, Толстой изобразил бездонную пустоту жизни этой столичной аристократии, всю ту атмосферу фальши, лицемерия, пустых слов и колких взглядов, которая с беспощадной неизбежностью принижает, опустошает, убивает умственную и нравственную сторону человека».

Именно эти черты художественного разоблачения — не только внешнего, но и внутреннего, психологического— характерны для романов Франко — и «Основ общества» и «Для домашнего очага».

Эти черты можно легко увидеть и в большом романе «Не спросясь брода» — над ним Франко работал в конце восьмидесятых и в начале девяностых годов. Роман остался неоконченным, но Франко опубликовал много отрывков в виде отдельных рассказов и психологических набросков: «Ворона», «Гений», «Дриада», «Гершко Гольдмахер», «На лоне природы», «Борис Граб», «Ворона и Вурдалак».

В центре романа молодой человек, демократ Борис Граб, образ до некоторой степени автобиографический. В ткань повествования введены некоторые эпизоды из гимназических и студенческих лет Франко.

Вместе с тем роман развивает линию бориславского цикла. Здесь упоминаются и некоторые знакомые читателю персонажи из бориславских рассказов и повестей. По-видимому, все произведение мыслилось автору как широкое полотно, роман-хроника, не связанный единым стройным сюжетом, со многими действующими лицами из различных классов общества…

•

К любимейшим писателям Ивана Франко наравне с Пушкиным и Толстым принадлежал всегда Салтыков-Щедрин, которого Франко переводил на украинский язык (еще с семидесятых годов) и о котором писал нередко. «Один из крупнейших русских писателей, несомненно, самый выдающийся

представитель русского юмора», — характеризовал Франко Салтыкова. И дальше: «Щедрин — необычайное явление в русской литературе». «Огромный талант», «большой писатель и человек», — говорит Франко о Щедрине в своем некрологе (1889 год). И проницательно предсказывает:

«Имя это навсегда останется одним из самых блестящих украшений русской литературы, а его влияние за пределами России и теперь, после его смерти, несомненно, будет возрастать».

Влияние сатиры Салтыкова-Щедрина на Ивана Франко сказывается не только в его собственно сатирических гротесках и аллегориях. Можно доказать, что и в тех сугубо реалистических романах, о которых мы говорили, тоже чувствуется известное сатирическое «дыхание» автора «Пошехонской старины» и «Господ Головлевых». А эти два произведения Франко считал «блестящими», причислял их к шедеврам мировой литературы.

Мы наблюдаем у Франко прием умышленного заострения в характеристике отрицательного персонажа («Основы общества»), чувствуем ироническую авторскую оценку того или иного героя, поступка или события, особенно в «Не спросясь броду».

Совершенно оригинально преломилась «школа Щедрина» в знаменитых сатирических сказках Франко из народной и буржуазной жизни. Именно здесь, совсем не подражая рабски Щедрину, Франко создает неповторимые по художественной яркости и остроумию и — в результате этого — убийственные по своему общественно-политическому звучанию специфические «галицкие» гротескные картины.

Перед читателем проходит вереница сатирических образов галицкой буржуазной интеллигенции: беспринципные журналисты, продажные адвокаты, тупоумные псевдоученые, бездарные писаки…

Франко рисует этакого «всезнайку» — доктора Бессервиссера (в рассказе того же названия):

«Он подобен солнцу, ибо вот здесь восходит, а совсем в противоположную сторону заходит.

Он подобен месяцу, ибо двенадцать раз в год меняет свою физиономию.

Он подобен звездам, ибо светит, но не греет…»

А вот Свинья (так же назван и рассказ). Она продала свою совесть на выборах в парламент. К Свинье обращаются с упреками:

— Где у тебя совесть? Подумай только, зачем ты живешь на земле?

— Чтобы с меня люди сало ели…

— Как тебе не стыдно такое говорить?.. Твое сало — хорошая вещь, но ведь это уже после твоей смерти! А твоя жизнь, свинья, твоя жизнь?

— Дайте мне покой, — хрюкает свинья, — за свою жизнь я не отвечаю. Разве я сама себе ее дала?

— Стыдно тебе, свинья, стыдно!.. Ну, скажи, пожалуйста, как ты голосовала на выборах в парламент? Неужели же честное божье создание может так голосовать? За несколько корней свеклы продать свою совесть! Пфуй, свинья, это уж и для свиньи чересчур! Да еще, словно на смех, читаешь и «Родину», и «Русскую правду»[17].

— Ну что же, читаю, так читаю, а голосую себе, как моя свинская натура подскажет…

Про себя же свинья все-таки повторяет:

— Господи, если бы мне рога! Я бы им показала!..

Вот рассуждения либерала-«народовца» («Наша публика») о народе:

— Мужик… крестьянин… его интересы, его просвещение, его организация… Ну, так мы разве против всего этого? Да ведь наша «Просвита», «Народная торговля» с филиалами, «Гуцульский союз», «Гуцульская лавка», читальни… Разве мы не делаем, что можем? Разве не пишем? Мы ведь демократы!..

Нередко, впрочем, сатирические картинки Франко совсем не веселы и не смешны. Очень грустна история простого крестьянского тулупа или сказка о Благополучии — о том, как покарана была помещиком робкая попытка крестьянина отстоять свои скромные права на клочок земли. Иногда же от этих рассказов веет просто жутью: таков рассказ «Odi profanum vulgus!» («Ненавижу презренную чернь!»). Сотрудник большой львовской газеты отрекся от своего побочного сына и сам стал виной его страшной гибели.

Сатирический гротеск в различных рассказах этого жанра весьма многообразен: мы встречаем и широкое использование аллегории и частичное преувеличение образов, в котором, собственно, нисколько не утрачивается чисто реалистический, бытовой тон всего повествования.

Иногда же аллегория применяется у Франко не для того, чтобы сатирически развенчать отрицательное лицо или явление, а, наоборот, чтобы усилить романтический пафос положительного образа.

Так, в рассказе «Древоруб» Франко повествует о человеке, заблудившемся в дремучем лесу жизни. Он встречает древоруба, который волшебным топором расчищает непроходимые чащи, сносит могучие скалы, наконец, разбивает идола, которому

поклоняется темная толпа. Древоруб обращается к человеку:

— Я древоруб, рассекающий заторы на пути человечности, заторы, наложенные дикостью, темной и злой волей. Ты видел часть моей работы?

— Видел.

— Ты знаешь, в чем моя сила?

— Чувствую. Догадываюсь.

— Ты узнаешь ее. И цель понимаешь?

— Понимаю и хочу хотя бы издали увидеть ее сияние.

— Сумей избавиться от этого желания, и цель станет более близкой твоему духу. Не видеть тебе суждено, а идти вперед по пути правды и свободы. Хочешь взяться за эту работу?

— Хочу.

— Пойдешь сквозь шипы без колебания?

— Пойду.

— Так ступай же!

И он дал человеку топор…

•

В предисловии ко второму, значительно расширенному изданию сборника «С вершин и низин», которое вышло в 1893 году, поэт писал:

«Книге этой я оставляю прежнее заглавие, хотя каждый видит, что объем ее почти вчетверо больше, чем в первом издании. Может быть, под прежним флагом не оставит ее и прежнее счастье».

Подводя итоги двадцатилетнего своего поэтического творчества, Франко написал стихотворение «Поэзия». В новом издании сборника он открыл им цикл «Профили и маски».

Человек встречает сотни лиц. Одни из них проходят мимо — и в памяти остаются только их профили. Другие подходят ближе, присматриваешься к ним повнимательней — они оказываются просто масками…

То профиль, то маска — обширное поле! —
Вот все, чем дарит нас убогая доля.

Вот так бы мы жили, убого и хило,
Когда б не поэзии дивная сила.

Людские черты уловив на лету,

Навеки им жизни дает теплоту;

Она беззастенчиво маски срывает
И в душах, как в книге, свободно читает…

XII. ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

Живой горячей кровью Франко наполнял не только свои поэтические образы. Но и тот ежедневный публицистический, литературно-критический, пропагандистский труд, который он неустанно вершил на протяжении всей своей жизни.

На рубеже восьмидесятых и девяностых годов в связи с быстрым ростом рабочего и социалистического движения буржуазные националисты и шовинисты всех мастей — русские, украинские, польские, еврейские — усиливают свою активность.

Они пытаются отравить сознание масс лозунгами национальной розни и «единения» антагонистических классов внутри каждой нации.

Еще в 1888 году Конисский приехал во Львов, чтобы развивать здесь буржуазно-националистическую деятельность и привлечь на свою сторону наиболее популярных украинских писателей, — «народовцы» уже явно потеряли все остатки своего авторитета. Над их изданиями самые широкие круги читателей откровенно смеялись.

Конисский затеял обновить издание захиревшего журнала «Правда» и вел переговоры о сотрудничестве прежде всего с Иваном Франко.

В одном письме Франко передает содержание своей беседы С Конисским. Они выясняли, можно ли найти хоть какие-нибудь точки соприкосновения в их общественно-политической программе.

«Обсуждали мы с ним, — пишет Франко, — политическую программу его «Правды», и я из этого обсуждения вынес очень грустное впечатление.

— В делах внутренних, — говорит Конисский, — нужно без оглядки бить «москвофилов»…

— Между «москвофилами», — говорю я ему, — тоже есть люди честные и искренние, которые делают кое-что для народа.

— Я и сам это знаю, — отвечает он.

— Может быть, — говорю ему, — лучше было бы споры по национальному вопросу оставить в стороне, а на первое место выдвинуть борьбу за реальные интересы народа?

— Да, да, да, это и моя мысль! — заявляет Конисский. — И я ведь тоже ничего другого не хочу! — Вот вам и «договорились» по первому пункту программы!

Второй пункт — отношение к полякам.

— Тут, конечно, федерация! — провозглашает Конисский.

Я прошу его перевести эту абстракцию на конкретный язык.

— Поставим перед поляками, — говорит он, — минимум своих требований: народные школы должны быть украинские, гимназия в Бродах — украинская, Львовский университет — украинский и еще кое-что.

Я говорю:

— Требовать, конечно, можно, но что будет, если поляки не согласятся? А они наверное не согласятся, и ваш минимум покажется им неслыханным максимумом!

На это Конисский не нашел никакого ответа. Я говорю ему:

— Может быть, лучше будет не требовать категорически ничего, пока нет силы взять самим, а первым долгом заняться взаимным познанием да сплотить демократические элементы, и польские и украинские, для борьбы с помещиками и капиталистами?

— Ну, это же само собою разумеется, — сказал Конисский. — Конечно, с правительством у нас не может быть никакого разговора.

— Как же вы с ним намерены поступить? — спрашиваю. — Проповедовать против него революцию?

— Нет, — говорит.

— Так молчать?

— Тоже нет. Нам, по-видимому, нужно бороться с правительством, но просвещением.

— Как же вы это осуществите, когда правительство вам всякое просвещение задушит в самом зародыше?

— Это верно, — говорит Конисский. — Прямо черт его знает, как быть!

— Так что же? Придется вам либо ставить правительству свои «требования», то есть входить с правительством в переговоры (конечно, бесплодные!)… Либо обратиться к организации интеллигенции и народа для борьбы с правительством на каждом шагу и всеми средствами — мирными и насильственными.

— Ну, конечно! — говорит он. — Организация интеллигенции — это же и моя программа!

Таково было наше «взаимопонимание» в отношении политических принципов!..

Если на основании всех этих наших разговоров Конисский написал Вам, что я с ним в отношении принципов договорился, так Вы теперь будете знать, что это на самом деле означает».

Разумеется, договариваться с буржуазными националистами Франко не хотел и не собирался. Перед своим третьим арестом, в 1889 году, он начал издавать с Вислоухом польскую демократическую газету «Друг народа», а с 1890 года стал, кроме

того, выпускать с Павликом украинский двухнедельный журнал «Народ». Специально для крестьян Франко и Павлик предприняли издание газеты «Хлебороб».

В «Друге народа» и в «Народе» Франко печатал много статей и заметок по острым общественно-политическим вопросам, отстаивая ту самую программу, которую излагал в своем разговоре с Конисским. В «Хлеборобе» помешал свои стихи и рассказы.

В 1890 году он вместе с Павликом принял участие в создании новой политической партии, принявшей название «радикальной». Однако в эту партию влилась наряду с подлинно прогрессивной, то есть революционной, также и мелкобуржуазная, разношерстная по своим политическим убеждениям интеллигенция.

Именно это обстоятельство привело к тому, что впоследствии большинство радикальной партии пошло в услужение австро-венгерской монархии.

Франко стремился отстаивать последовательно демократические позиции, но и сам иногда, оценивая различные политические явления, впадал в ошибки. Причиной тому было прежде всего то, что Галиция, входившая в состав «гнилого болота среди стран Европы» — Австро-Венгрии, была страной отсталой и полуколониальной. Рабочее и социалистическое движение здесь было очень незрелым.

А ведь Франко не имел возможности побывать в других странах, поглядеть, как там живет и борется «робучий люд». Кроме того, царское правительство категорически запрещало ему въезд в Россию. А как раз в России в девяностых годах революционное движение перешло на новый, высший свой этап — пролетарский. О русском освободительном движении, о зарождении в России марксистской рабочей партии Франко имел сведения далеко не достаточные.

Художнический взгляд Франко был острее, прозорливее. В своей поэзии и прозе он постигал социальные явления глубже, чем умел это сделать в своих публицистических и политических выступлениях. Несмотря на благотворное влияние учения Маркса и Энгельса, марксистом Франко не стал. И в своих теоретических работах он нередко обнаруживал непонимание важных вопросов: руководящей роли пролетариата в социалистической революции, некоторых особенностей участия в революции крестьян, некоторых существенных сторон национально-освободительного движения.

Но Франко самоотверженно отдавал все силы борьбе против полицейского режима и буржуазно-помещичьего строя Австро-

Венгрии.

Он проводил неустанную пропаганду среди крестьян. В начале 1891 года принимал участие в народном вече в Коломые, в 1894 году — в селе Купчинцах на Тарнопольщине.

Иванна Блажкевич, сельская учительница, вспоминает, как Франко приезжал в Купчинцы: «Вече происходило на площади у церкви… Море голов, и всюду слышны слова: «Иван Франко будет говорить!»

…Писатель поднялся на возвышение. Он был в сером костюме, черной шляпе. Из-под расстегнутого потертого пиджака виднелась широкая вышивка рубашки. У ворота — красный шнурок. По лицу писателя было видно, что он несколько утомлен. Франко снял шляпу и почтительно поклонился крестьянам. Наступила тишина.

— Уважаемое общество! Народ!..

Говорил не очень громко, старался казаться спокойным, хотя в нем так и бурлила энергия.

Франко говорил не о каких-то там теоретических вещах, не о мировой политике. Говорил просто, как равный с равными, о том, что накипело в крестьянской душе, говорил о нашей кривде, об эксплуатации рабочих рук. Время от времени он прерывал свою речь, обращаясь к слушателям:

— Вы же знаете это…

— Знаем, знаем, — твердо отвечал народ.

— Вы эту кривду переносите на своих плечах…

— Ой, переносим, еще как переносим… Чтоб этим лодырям было так «легко» умирать, как нам жить…

— Поля политы вашим потом, орошены кровью вашей и ваших дедов. Вы горько трудитесь, а что получаете за свой труд? За какой сноп жнете?

— За десятый, за двенадцатый, — с горечью отвечал народ.

Усыпленное сознание будил Франко. Он говорил, что нужно бороться с эксплуатацией. Говорил, что участь рабочих людей в их руках, что народы в других странах поднимаются на битву за свои права, — так разве мы хуже их?

На этом собрании в нашем селе Франко бросил неизвестное еще нам в то время слово «забастовка».

— Пускай помещики сами обрабатывают землю, пускай собирают урожай. А ну-ка, посмотрим, обойдутся ли без крестьян?

— И то правда! — воскликнули мужчины. — Но если б единство было у народа…

— Сплотимся, объединимся, все за одного, один за всех! Изберем комитет.

— Эх, где уж, где бедняку против богача… — недоверчиво покачивали головами старухи, еще помнившие барщину. А молодежь верила в силу огненного слова Франко.

Вече закончилось, а народ не расходился.

Сразу после веча организовался забастовочный комитет…»

•

Небольшое приданое жены Франко до сих пор лежало нетронутым. Теперь было решено, что лучшим для него применением будет издание «толстого» журнала, о котором Франко и Ольга когда-то мечтали, гуляя вместе над обрывами Днепра.

Тогда и название его само собой приходило на ум: речь ведь шла о том, чтобы слово служило жизни, значит так и нужно назвать журнал — «Жизнь и слово»!

Первый, январский номер нового журнала за 1894 год вышел еще в конце 1893 года. На обложке значилось: «Жизнь и слово. Вестник литературы, истории и фольклора. Издает Ольга Франко».

Франко привлек к участию в журнале лучшие силы украинской литературы. В «Жизни и слове» печатались Коцюбинский и Леся Украинка, Грабовский и Маковей.

В первых номерах Франко опубликовал свой роман «Основы общества», новые стихи («Из путевых заметок»), переводы из Горация, Овидия, Пиндара, Гюго, трагедию Софокла «Царь Эдип».

И все же успех журнала был, что называется, успехом чисто «духовным», а не материальным.

Франко писал в Россию Крымскому 12 января 1894 года: «Первая книжка «Жизни и слова» произвела у нас (в Галичине) хорошее впечатление, о ней заговорили в прессе и в частных кружках, однако подписка пока еще идет слабо…»

Журнал отнимал у Франко огромное количество времени и энергии. Только при своей из ряда вон выходящей работоспособности Франко мог так напряженно трудиться. Он рассказывает в другом письме к тому же адресату:

«Нужно — Вам знать, что я один-одинешенек, только с помощью больной жены, веду всю техническую сторону издания (журнала): корректуру, просмотр рукописей, переписку и заграничную рассылку. Притом я живу (ради свежего воздуха для жены и детей) за полтора километра от города и вынужден каждый день бегать самое меньшее два раза туда и два раза

обратно, а иногда и по три раза и больше. Вынужден полдня сидеть в редакции «Львовского курьера» и писать всякий винегрет для ежедневной газеты, а вторые полдня нянчить детей, которые не дают ни писать, ни читать, так что за свою работу сажусь я только в девять или десять часов вечера и сижу до двенадцати, до часу или до двух ночи. А вдобавок еще у меня болят глаза. Вот и представьте себе те обстоятельства, в которых издается «Жизнь и слово». Если бы Вы знали, какой тяжелой драмой становится в такой обстановке ежедневная жизнь человека!»

Все-таки журнал «Жизнь и слово» издавался на протяжении четырех лет, по 1897 год включительно. Кроме художественных произведений, Франко помещал здесь историко-литературные и литературно-критические статьи, постоянно публиковал архивные и фольклорные материалы под рубриками «Из старинных рукописей», «Из уст народа», «Материалы и комментарии к истории австро-украинского возрождения», «Из переписки наших литературных и политических деятелей».

На журнал отозвались многие украинские, польские, русские и немецкие издания. В московском журнале «Этнографическое обозрение» Агафангел Крымский писал: «Журнал «Жизнь и слово», издаваемый на языке малорусском, примкнул по своему содержанию к научному движению общерусскому и старается знакомить галичан с русской наукой. Подчеркиваем это обстоятельство потому, что оно должно считаться даже подвигом гражданской доблести: в австрийской Галичине гораздо выгоднее было бы нападать на все русское и кричать о неспособности великороссов к культуре».

•

Осенью 1894 года Франко сообщал Драгоманову: «А Огоновский учинил нам неожиданность: взял да и умер… Я обращаюсь на днях с просьбой о месте, на основании моей работы об Иване Вышенском… Профессора обнадеживают меня, что к доцентуре меня допустят». Иван Франко просил предоставить ему в университете «чтение лекций по истории литературы и этнографии украинской».

В январе следующего года Франко писал, что дело с университетом еще не решено и «когда решится, пока что не знаю… Это будет зависеть от политических властей, а здесь господская милость ездит на пестром коне[18], я же никогда не владел талантом добиваться господской милости…».

В марте Франко предложили прочесть пробную лекцию. 22 марта он ее прочитал — на тему «Поэма Т. Г. Шевченко «Наймичка». Было единогласно постановлено ходатайствовать перед министерством просвещения об утверждении Ивана Франко доцентом украинской литературы и этнографии.

Однако в дело вмешались власти, и не бое участия украинских буржуазных националистов.

Франко обязан был явиться к наместнику Галиции графу Казимиру Бадени с визитом. Наместник принял Франко, и между ними произошла следующая беседа:

Наместник. Да, господин Франко, ваша докторская степень, ваша просьба о месте во Львовском университете — все это прекрасно, но как же я могу Допустить, чтобы сотрудник «Львовского курьера» вдруг стал университетским профессором?

Франко. Ваше сиятельство, я ходатайствую о праве читать лекции не как сотрудник «Львовского курьера», а на основании моей научной работы…

Наместник. Вы женились на девушке из России?

Франко. Да.

Наместник. И взяли за нею приданое?

Франко. Да, ваше сиятельство, около трех тысяч рублей, как раз столько, чтобы в случае нужды не тотчас умереть с голоду.

Наместник. У вас четверо детей, и они до сих пор не крещены.

Франко. Да, ваше сиятельство.

Наместник. Ну, видите, я хорошо осведомлен. Посмотрю, что можно сделать для вас. Только, знаете, свою агитаторскую деятельность вы должны немедленно и навсегда оставить. Итак, до свидания, господин Франко!

Беседа эта происходила в марте. Когда «дело» о назначении Франко в университет было отправлено из Львова в Вену, в министерство, начальник галицкого краевого школьного совета профессор Бобринский сказал писателю:

— Видите ли, сударь, политического агитатора на кафедре мы не потерпим! Но в конце концов это мое личное мнение. Я этого дела не решаю. Решение зависит от министерства просвещения.

Франко прекрасно знал, что «личное мнение» наместника или начальника всех учебных заведений Галиции было почти решающим, но все-таки поехал в Вену и добился приема у министра просвещения, робкого и вежливого д-ра Риттнера, который сказал, что министерство, разумеется, со своей стороны ничего не имеет против того, чтобы ему было предоставлено чтение лекций во Львовском университете.

Памятник на могиле Ивана Франко во Львове.

Издания произведений Ивана Франко и книг о нем на языках народов СССР.

— Все здесь зависит, — добавил министр, — от львовского наместничества. Мы запросим его мнение. А до этого, пожалуйста, потерпите…

В Вене Франко случайно встретил своего бывшего

преподавателя, посла (депутата) австрийского парламента Ксенофонта Охримовича и рассказал ему вкратце свою одиссею.

— Эх, и удивительные же вы люди! — воскликнул господин посол не без добродушия. — Мучитесь, хлопочете о разных делах, которым грош цена! А вот меня мучит бессонница и несварение желудка, что же мне прикажете делать?

И, снисходительно покосившись на Франко и похлопывая себя по животу, Охримович заключил:

— Здоровье, господин Франко, самое главное в жизни — это здоровье!

…Решением от 18 июля 1895 года министерство в Вене отклонило ходатайство Львовского университета об утверждении Ивана Франко приват-доцентом украинской литературы и этнографии, о чем он был извещен официально 26 августа, хотя неофициально — узнал гораздо раньше.

Как мы теперь знаем, важную роль в отстранении Франко от преподавания играл ненавидевший поэта-революционера львовский митрополит, закоренелый мракобес и иезуит Сильвестр Сембратович…

•

Поражение, однако, не подкосило писателя.

В том же году он активно участвует в предвыборной кампании. Выборы в парламент производились в обстановке террора и репрессий. Правительство с помощью полиции и буржуазной прессы добивалось того, чтобы в послы могли попасть только желательные ему лица.

Заглушался каждый свободный голос, пресекалась каждая попытка протестовать против навязывания избирателям угодных властям кандидатов.

Выступая 22 сентября на собрании избирателей Львова, Франко говорил:

— Мне не хватает слов, чтобы охарактеризовать чувства, обуревающие каждого при известии о том, что творится в настоящее время у нас в провинции. Целые уезды находятся прямо на военном положении. Избирателям посылаются повестки, вызывающие их в суд, на расправу. Их даже арестуют. И все это для того, чтобы народ не мог голосовать так, как ему диктует гражданская совесть… Можно легко себе представить, что будет делаться на самих выборах, если уже перед выборами чинятся такие злоупотребления!

При дополнительных выборах депутата в парламент от округа Перемышль — Мостиска — Добромиль крестьяне выдвинули кандидатуру Ивана Франко. «Я, — писал Франко, — испробовал «полную законность» галицких выборов, так сказать, на собственной шкуре». По австрийским законам более половины населения — женщины, беднейшее крестьянство, городские и промысловые рабочие — к выборам совсем не допускалось.

В результате запугивания, подтасовок и при голосовании и при подсчете Франко получил меньше голосов, чем его «соперник» на выборах — помещик Тышковский…

Избирательный комитет села Мостиски писал, что Иван Франко, «мужицкий сын, выросший в горькой беде, на черном хлебе и на гнилой капусте, на протяжении всей своей жизни защищал интересы трудящихся. Иван Франко за защиту крестьян терпел ужасные преследования, но не переставал резать прямо правду господам. В газетах, в книгах, в песнях он говорил о мужицких нуждах да о мужицких кривдах…».

Разве этого было недостаточно, чтобы любой ценой организовать «провал» Франко?! И обошелся этот «провал» помещику Тышковскому и его покровителям всего в восемь или десять тысяч рублей!

Трижды выставлялась кандидатура Франко в парламент — и трижды его не допускали к избранию.

Особенно памятны были всем «кровавые баденовские выборы» весной 1897 года, получившие свое наименование от имени того же графа Казимира Бадени, бывшего галицкого наместника, а с 1895 года — премьер-министра Австрии.

Франко во время предвыборной кампании много ездил по деревням, выступал на митингах.

Старик Лука Ищук из села Добромирки на Тарнопольщине рассказывает о приезде к ним писателя:

— Я вспоминаю Франко, простого человека; был он в шитой украинской рубашке, с утомленными, но ясными глазами, с запыленным с дороги лицом. Я говорил с Франко, задал ему несколько вопросов, на которые он дал мне ясные ответы. Своими ответами на вопросы крестьян, своею речью, с которой он выступил на митинге, Франко завоевал у нас необыкновенное к себе уважение. Это был искренний, самоотверженный человек, боровшийся за счастье трудового народа.

В Збаражский уезд Франко приехал как раз в начале уборки. Народ был очень занят в поле, но известие о приезде народного писателя облетело все 'окрестные деревни. И в Збараж потянулись крестьяне.

Собрание проводили в заезжем дворе тайно от полиции.

Крестьянин Левко Остапчук вспоминает:

— Франко говорил очень просто, доходчивым языком. Он умел зажечь в сердцах бедняков ненависть к тем, кто угнетает народ. Говорил… о том, что кривда царит на свете, а правда упрятана в господской темнице.

«Но помните, — говорил Франко, — что настанет такой день, когда народ сам откроет окованные железом двери темницы и выпустит оттуда правду. Тогда навеки исчезнут и кривда и те, кто ее породил, — господа!»

В Збараже, в окрестных деревнях Франко встречался с местной интеллигенцией. Кое-кто сочувствовал крестьянам, а кое-кто тянул руку помещиков и правительства.

Лука Ищук вспоминает, как к Франко подошел его давний знакомый по Львовскому университету поп Заячковский. На приглашение Заячковского зайти к нему писатель отвечал:

— Наши с тобой дороги давно уже разошлись! — и не пошел с ним.

…Во время «кровавых баденовских выборов» происходили столкновения избирателей с полицией. В результате было, даже по официальным данным, убито 10, ранено 30 и арестовано свыше 500 человек.

Франко рассказывал, что мимо его окон проводили сотни закованных в кандалы людей, и украинцев и поляков, схваченных только за то, что они осмелились голосовать за своих кандидатов, в частности за кандидатуру Ивана Франко.

«Можно смело заявить, — писал Франко, — что последние выборы — это было испытание огнем для нашей интеллигенции: все, что в ней было трусливого, бесхарактерного, подлого и продажного, притаилось, расползлось или попряталось под крылышко жандармов и старост. А все, что было честного и самоотверженного, стало стеной на защиту интересов народа, шло на борьбу, получало взбучку, испытывало поношения или даже отсиживалось по тюремным казематам…»

•

В это время Франко еще раз ясно увидел подлинное лицо буржуазно-националистических болтунов, и украинских и польских. И в 1897 году появилась его статья, которая произвела впечатление разорвавшейся бомбы.

Это было предисловие к сборнику «Галицкие картонки» — «Кое-что о самом себе» (на польском языке). Писатель разоблачал

фальшивые, до дна лживые заявления украинских буржуазных националистов о их мнимой «любви» к своему народу. И этим лицемерным заявлениям противопоставлял подлинную любовь к трудящимся, неразрывно связанную с борьбой против всего, что мешает развитию народных сил.

Вспоминая, как его всю жизнь преследовали украинские буржуазные националисты, не допустившие в университет, способствовавшие его травле и арестам, Франко восклицал: «Прежде всего признаюсь в том грехе, который многие патриоты считают моим смертельным грехом: не люблю русинов… Признаюсь и в еще более тяжком грехе: даже нашу Русь я не люблю так и в такой степени, как это делают или притворяются, что делают, наши патентованные патриоты!..»

«Русины», «Русь» — это, конечно, совсем не Украина и не трудовой, угнетенный и бесправный народ, которому Франко отдавал все свои силы, всю свою жизнь.

Об этом Франко говорит: «Как сын украинского крестьянина, вскормленный черным крестьянским хлебом, трудом жестких крестьянских рук, чувствую долг страдой всей жизни отработать гроши, дарованные крестьянской рукой на то, чтобы я мог выбиться на вершину, где виден свет, где дышит свобода, где сияют человеческие идеалы».

Подлинный патриотизм — это не сентиментальная болтовня, прикрывающая измену делу своего народа, а самоотверженное служение интересам трудящихся.

«Я могу содрогаться, могу втихомолку проклинать свою судьбу, возложившую на мои плечи это бремя, но сбросить его не могу, другой отчизны искать не хочу, чтобы не быть подлецом перед собственной совестью.

И если что-нибудь облегчает мне его нести, так это то, что я вижу, как украинский народ, хотя и угнетенный, погруженный долгие столетия в темноту и невежество и в настоящее время нищий, бесправный и беспомощный, все же постепенно поднимается, ощущает в более и более широких массах жажду света, правды и справедливости и ищет к ним путей.

Значит, стоит трудиться для этого народа, и никакой труд не пропадет даром!»

Буржуазные националисты подняли невероятный шум, как только появилась в печати эта гневная, острая статья Ивана Франко. «Дело» и «Галичанин», официозная и клерикальная печать, беснуясь, поливали Франко помоями, а «седоглавый» вождь «народовцев» Юлиан Романчук в своей статье «Печальное явление» заявил, что «д-р Франко вообще не понимает, что значит любовь».

В своем ответе Романчуку, озаглавленном «Седоглавому», Франко говорил:

Ты, братец, любишь Русь,
Я ж не люблю, бедняга!
Ты, братец, патриот,
А я — всего дворняга.

Ты, братец, любишь Русь,
Как любишь хлеб и сало, —
Я ж лаю день и ночь,
Чтоб сном не засыпала.

Ты, братец, любишь Русь,
Как пиво золотое, —
Я ж не люблю, как жнец
Не любит в поле зноя.

Ты, братец, любишь Русь,
Одетую картинно, —
Я ж не люблю, как раб
Не любит господина.

Ведь твой патриотизм —
Одежда показная,
А мой — тяжелый труд,
Горячка вековая.

Ты любишь в ней господ,
Блистанье да сверканье —
Меня ж гнетет ее
Извечное страданье.

Ты любишь Русь, за то
Почет тебе и слава, —
А предо мною Русь
Избита и кровава.

Ты, братец, любишь Русь,
Как заработок верный, —
Я ж не люблю ее
Из-за любви чрезмерной!

Так заклеймил Иван Франко лицемерие и корыстолюбие

мнимых украинских «патриотов».

Нашумела и другая статья Франко — об Адаме Мицкевиче, — опубликованная в то же время в прогрессивной венской газете «Время».

В конце девяностых годов, накануне столетнего юбилея со дня рождения великого польского поэта Адама Мицкевича, польские буржуазные националисты пытались поднять на щит его отдельные и временные заблуждения в духе идей «польского мессианизма». А поэму Мицкевича «Конрад Валленрод», где развенчивается герой-одиночка, оторвавшийся от народа и ставший на путь предательства, польские шовинисты намеренно фальсифицировали, поднимая «валленродизм» как своеобразный «метод» защиты национальных интересов путем лжи и измены.

Франко в своей статье обрушился на эти «теории» польских националистов. Однако в пылу полемики он допустил неправильные обобщающие формулировки, которые тотчас же были истолкованы реакционной польской печатью как выпад против всей польской нации и поношение польского национального гения — Адама Мицкевича.

Разумеется, это было передержкой. Мицкевича Франко, как и все выдающиеся украинские поэты — Шевченко, Шашкевич, Федькович, Леся Украинка, — не только высоко ценил, но и считал своим учителем. Франко в специальной статье анализировал большое и благотворное влияние великого польского поэта на украинскую литературу и при этом указывал:

«По моему мнению, влияние Мицкевича в украинской литературе сейчас не только нельзя признать завершенным, но, напротив, по мере более сильного и широкого развития этой литературы вполне разовьются здоровые семена, посеянные гением польского поэта в ряде поколений украинского народа».

Тем большей ложью было обвинение Франко в «нелюбви» ко всему польскому народу и его национальной культуре. Отвечая клеветникам, Франко заявлял:

«Самоотверженные польские патриоты называют меня врагом поляков. Что отвечать мне на это обвинение? Сослаться ли на свидетельство тех поляков и полек, которых я люблю, которых высоко ценю и к которым питаю самое глубокое уважение?

Нет, пойду более прямым путем и скажу откровенно: да, не люблю чересчур самоотверженных патриотов, у которых уста всегда полны Польшей, а сердце холодно к бедствиям польского крестьянина и батрака.

Скептически анализируя свой собственный украинский патриотизм, прилагаю ту же самую мерку и к патриотизму патентованных польских патриотов: не могут они мне нравиться.

И я не удивляюсь, что они платят мне той же монетой да еще с хорошим процентом!»

У каждого народа симпатии Франко привлекают трудящиеся массы и те политические и культурные деятели, которые служат интересам этих масс. «Говорят обо мне, — пишет Франко, — что я ненавижу польскую шляхту. Если к польской шляхте причислить Ожешко и Конопницкую, Пруса и Ленартовича, Остою и Карловича, — так это мнение обо мне окажется совершенно неверным, потому что эту подлинную польскую шляхту, этот благородный цвет польского народа я ценю и люблю, как люблю всех благородных людей собственного и каждого другого народа».

Однако польская буржуазная пресса своими воплями и клеветой добилась того, что ряд польских деятелей и представителей студенческой молодежи выступили против Франко. Он вынужден был уйти из редакции польской газеты «Львовский курьер», в которой проработал десять лет без перерыва.

Дочь Франко, Анна Ивановна (по мужу Ключко), рассказывает, что однажды на писателя было даже организовано покушение:

— Один отъезд в деревню для меня особенно памятен… Мы все вышли из дому, вынесли вещи и уложили в фаэтон, уже ожидавший нас. Но отец был как-то неспокоен и осматривался по сторонам, приподнявшись на сиденье. Как вдруг из-за угла выскочил какой-то человек и выстрелил в отца, но, к счастью, не попал. Отец побледнел, но начал нас успокаивать, чтобы не пугались и что это будто бы не в него стреляли. Позднее я узнала и поняла из разговоров, что это был один поляк, который хотел отомстить отцу за то, что он назвал в своей статье Мицкевича певцом измены. Это было в 1897 году…

•

Писатель очень тяжело переживал эту травлю. А к тому же еще добавилась и тяжелая болезнь: Франко стал плохо видеть, с трудом читал и писал…

В грустном настроении написал он два новых сборника своих стихов — «Увядшие листья» (1896 г.) и «Мой Измарагд»[19] (1898 г.).

Грустью овеяны здесь многие строки, о которых сам Франко скажет в предисловии ко второму из названных сборников:

«В последнее время тяжелая болезнь, сделавшая меня

Неспособным к другой работе, дала мне возможность написать большую часть того, что здесь напечатано. Значительная часть помещенных здесь стихотворений это подлинные «Schmerzenskinder» («дети тоски»). Я писал их в темной комнате, с зажмуренными больными глазами. Возможно, это мое физическое и душевное состояние отразилось и на физиономии этой книги».

И вместе с тем поэт не поддавался минутным настроениям. В своей поэзии он по-прежнему был верен идее и чувству долга.

И ему было горько, что даже некоторые друзья не поняли его «Увядших листьев», увидели в них пессимизм и «декадентство». Они попросту пропустили без всякого внимания, что эту книгу Франко снабдил предисловием, в котором разъяснял идейный смысл созданного им художественного образа отчаявшегося неудачника, кончающего жизнь самоубийством. Франко здесь писал:

«Герой этих стихов, тот, кто в них выявляет свое я, — покойник. Это был человек слабой воли, но бурной фантазии, с глубокими чувствами, но малоприспособленный к практической жизни. Судьба обычно насмехается над такими людьми. Кажется, что сил, способностей, охоты трудиться у них много, а между тем они никогда ничего путного не сделали, ни на что большое не отважатся, ничего в жизни не добьются. Сами их порывы не видны для постороннего глаза…»

Казалось бы, совершенно ясно, что Франко в своей поэтической книге задался целью не воспеть, а развенчать, разоблачить своего никчемного героя. Он так и заканчивает предисловие: «Может быть, эта беда похожа на оспу, которая лечится прививкой оспы? Может быть, изображение страданий и горя больной души излечит некоторые больные души в нашем обществе?.. Я публикую эти стихи для нашего молодого поколения со словами Гёте: «Будь человеком и не следуй моим путем!»

И все-таки даже Василий Щурат выступил в «Заре» с порицанием «пессимизма» Франко и с обвинением в «декадентстве».

Иван Франко отвечал Щурату на его обвинения стихотворением «Декадент»:

Да, в этих песнях — боль, печаль, забота,
Так жизнь сошлась, дорога ведь крута.
Но есть в них, братец, и другая нота:
Надежда, воля, светлая мечта.

Я не люблю печалиться без цели,

Бесплодно слушать, как звенит в ушах;
Пока я жив, я жить хочу на деле,
Борьба за жизнь меня не вгонит в страх…

Какой я декадент? Я сын народа,
Который рвется к солнцу из берлог.
Мой лозунг: труд, и счастье, и свобода,
Я сам — мужик, пролог, не эпилог!..

И в своеобразном диалоге между поэтом и родиной — в двух стихотворениях: «Говорит поэт» и «Говорит Украина» — Франко сталкивает это субъективное чувство отчаяния и объективное требование жизни, общества, народа. Поэт жалуется:

Вниз катится мой воз. Как все на свете,
Цветы увяли, тяжелее путы.
Не для меня горит мечта столетий!
Да, битву с жизнью проиграл я, дети!..

О мать моя, родная Украина!
Не упрекай меня, что ты разута,
За то, что ты ни крохи ни единой
Не дождалась, несчастная, от сына!

Но Украина отвечает отчаявшемуся поэту:

Мой сын, ты б меньше суесловил,
Слез над собою меньше пролил
И долю меньше попрекал!..

Чем ты обижен? Что порою
Крик поднимали над тобою:
«Не любит Украины он!»?

Наплюй! Я, сын мой, лучше знаю
Всех этих «патриотов» стаю,
Их сладких фраз дешевый звон.

И поэт продолжает верой и правдой, словом своим служить Украине, ее обездоленному народу.

XIII. ВО ИМЯ СВЕТЛОГО ЗАВТРА

В своем стихотворном сборнике «Мой Измарагд» Франко поместил большой цикл коротких философских стихотворений — по две, четыре, шесть строчек — о той же непоколебимости духа, несокрушимости воли…

Мужню силу хоч похилить горе,
Та не зломить, в підлість не поверне;
Так і свічку хоч схили додолу,
Свого світла вниз вона не зверне.

Обрубане дерево знов зеленє,
І місяць із серпа знов повний стаіє,
Се бачучи, чесні, не тратьте надії,
Хоч доля гнівная вас гонить і б'є[20].

Так и Франко, подобно дубу, остался крепок духом, хотя его физические силы шли на убыль.

В трудную годину он видел, как много у него искренних, преданных друзей. В те самые тяжелые дни, когда со всех сторон сыпались на Франко упреки в том, что он «не любит Украину» и «чернит польский народ», Осип Маковей выступил в черновицкой газете «Буковина» со статьей в защиту поэта, озаглавленной «Любит или не любит? (Громы на д-ра Ивана Франко)».

Маковей писал: «Громы сыплются на голову Ивана Франко и из польской и из украинской печати…»

И тут же замечал, что это вполне естественно: гром всегда бьет не в куст, а в самое высокое дерево. У других народов Франко считался бы кумиром — «у нас его отравляют отчаянием…».

В то же время группа из 22 польских студентов подписала протест против травли Франко: «Д-р Франко — это один из самых пламенных глашатаев прогресса в нашей стране. Многие реакционные газеты за это давно его преследуют по любому поводу…»

Прогрессивная молодежь заявляла, что никакая клевета не способна очернить «человека, который ради торжества своих убеждений отрекся от блестящей карьеры, не раз ему улыбавшейся». К этому протесту двадцати двух присоединились еще 57 студентов, и эти материалы в защиту Франко были

отпечатаны отдельной брошюрой на польском языке под названием «Голоса польской студенческой молодежи по делу д-ра Ивана Франко».

В противовес реакционной и националистической травле Франко демократические круги решили организовать торжественное празднование его юбилея — 25-летие литературной деятельности, исполнявшееся в 1898 году.

Приветственные телеграммы, адреса прислали Ивану Франко организации и отдельные лица из Петербурга и Москвы, Праги и Софии, Варшавы и Черновиц. На юбилейном вечере выступали крестьяне Галичины. Один из них сказал о Франко так:

— Весь свой труд, всю свою жизнь он посвятил мужикам, и тягчайшие удары не отстранили его от борьбы за правду, за добро и свободу.

•

Во Львове в 1898 году начал издаваться новый журнал — «Литературно-научный вестник». В состав редакции «Вестника» пригласили и Ивана Франко.

Однако в новом журнале писателю не довелось быть хозяином положения: господствующие позиции здесь захватили буржуазные националисты во главе с историком Михаилом Грушевским, лютым ненавистником демократической культуры.

Вскоре положение Франко в редакции «Литературно-научного вестника» стало настолько тяжелым, что в одном письме он даже написал: «Меня так эксплуатируют, что прямо жить не хочется. Я должен держать корректуру чужих работ, исправлять переводы таких переводчиков, которые не годятся ни к беллетристике, ни к научным делам; и я должен подчиняться, потому что все мое существование под угрозой. От этой работы я совершенно ослеп и оглох…»

Так до конца своих дней Франко должен был бороться за кусок хлеба. Нельзя без волнения читать письма великого писателя к одному из редакторов известного русского «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона — С. А. Венгерову, который заказал Ивану Франко для этого словаря статью об украинской литературе. После того как статья была написана (и помещена в 81-м полутоме словаря), Франко писал 15 октября 1904 года:

«Не интересуется ли какая-нибудь из редакций петербургских журналов галицкими делами настолько, чтобы захотела

напечатать одну-две статьи в год о Галиции? Я мог бы давать путевые очерки по разным углам Галиции, этюды из общественной и политической жизни. Или, может быть, кому-нибудь была бы интересна моя беллетристика? Нужно Вам знать, что я зарабатываю на хлеб главным образом корректурой и научная работа является для меня только роскошью, доступной мне только кой-когда, да и то переутомленному убийственной механической работой..»

Ко всем этим невзгодам и жизненным трудностям присоединилась еще болезнь, постепенно лишившая Франко возможности двигать руками и в конце концов преждевременно сведшая его в могилу.

•

Разочаровавшись в деятельности радикальной партии, Франко вышел из ее состава. С конца девяностых годов его взоры все чаще обращаются к борьбе молодых русских марксистов, социал-демократов.

Еще в 1896 году Франко опубликовал в журнале «Жизнь и слово» статью Георгия Валентиновича Плеханова «Революционное рабочее движение в России», подписанную только инициалами «Г. В.». Здесь же помещалась информация о деятельности в Петербурге руководимого Лениным «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

В статье русского социал-демократа П. Л. Тучапского (Лукашевича) «Новые факты рабочего движения в России» приводились большие отрывки принадлежавшей перу Ленина революционной листовки «Царскому правительству».

Иван Франко постоянно поддерживал активные связи с русскими революционерами. Сначала с революционными народниками: Лавровым, Степняком-Кравчинским, потом с Плехановым и с организациями «Искры».

В 1897 году началась дружба писателя с одним из старейших деятелей большевистской партии, Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем, который рассказал об этом в своих интереснейших воспоминаниях «Моя переписка с Иваном Франко». Здесь Бонч-Бруевич приводит слова Плеханова о Франко.

— В Галиции, — говорил Плеханов Бонч-Бруевичу в 1896 году, — живет Иван Франко, чрезвычайно интересный человек, который все больше и больше склоняется к социал-демократии,

изучая марксизм, а его близкий товарищ Павлик тоже внимательно изучает марксистскую теорию и даже издал «Эрфуртскую программу» на русском языке в своем переводе… Я очень советую вам списаться и с тем и с другим. Сошлитесь на меня, что я дал вам их адреса, и поддерживайте с ними знакомство. Им следует посылать нашу литературу и всеми мерами пытаться направлять на наш социал-демократический путь.

Бонч-Бруевич завязал с Франко переписку, посылал ему демократические издания. «С 1900 года, — вспоминает он, — начала издаваться ленинская «Искра». С первого номера газеты, даже, начиная с заявления редакции о ее выходе, я всегда высылал Ивану Франко номер за номером, а также все главнейшие издания революционной социал-демократии, в том числе произведения В. И. Ленина «Что делать?» и «Шаг вперед, два шага назад».

Весной 1902 года в Лондоне образовалась социал-демократическая организация «Жизнь». Она издавала под тем же названием журнал. По инициативе Бонч-Бруевича к участию в журнале был приглашен Франко, и он даже прислал в редакцию свою большую корреспонденцию, озаглавленную «Из Галиции».

Однако в связи с прекращением издания журнала статья Франко опубликована не была, и Бонч-Бруевич ее передал в «Искру». По его словам, Ленин читал статью, одобрительно отнесся к ней и намеревался напечатать в одном из номеров «Искры».

Есть все основания предположить, что это именно та статья, которая появилась в № 26 «Искры» от 15 октября 1902 года, хотя и в сокращенном виде. В этой статье говорилось: «И помещики и попы связаны между собою крепкими узами — эксплуатацией крестьянской нищеты и темноты…»

•

В дни революции 1905 года в России Франко выступил с поддержкой русского народа. Именно в это время он писал: «Мы все русофилы, слышите, повторяю еще раз: мы все русофилы. Мы любим великорусский народ и желаем ему всяческого добра!»

Когда был арестован великий русский певец революционного пролетариата Максим Горький, Франко напечатал статью о Буревестнике революции. Протестуя против репрессий по отношению к Горькому, Франко называл его «одним из светочей

русского народа», «украшением русской литературы» и подчеркивал, что Горький «был простым рабочим, испытал и голод, и холод, и всевозможную нужду».

Для Франко Горький велик тем, что он «выступал как вдохновенный апостол человеколюбия», тем, что в произведениях его звучал «горячий призыв к борьбе с нынешними гнилыми порядками в России». «Вот почему, — заключал Франко свою статью «Максим Горький», — взоры всего мира обращены сегодня к Горькому».

И Горький тоже чрезвычайно любил Франко, пропагандировал его творчество среди русских читателей, печатал переводы рассказов Франко в петербургском журнале «Жизнь», где одно время руководил отделом художественной литературы.

Под впечатлением событий первой революции в России Франко создает свою самую замечательную и самую автобиографическую поэму — свою лебединую песню «Моисей». Могучий пафос народной борьбы воплощен в этом последнем произведении Франко.

Вспоминая свое посещение писателя в 1906 году, Михаил Коцюбинский писал: «Это было два года назад, когда я в последний раз виделся с ним. В своем бедном домике сидел он за столом и плел рыбацкие сети, как нищий апостол. Плел сети и писал свою поэму «Моисей». Не знаю, поймал ли он в свои сети рыбу, но душу мою пленила его поэма!»

Подвиг народного вождя, направляющего путь народа от рабства к свободе, в Обетованную землю, — это подвиг самоотверженного служения народу:

Что имел, отдал все до конца
Он единой идее,
И горел, и сиял, и страдал,
Весь проникнутый ею.

В предисловии к «Моисею» Франко определяет тему своей поэмы так: «Моисей — непризнанный пророк, сорок лет кочующий со своим народом в пустыне… Я попытался представить Моисея на склоне лет, в глубокой старости, когда он уже близко подошел к Обетованной стране, но тщетно старается склонить свой народ к вступлению в эту страну… Основною темою поэмы я избрал смерть Моисея как непризнанного своим народом пророка. Эта тема в таком виде не библейская, а моя собственная».

Драма народа, стремящегося к свободе, к лучшему будущему,

в том, что он начинает сомневаться в возможности достичь великой цели:

И, отчаясь, народ возроптал:

— Как солгали пророки!

По наущению предателей Авирона и Датана народ отрекается от своего вождя.

Но трагедия Моисея в том, что на мгновение поколебалась и его вера в торжество правды.

И вот он наказан — он гибнет у самого входа в Обетованную землю:

«А сомнение в воле моей
Тем ты нынче искупишь,
Что, узрев долгожданный тот край,
Сам в него ты не вступишь.

Тут истлеют останки твои:
Пусть урок этот строгий
Те запомнят, что, к цели спеша,
Умирают в дороге!»

На место погибшего вождя, однако, встанет простой человек из народа, конюх Егошуа. И он призовет: «За оружие! К бою!»

Ничто не может изменить закономерного хода исторического процесса — ведь в конечном счете побеждает разум, побеждает истина, побеждает народ;

Миг один — и очнется народ,
Сбросив оцепененье,
И никто, и никто не поймет,
Что виной пробужденья!

Миг один — и подхватит тот крик
Вся людская громада,
И родится могучий герой
Из ленивца-номада.

В грязь размесят пустыни песок,
Вдаль стремясь неустанно,
Авирона камнями побьют
И повесят Датана.

Люди стремятся к заветной цели, пренебрегая трудностями,

преодолевая опасности, но веря в будущее.

И пойдут в неизвестность веков,
Полны скорбной тревоги,
Пролагая в грядущее путь,
Умирая в дороге…

Ход истории бесконечен, но не бесконечны поиски добра и справедливости.

Своей поэме Иван Франко предпослал пролог, в котором, обращаясь к украинскому народу, он пророчески говорил:

…Ужель напрасно столько душ горело
К тебе наисвятейшею любовью,
Всем жертвующей радостно и смело?

Ужель напрасно край твой полит кровью
Твоих борцов? И больше не подняться
Ему в красе, свободе и здоровье?..

Нет, поэт твердо верит в прекрасное завтра своей родины:

Но час придет — и ты в венце багряном,
В кругу народов, вольных, чуждых боли.
За грань Бескид, курящихся туманом,

И к Черноморью двинешь рокот воли,
И глянешь, как хозяин домовитый,
На хату светлую свою и поле.

Прими ж мой стих, хоть и тоской повитый,
Но полный веры; горький, но свободный;
Его в залог грядущего прими ты,
Как скромный дар, народ мой благородный!

«Моисей» Ивана Франко. — одна из вершин украинской поэзии, рядом с «Марией» Шевченко, «Лесной песней» Леси Украинки.

•

И последние сборники стихов Франко — «Из дней печали» (1900 г.), «Semper tiro»[21] (1906 г.) — свидетельствуют о полном расцвете его поэтического таланта.

В сборник «Из дней печали» включены проникновенные лирические стихотворения. Многие из них— подлинные жемчужины нашей поэзии.

Вот, например, известное стихотворение, завоевавшее широкую популярность и неоднократно положенное на музыку:

Когда порой, в глухом раздумье,
Сижу угрюм и одинок,
Негромкий стук в окно иль в дверь
Вдруг прерывает дум поток.

Откликнусь, выгляну — напрасно,
Нигде не видно ни души,
Лишь что-то в сердце встрепенется,
О ком-то вспомнится в тиши.

Быть может, там, в краю далеком,
Сражен в бою любимый друг?
Быть может, брат родной рыдает,
Склонясь на прадедовский плуг?

Быть может, ты, моя голубка,
Кого люблю и жду в тоске,
В тот миг меня с немым укором
Припоминаешь вдалеке?

Быть может, подавляя горе,
Ты молча плачешь в тишине
И капли слез твоих горючих
Стучатся прямо в душу мне?

Франко-лирик в этих стихах добивается изумительного художественного своеобразия. Оттенки чувств и настроений находят в его поэзии этих лет неповторимо тонкое и глубокое раскрытие. Форма его стиха достигает высокой мелодичности и музыкальности.

Вместе с тем он был и остается последовательным реалистом. Он по-прежнему во главу угла ставит идейное содержание искусства. Он категорически отвергает попытки символистов и декадентов всех мастей сделать «музыку слова» некоей

поэтической самоцелью.

В книге Франко «Semper tiro» помещена поэма «Лесная идиллия». Пролог поэмы направлен против нашумевшего в свое время литературного «Манифеста» молодого поэта-декадента Николая Вороного, выступившего в защиту «чистого искусства», «искусства для искусства».

Иронизируя над стремлением Вороного и его единомышленников оторвать искусство от общественных задач, превратить поэзию в прибежище «отдыха» и «покоя», Франко пишет:

«Долой тенденцию, поэты,
Без этой надо петь приметы,
Без специальных устремлений,
Без мировых скорбей, мучений…
Побольше песен нам беспечных,
Идущих из глубин сердечных,
Чтоб современник-горемыка
На миг опомнился от крика».

Этой программе «бестенденциозного» искусства поэт-борец противопоставляет требования поэзии боевой, вооруженной передовыми идеями:

Нет, милый друг, не та година!
Сегодня песня — не перина,
Не госпитальное леченье, —
Вся — страсть она, и вся — мученье,
И вся — огонь, и вся — тревога,
И вся — борьба, и вся — дорога…
Так не старайся, друг любезный,
Сманить поэтов смутной песней,
Любовным розовым туманом
Иль мистицизма океаном.
С дурманом кушаний не надо,
Поэзия — не клоунада!

Заветное, излюбленное определение поэзии у Франко заключается в этом знаменитом образе:

Слова — полова,
Но вот огонь в одежде слова —
Неумирающая фея

Правдивой искры Прометея.

Именно в соединении с высокой идейностью «мякина» слова загорается ярким огнем поэзии. Меньше всего склонен был Франко недооценивать словесную форму искусства. Чудесное, задушевное стихотворение именно о живом и горячем слове находим в том же сборнике «Semper tiro».

Когда б ты знал, как много значит слово,
Исполненное нежной теплоты!
Как лечит раны сердца, чуть живого,
Участие, — когда бы ведал ты!
Ты, может быть, на горькие мученья,
Сомкнув уста, безмолвно не взирал,
Ты сеял бы слова любви и утешенья,
Как теплый дождь на нивы и селенья, —
Когда б ты знал!

«Огонь в одежде слова», поэзия, исполненная нежной теплоты или пламенного гнева, до самых последних дней Ивана Франко его неизменный девиз.

•

Последнее десятилетие жизни писателя — это страшная цепь несчастий.

Тяжелая болезнь лишила его возможности самому писать. Но он упорно работает, диктуя свои стихи, прозу, переводы, научные труды.

В 1910 году неизлечимо заболела жена Франко, ее пришлось поместить на долгие годы в больницу[22]. Весной 1913 года скоропостижно скончался сын Андрей, который был его неутомимым секретарем и сиделкой.

До последнего дня своей жизни великий поэт испытывал страшнейшую материальную нужду. Но не националистическое «Общество имени Шевченко», не всевозможные буржуазно-либеральные организации и издания спасали Франко от голодной смерти. В полицейских архивах обнаружены любопытные документы, например: «Список лиц, принимавших участие в пожертвовании денег по подписному листу для образования фонда имени украинского писателя и общественного деятеля в

Галиции Ивана Франко». Здесь значатся фамилии рабочих и служащих Московско-Киево-Воронежской железной дороги и крестьян. Они собирали средства для помощи Ивану Франко. Эти лица были полицией арестованы…

В эти последние годы скованный болезнью писатель, превозмогая недуг, много ездил по родной стране: читал землякам своего «Моисея».

Осенью 1911 года отделение союза учителей в Тарнополе пригласило Ивана Франко выступить у них.

Договорились о его приезде в один из воскресных дней середины декабря. Расклеили афиши. Наняли большой зал. Пассажирский поезд приходил из Львова в Тарнополь около трех часов дня. Целая делегация вышла на вокзал встречать дорогого гостя. А он почему-то не приехал…

Следующий поезд, скорый, прибывал после пяти часов. А начало вечера было назначено на пять.

Один из устроителей этой встречи учитель гимназии сын известного писателя Андрея Чайковского — Николай Чайковский отправился на вокзал встречать следующий, пятичасовой поезд. Он вспоминает:

«Было уже довольно темно. Вокзал слабо освещался, и я очень боялся пропустить Франко. Хожу вдоль вагонов и вижу, что к выходу поспешно направляется какой-то человек небольшого роста. Я бросился за ним, действительно это был Франко. Мы поздоровались, и я проводил его до экипажа.

На вокзальной площади выстроились в два ряда ученики гимназии и приветствовали гостя возгласами:

— Слава!

Франко это было очень приятно. Он сказал:

— Вот хорошие ребята!

По дороге я спросил у Франко, не голоден ли он. Мы остановились возле Подольской гостиницы и зашли в ресторан. Франко заказал себе котлеты и пиво. Я его, разумеется, покормил и напоил: у Франко были парализованы обе руки».

Когда, наконец, прибыли в зал, где должен был состояться вечер, оказалось, что народу собралось множество. Франко вышел на сцену. Его встретили долго не смолкавшими аплодисментами.

Франко целиком прочитал «Моисея». Начал он чтение с первой главы, а «Пролог» прочел в заключение.

Вслед за последними словами «мій скромний дар весільний» в зале наступила мгновенная тишина. А потом сразу буря рукоплесканий и возгласы:

— Слава! Слава!

Может быть, именно в эти последние годы, когда все

решительнее наступала болезнь и стремительно убывали силы, писатель острее, чем когда бы то ни было, почувствовал свою близость и свою нужность миллионам простых трудовых людей…

Иван Франко умер 28 мая 1916 года, в разгар первой мировой войны.

На похоронах писателя собралось до десяти тысяч человек. Здесь были не только студенты, не только передовая интеллигенция, но и рабочие и крестьяне — те, кому всю свою жизнь безраздельно посвятил гениальный сын народа.

XIV. ТИТАН МЫСЛИ И ТРУДА

На Лычаковском кладбище во Львове над могилой поэта стоит гигантская символическая фигура камнелома с киркой в руках.

Франко всю жизнь без остатка отдал народу, отдал за то, чтобы перед народом открылись широкие и вольные пути.

И народ пошел к счастью вместе со своим бессмертным певцом.

— Он жив! Он и сегодня с нами, в одной шеренге с гуцулами Карпатских гор, с сынами зеленой Буковины, со всем сорокамиллионным украинским народом, ныне воссоединенным в едином Украинском Советском Государстве. И в этом прекрасном здании свободы, сооруженном теперь на галицкой земле руками Коммунистической партии, есть и труд нашего писателя, великого гражданина.

Так говорил академик Агафангел Крымский в дни, когда отмечалось двадцатипятилетие со дня смерти великого «Каменяра».

…Многообразное литературное наследие Франко для нескольких поколений и писателей и читателей стало целой школой, больше — университетом идейной глубины и художественной силы.

Его голос звучит и для украинцев и для русских, для казахов и для латышей. Для всех, «в кругу народов вольных», кто неразрывно соединился под знаменем коммунистического труда.

Выдающийся украинский советский поэт, лауреат Ленинской премии Максим Рыльский пишет:

Люблю огни заводов новых —
Как жемчуг к жемчугу вдали!
Дивится мир — и в древнем Львове
Мы, коммунисты, свет зажгли.

Люблю я дружеские встречи,
В них наше братство расцвело;
Франко внимает каждой речи,
Стефаник клонит к нам чело.

Они живут, их голос с нами,
Не погасить их светлый взгляд…
Мы с лютыми простились днями —

И груз веков навеки снят…

И мы идти вперед готовы —
Так, как одна течет река, —
С народом Пушкина, Толстого,
Народ Шевченка и Франка!

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

1856, 27 августа[23] — В селе Нагуевичи Дрогобычского уезда в семье сельского кузнеца родился Иван Яковлевич Франко.

1864–1867 — Учится (со второго класса) в нормальной четырехклассной школе ордена василиан в городе Дрогобыче.

1865, весной — Умер отец. Мать вторично вышла замуж — за крестьянина Григория Гаврилика.

1867–1875 — Учится в Дрогобычской гимназии. Много читает, собирает собственную библиотеку. Пробует сочинять — в стихах и в прозе,

1872, весной — Умерла мать.

1874, 13 мая — В студенческом журнале «Друг», № 3, выходившем во Львове, напечатано первое произведение Франко — сонет «Народная песня». После этого систематически печатается в этом журнале.

Летом — Путешествие по селам Прикарпатья. Знакомится с Ольгой Рашкевич.

1875, осенью — Переехал во Львов и поступил в университет. Участвует в «Академическом кружке», в журнале «Друг». Дружба с Михаилом Павликом.

1876 — Вместе с Павликом входит в состав редакции «Друга». Выпускает с товарищами альманах «Днестрянка». Опубликованы повести и рассказы: «Петрии и Довбущуки», «Лесихина семья», «Два приятеля»; сборник стихотворений «Баллады и наставления»; первые литературно-критические статьи — «Словечко критики», «Поэзия и ее состояние в настоящее время».

1877 — Начинает работу над бориславским циклом повестей и рассказов; переводит на украинский язык произведения Чернышевского, Помяловского, Салтыкова-Щедрина, Глеба Успенского.

11 июня — Арестован за связи с революционерами-эмигрантами и заключен в камеру львовской тюрьмы — «Бригидки». Здесь пишет стихи «Дума в тюрьме», «Невольники», «На заре социалистической пропаганды» («Товарищам из тюрьмы»).

1878, январь — Суд приговорил Франко к шести неделям тюремного заключения и 5 гульденам штрафа. Освобожден из тюрьмы 4 марта. После выхода из тюрьмы издает журнал «Друг общества», запрещенный на втором номере; его продолжением

явились две книжки альманахов — «Колокол» и «Молот». С июля начинается при участии Франко издание польской рабочей газеты «Труд». Дружба с Людвигом Варынским. Повесть «Боа-констриктор» («Удав»). Стихотворение «Камнеломы». Рассказ «Каменщик». Брошюра «Что такое социализм?». Статьи «Критические письма о галицкой интеллигенции», «Литература, ее задачи и главные черты». Переводит отрывки из книги Фридриха Энгельса «Анти-Дюринг». Позднее главу из «Капитала» Карла Маркса.

1880 — Уезжает из Львова в деревню. По дороге, 4 марта, арестован и посажен в тюрьму по обвинению в социалистической пропаганде Освобожден без суда 6 июня, но продолжает находиться под полицейским надзором. В тюрьме написаны стихи: «Гимн» («Вечный революционер»), «Не люди нам враги», «На суде» и др. Тюремные впечатления отразились в повестях и рассказах «На дне», «Панталаха», «Мужицкая расправа», «В тюремной больнице».

1881–1882 — Издает журнал «Свет», в котором публикует и собственные произведения и переводы. Повесть «Борислав смеется»; рассказы «Улитка», «Хорош заработок»; стихотворные циклы «Галицкие картинки», «Весенние песни», «Осенние думы»; статьи о Салтыкове-Щедрине, о Шевченко. Переводит «Мертвые души» Гоголя, стихи и поэмы Некрасова, «Фауста» Гёте. Живет подолгу в родном селе Нагуевичах, бывает в Дрогобыче, в Бориславе.

1883 — Повесть «Захар Беркут» Начало сотрудничества в журнале «Заря» и в газете «Дело». Рассказы «Сам виноват», «Леса и пастбища», «Цыгане», «История моей соломорезки» и др.

1885, февраль — Первая поездка в Киев. Встречи с Лысенко, с Житецким, Трегубовым и другими деятелями украинской культуры. Знакомство с Ольгой Хоружинской.

1886, апрель — май — Вторая поездка в Киев. Женитьба на Ольге Хоружинской.

1887 — Выпускает сборник своих стихотворений «С вершин и низин». Начало работы в редакции польской газеты «Львовский курьер». Написана повесть «Близнецы» («Лель и Полель»).

1888 — Участвует в издании журнала «Товарищ» (вышел один номер), в организации «Кружка славяноведения», где выступает с докладом «Русская литература XIX века».

1889 — Написана статья «Формальный и реальный национализм». Поэма «Смерть Каина». Третий арест во время кампании по выборам в сейм — 16 августа. В тюрьме написан цикл «Тюремные сонеты» и рассказ «К свету!». Франко выпущен без суда 20 октября.

1890 — Издает сборник своих повестей и рассказов «В поте лица» с автобиографией. Повести и рассказы «Конторщица», «Среди добрых людей», «На лоне природы» и др. Издает вместе с Павликом газету «Народ».

1891 — Написал драму «Украденное счастье».

1892–1893 — Подготовка и защита докторской диссертации в Венском университете. Знакомство с Ягичем, Щербатским и другими крупными учеными

1893 — Вышло второе, вчетверо расширенное издание сборника стихов «С вершин и низин». Получил премию за драму «Украденное счастье», премьера состоялась во Львове 16 сентября.

1893–1894 — Написаны пьесы «Рябина», «Учитель» и «Сон князя Святослава».

1894–1897 — Издает журнал «Жизнь и слово». Пишет романы «Для домашнего очага», «Основы общества», «Не спросись броду».

1895 — Власти запрещают Франко занять место преподавателя Львовского университета. Кандидатуру Франко выдвигают в парламент, но правительство не допускает его избрания

1896 — Сборник стихов «Увядшие листья».

1897 — Кровавые «баденовские» выборы в парламент; кандидатуру Франко снова проваливают, несмотря на огромное сочувствие народа. Заочное знакомство с Владимиром Бонч-Бруевичем. Статья «Кое-что о самом себе».

1898 — Сборник стихов «Мой Измарагд». Торжественно празднуется 25-летие литературной деятельности Франко. Начало издания журнала «Литературно-научный вестник».

1900 — Ивану Франко начинает высылаться ленинская «Искра», он получает и другие социал-демократические издания, в том числе работы В. И. Ленина. Выходит сборник стихов Франко «Из дней печали».

1905 — Революция в России. Пишет и печатает поэму «Моисей», статью о Горьком и др.

1906 — Сборник стихов «Semper tiro». Поэма «Лесная идиллия».

1908 — Начало тяжелой болезни.

1913 — Празднование 40-летия литературной деятельности Франко. Он продолжает выступать публично с чтением своих произведений

1916, 28 мая — Иван Франко умер во Львове.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

I. Произведения Ивана Франко

Твори в двадцяти томах. Киев, Гослитиздат Украины, 1949–1955.

Избранные сочинения. Перевод с украинского под редакцией М. Рыльского и Б. Тургаиова. (В пяти томах.) М., Гослитиздат, 1948–1951. (Вступительные статьи А. Корнейчука, М. Рыльского, М. Пархоменко.)

Сочинения в десяти томах. М., Гослитиздат, 1956–1959. (Вступительные статьи А. Белецкого, М. Пархоменко.)

Іван Франко про російску літературу. Статті та висловлювання. Зібрав і впорядкував М. Пархоменко. Львов, Изд-во «Вільна Україна», 1946. (Вступительная статья М. Пархоменко.)

II. О жизни и творчестве Ивана Франко

Іван Франко у спогадах сучасників. Львов, Книжно-журнальное изд-во, 1956 (Вступительная статья А. Дея.) Вінок Івану Франкові. (Статьи, речи, выступления, воспоминания, художественные произведения.) Киев, Изд-во «Радянський письменник», 1957.

И. Басс, Иван Франко. Биография. М., Гослитиздат, 1957.

О. Білецкий, І. Басс, О. Кісельов, Іван Франко. Біографія. Киев, Изд-во АН УССР, 1956.

І. З. Бойко, Іван Франко, Бібліографічний покажчик. Изд: 2-е, Киев, Изд-во АН УССР, 1956.

Михайло Возня к, Велетень думки і праці. Шлях життя і боротьби Івана Франка. Киев, Гослитиздат Украины, 1958.

Ю. Кобылецкий, Иван Франко Очерк жизни и творчества. М., Изд-во «Советский писатель», 1960.

М. Н. Пархоменко. Иван Франко и русская литература, изд. 2-е, М., Гослитиздат, 1954.

notes

Примечания

1

Произведения Ивана Франко цитируются по русскому изданию: Сочинения в десяти томах, М., Гослитиздат, 1956–1959, в переводах А. Ахматовой, Н. Брауна, М. Голодного, С. Городецкого, Е. Долматовского, В. Инбер, М. Исаковского, А. Прокофьева, А. Суркова, А. Твардовского, М. Цветаевой и др.

2

Так Иван Франко по западноукраинскому обычаю называет и русские и украинские книги — в отличие от немецких и польских.

3

Бойки — одно из горных украинских племен в Галичине.

4

Нелегальное народническое издание П. Л. Лаврова. Оно выходило в Цюрихе и в Лондоне в семидесятых годах. Свои письма к Павлику Лавров подписал: «Роберт Даль».

5

Теперь улица Каменоломов.

6

По белым подснежникам я шла с тобою и помню, как ты говорил: «Утихнут рыдания, и бедняков не будут обирать богачи, — трудиться будут мирно все для всех. И все люди-братья будут счастливы. Нас призывает свобода! Словно сеятель на ниве, мы будем сеять в душах правду и любовь! Мы готовы к жизни и к борьбе без славы… Наше кровавое сражение обеспечит будущему мир. Уже исчезает тьма — это рассветает наш день!..» Меня уносит, как на крыльях, воспоминание, и белым голубем слетела мысль вместе с поцелуем на твой лоб. И я верю в грядущее добро: над человечеством воцарится счастье, как тогда, в тот день весны, в моей душе.

7

Партия буржуазных националистов и клерикалов.

8

То есть уроженке Надднепрянской Украины. — Л. Х.

9

Частное среднее учебное заведение закрытого типа в Киеве, где служил Е. К. Трегубов.

10

То есть статьи, рассказы. — Л. Х.

11

Надднепрянскую Украину, входившую в состав России. — Л. Х.

Галичину, Западную Украину. — Л. Х.

13

Воспоминания его записал известный украинский советский писатель Петро Козланюк.

14

Лопотов — так называли в те времена тюрьму.

15

Речь здесь об известных в немецкой литературе «Панцырных сонетах» Фр. Рюккерта — Прим. И. Франко.

16

Этот первый вариант окончания «Украденного счастья» впервые был опубликован только в 1945 году, и с этим окончанием поставил пьесу (в русском переводе) Московский драматический театр имени А. С. Пушкина в 1950 году.

17

Консервативные галицкие издания. — Л. Х.

18

Польская пословица. — Л. Х.

19

«Измарагд» — наименование древнерусских сборников притч и поучений.

20

Мужественную силу если и склонит беда, так не сломит, не обратит в подлость; так и свеча, даже если наклонить ее вниз, пламени своего вниз не повернет. — Дерево, на котором обрублены ветви, вновь покрывается зеленью, и месяц из серпа снова становится полным; вы, честные, не теряйте надежды, когда гневная судьба преследует вас и бьет.

21

Всегда учусь (лат.).

22

Ольга Франко умерла в 1941 году во Львове.

23

Все даты приводятся по новому стилю.